

Учиться нужно не писать, а видеть!

А. Экзюпери

Трафопан № 3(35)-2018

Альманах для любителей словесности

Издаётся с 2010 года

Редактор-составитель — Николай Година

СТИХИ

Николай Година Из новой книги стихов.....	5
Людмила Карнаухова Вот стою, отмаливаю грех	7
Татьяна Ческидова Счастливы по-русски.....	18
Вячеслав Тюнькин Новые стихи	21
Виктор Селиванов Престолу правда колет глаз.....	29
Надежда Балаган Обещанье счастья.....	30
Тулеген Наурзбаев Старый дом	49
Михаил Авдейчик Ты сказала мне глазами.....	50
Илья Весенин Вновь встали мысли у истока.....	51
Юрий Елизаров Пропитан воздухом фарси.....	56
Александр Фунштейн Без женщин жизнь невозможна.....	57
Лилия Проскурякова Всё зовёт далёкая земля	58
Татьяна Николаева То, что потеряла и давно забыла	63
Галина Афимова Велю себе — пиши стихи	64
Евгений Хамович Опять стучит тоска в окно	65
Зоя Романова Пусть живёт моя Россия	70
Анатолий Омельчук И это страшное кино	72
Галина Савельева Где жизнь кипит	77

Людмила Куковенкова Город тихо смеётся с оглядкой	78
Светлана Кириченко Маме.....	79

Проза. Драматургия

Марина Шалыгина	
Платье	6
Виктор Ружин	
Козёл отпущения (рассказы)	9
Валерий Мякушко	
Многочлен.....	15
Тамара Симовских	
Баба Сина (рассказ).....	22
Домой	23
Колокольчик.....	27
Счастливая	28
Олег Иванов	
Иван Рябинин.....	32
Галина Козлова	
Деревенская рапсодия.....	52
Маргарита Кононенко	
Аистник Стефана	58
Наталья Паршукова	
Уголовное дело (повесть)	60
Николай Банных	
Сашкино счастье.....	61
Михаил Рудковский	
Миниатюры	67
Андрей Смолюк	
Мороз — дело относительное	79

Публицистика. Культура

Анатолий Кухтурский

Чалдон..... 13

Павел Хрипко

Капитанский сын..... 73

Александр Сухин

Народовластие — это дело правое..... 107

Детская комната

Татьяна Аверкина Из цикла «Удмуртия — земля моих отцов» 81

Эхо 81

Людмила Владимирова На воздушном шаре с друзьями 83

Зоя Савина

Сказки..... 84

Молодые голоса

Даниил Тесла Расскажу о жизни себе самому..... 85

К 100-летию ВЛКСМ

Алла Федосеенкова

С комсомольским задором..... 86

Наталья Нестерова

Наш классный папа,
или Как меня исключали из комсомола..... 90

Опыты

Наталья Ушакова Любовь не умирает 94

Анатолий Чигинцев С минутой молчания..... 98

Домашнее задание

Наталья Дубровина О добром деле, слове и семье 100

Александр Фунштейн Ненормальная зима 100

Янис Грантс

Книгочей

Ческидова Т. В. Старенький футляр..... 101
Ружин В. М. Минькины уроки..... 102
Селиванов В. В. Эхо минувшего..... 103
Мякушко В. В. Где твоё начало. Предвестие 90-х..... 103

Учеба

Александр Квятковский

Поэтический словарь..... 105

Из новой книги стихов

* * *

В деревне девок нараснело,
Как ягод в Реткульском лесу.
Пусть самоуком, то и дело,
Овсянка зенькает умело —
Тоска окольно на весу
По лошадям и по овсу.

Поля с цикорием направо.
Налево крепкий иван-чай...
Но как-то пишется коряво.
И нет положенного права
Скосить олбанский молочай
И сведать слово невзначай.

* * *

Математическим складом ума
Наделена, не иначе, кукушка.
Божеский счёт у нас с нею весьма,
Хоть и досужный, как эта опушка.

Дело не в том, что весна на дворе,
Наспех запрежним нагуляна годом.
Жизнь по пригляду подобна игре,
Но, как всегда, со смертельным исходом.

Роща соскучилась наверняка:
Песни развольны и загиши кратки...
Рубленным голосом издадека
Эхо кукует в обратном порядке.

* * *

Загодя верней, чем погода,
Спрятаться под книгой от дождя
Вместе с персонажами романа.
Схематичный не спасёт забор:
Ветер разберёт цветочный сбор,
Струи смоят с мятых роз румяна.

В детстве скрадом страх ловил меня
В темноте, в лесу... день ото дня.
Между тем, рванул фугас у дома.
Светоносные берёзы вдруг
Встали, будто на защиту в круг,
Внемля фронтовым акцентам грома.

* * *

Щерба заборная — спасенье для собак
И остального мелкого народа.
Нырнёт туда же и какой-нибудь слабак,
Протиснется, коль вынудит природа.

Мазливой охрой загрунтована тропа,
А небо симметрично котловану.

Тут скоро новый дом поставят на попу
И я уже за горизонт не гляну.

Как говорили в старину, мне вчуже жаль
Лес выгубленный, пташек пофамильно...
Над городом дымы — темна его печаль,
Но простота удобна и умильна.

* * *

Ничего не стоит за квадратом,
Беспросветной его чернотой.
В раме — ночь, неоплатным каратом
Гипнотический блеск над тщетой.

Всё вокруг не муляж так подделка.
Сам — неодушевлённый предмет.
Лес во мгле, как искрошенный мелко,
Без растительных вовсе примет.

И за узкопрактическим смыслом
Метит белую стену окно,
За которым на горьком и кислом
Жизнь замешана наша давно.

* * *

Лес не болен ещё, но уже не здоров.
Прелый запах от скользких до слизи ковров.
Издолбил мелкий долбень берёзу в труху,
Задолбал, затупил долото наверху.

Горе есть, а ума, говорят, два пима.
Из глуши философии путь на простор
Без приятства укажет однажды зима.
Снег текстурой скорлупчатой выстелит двор.

Переводом с санскрита — сорочьи следы.
Гидромет за свои пусть ответит слова...
А покуда меняется форма воды,
Я смотрю как уходят в себя дерева.

* * *

Теперь и тень в саду темна...
А. Ф.

Чердак не забит и герань не забыта...
Последние хлопоты дачного быта.

Нагонная опаль, железные сети.
Грибник у забоки — отъявленный йети.

Не личит подлеску спортивная форма:
Кривые ножонки, сложение спорно.

И небо не самого лучшего цвета,
Когда вместо Фета смотрю на всё это.

Трава избеднела, а груши прокисли.
И ос распалили опасные мысли.

Придумать хороший всему б заголовок,
Но слово затёрто и почерк неловок.

г. Челябинск

Марина Шалыгина

Платье

Умерла одинокая Любовь Алексеевна, бывшая бухгалтерша. Соседские бабушки жалели:
— Рановато. Могла бы ещё потерпеть.

С другой стороны, повезло: в одночасье отошла. Умерла, не болея ничем, по больницам не ездила. И деньги на похороны не копила. Да из каких копить! Сроду племянницам все денежки отдавала, а они и не навещали, некогда им. А родилась эта бухгалтерша от отца-фронтовика в сорок пятом году. Через год отец умер от раны открывшейся. И росла Любаша в семье, где одни голоднущие женщины: мама, бабушка, старшие сестры и мамина двоюродная. В пять лет отправили девочку в туберкулёзный санаторий. На телеге увезли хворую. А девчонка ещё цеплялась за мать:

— Мамка! Не отдавай меня! Не хочу!

Вылечили, подкормили. Тихая росла, тонкая, белёсая, умненькая.

В двадцать случилось с ней горе-беда. В марте шла с бухгалтерских курсов через городской пруд. Несла с собой, как водилось у девок, пузырёк с кислотой. Тогда много у нас уголовщины было, девчонки и носили, как оружие, пузырьки эти. Не помогло Любаше «оружие» — около берега поймали пьяные мужики, затащили в лодочный сарай и наиздевались вволю.

Отыскали потом злодеев, судили, посадили надолго. Люба в больнице отлежала, оклемалась, к жизни оборотилась. Но с тех пор вовсе не могла переносить молодых мужицких голосов и мата. Как только в бухгалтерию заваливались весёлые водители, испуганно моргала и узкой ладошкой махала, указывала на дверь — де, мешаете зарплату выдавать. И ухаживаний никаких не принимала (да и ухажёров немного было), и ни разу в жизни не имела ни сердечного друга, ни — тем паче — любовника. Хотя в остальном была очень даже нормальная: по работе усидчивая, исполнительная, к людям — отзывчивая, никогда, бывало, в деньгах не откажет. А уж племянниц — задаривала, чем могла.

Накануне смерти вечером Алексеевна смотрела по телевизору старый советский фильм про любовь. Так, вполглаза смотрела, потому что шила для внучатой племянницы платье нарядное, розовое, для выпускного. И получалось оно лучше фирменных. Примеряла на себя перед зеркалом -фигурой была худая, тощая даже, размер подходил — вот и мерила. Легла после полуночи, заснула крепко. И сразу начал ей сниться редкостный, яркий сон. Будто платье на ней розовое, для внучатой племянницы которое. Будто молодая она, и стоит перед зеркалом, вертится, смеётся. На голове вуаль, а из-за плеча букет кто-то подаёт. И знает она, кто. И обнимают её крепкие руки, не отпускают, но не противно ей, не давится она привычным тошнотным страхом. Любит она того, из фильма, рослого, простого, родного. И всё, как у людей быть должно: единственные слова, жаркие поцелуи и, наконец, полное и счастливое соитие — залог торжества вечной жизни земной. Такую необъятную радость испытала Люба, такая юная жажда жизни её посетила, что проснулась она среди ночи в слезах благодарности и умиления. Сердце захлебнулось радостью, запнулось и остановилось навсегда.

Пришли, приехали племянницы, похоронили, помянули тётеньку. А внучатая — Лена, для которой платье было шито, говорила:

— Ни семьи, ни детей, ни любви. В бухгалтерии век просидеть — кошмар какой! Бедная тётенька, и зачем только имя у неё такое было: Любовь!

Родственницы возражали:

— Не-е, а мы ей — что? Мы ж её, а она — нас — любили же! Родня же! И пожила хорошо.

Но не слушала Лена, плакала о тётеньке:

— Ничем её жизнь не наградила, и Бог не пожалел, не понимаете, что ли...

А платье сшитое Лена носить не захотела и на выпускной не пошла. Платье лежит в комодке розовым облачком в тёмном матерчатом мешочке, как младенец в уюте материнской утробы.

г. Кыштым

Вот стою, отмаливаю грех

* * *

* * *

«Закрывают журнал без особых причин», —
 Выручаем товарища — строчки строчим;
 Выручаем друг друга,
 Так случилось: сроднились,
 В альманаховом круге
 Судьбы наши вершились,
 Дурака не валяли на крылатых конях;
 разностопных слов ялик
 На подводных камнях?
 Проплывём, их минуя,
 За перо пора браться;
 Создавайте ликуя,
 Виртуозное, Братство!

Солнца ранний лучик
 Золотисто звонкий!
 Старшенький мой внучек,
 Зови гулять сестрёнку!
 Расти, Елизавета¹,
 Другом Тимофею²,
 Имена заветные
 Посланны вам феей —
 Через папу с мамой
 С небесе святых,
 С годков самых малых
 До самых золотых.

* * *

* * *

В пажить вольную забрести
 Да минуя судьбы острог —
 Разгуляться, избобрести
 Ну, хоть пару крылатых строк.
 Размахнуться, да всяку нежить
 Оплеухой одной: не жить вам,
 Где моё вызревает жито,
 Где июль такой свеже-нежный.
 Разгореться — как разговеться,
 Сердцем вольным весь мир объять...
 Да хоть малость себя понять.

Вот весна и праздник Пасхи.
 В лужах — солнца перепляски,
 В скверах — кроны-седовласки,
 Теснота в маршрутках тряских,
 В планах — в Думе перетряски...
 Лица-маски, голос ласков,
 Да в глазах всегда опаска:
 Как бы избежать огласки!
 Детки все в пыли в колясках
 На ухабах — в ливни — вязких...
 Жизнь — слепая синеглазка,
 И тебе охота в сказку.

* * *

* * *

— Где ты опять бродила, бродяжка,
 В каких разнотравьях гуляла, гулёна,
 С какими ветрами шаталась, шатунья,
 Где свой талант промотала, мотовка?
 — Я перешла реку жизни по броду,
 С голубем мира голубкой парила,
 С бесценной пылью уносило по ветру,
 Чтоб нищим таланты мои раздарила.

Он изрёк, закусывая пиццей:
 — В поднебесье, где летают птицы,
 Самолёты и парашютисты —
 Место обитания нечистых.
 А все чистые, святые — в небесах...
 И сковал меня недужный страх,
 И согнул потом нелепый смех:
 Где граница и у этих, и у тех?!
 ...Вот стою, отмаливаю грех.

* * *

* * *

Солнце роняет перья
 Бабьему лету на гнёзда,
 Гром, далеко не первый,
 Всё ещё в первые рвётся.
 Осталось и мне немного:
 Последний букет собрать,
 С вами «присесть на дорогу»,
 Мой удалой собрат.
 То мальчиком, что конопат,
 То с царственным ликом матовым —
 Себя ли короновать,
 Иль удочки, в пору, сматывать...

«День ушёл, убавилась черта...»
 Дверца на ночь плотно заперта?
 Ведь не хватит суток, чтобы счесть
 на добро ворья, ловцов на честь.

Прочь и ночь — пуглива и пошла,
 я нацелилась — к Тебе пошла:
 каюсь, каюсь, этой ночью томной,
 я во сне кружилась с силой тёмной.

Солнце встало! В пустоте пустот
 затерялся безымянный мот...

¹ Елизавета: почитающая Бога (евр.).

² Тимофей: почитающий Бога (греч.).

День второй. Письмо родне пошлю,
кошку из лоскутиков пошью,
и дотошно по «Меню и Храд»
прожитых годов сверяю хлад.

...Ломит копчик и в ступнях — ломо́ть,
про земной поклон не думай даже,
голубого небушка домоть —
как эпитет чёрствый эпатажа.

Третий день. Косышкой забот
заткнут был с утра беззубый рот,
уж не до красот, не до стихов —
уйма дел до первых петухов.

*

Но придёт суббота, в храм приду,
среди всех, в каком-нибудь ряду
милосердия приявши вкус,
как покровом, «Херувимской» облечусь.

* * *

Спорила сама с собою
И звала простой судьбою
Непосильный Дар.
Одарить такую болью:
Не фатою, а Любовью —
Кто ей право дал?
Рук протянутых пожатыя
Я боялась как пожара —
Чудилась всё мгла.
В сердце — то костры носила,
А их свет в глазах гасила —
Вот как я могла.
А под сердцем-то два сына,
Два ростка твоих растила...
Ты прости меня.

* * *

Постаментом, видным за версту,
Третий час мы коченеем на мосту,
Как тебя дыханьем мне согреть,
Мой младенец! Первенец! Мой грех?
Память — разгильдяйка, что не надо —
помнишь,
Не спешили граждане на помощь,
«Нам не по дороге», — из авто кричали,
Но прошли мы к Радости через все печали,
Кто-то с Миров горних всё же нас хранил,
Особым навигатором одарил.

* * *

Лист «для записи» из «Божия Закона» —
Я пишу на нём последнее письмо.
Аве Мудрый, все преграды смой
Между мной и мужем «Незаконным»;

Да не мужем даже, но отцом
Наших сыновей, таких желанных,
Судьбоносных, светозарных, жданных —
С отчеством его, его лицом.
Повинюсь в гордыне, в нищете,
В лепоте к земной нескладной твари,
В том, что маркирована не тарой
Прозябать, не стариться в тщете...
В чём же ещё надо — повинюсь
Воплем покаянного канона!
...Солнца предзакатного корона
В облаках высвечивает плюс.

* * *

Завтра брату будет шестьдесят,
Пенсион свой первый он получит.
Может, станет жизнь его получше,
Иль останется как год, как пять назад.
Может, он найдёт своих детей,
У двух жён прощения попросит...
Или просто всё запапиросит
Дымом — череду грядущих дней.
Может, крикнет солнцу: ты сожги
Все мои ошибки и печали
И, как в дальнем молодом начале,
Свет в душе негаснувший зажги.

* * *

Этот ящик приворо́жит
И совсем заворожит,
От безделья совесть сгложет,
Жизнь реальная сбежит.
Но вот стал ты аналитик,
Помудрел твой хмурый лик,
Ты в делах — любых — политик,
В любых топях свой кулик.
«В ящик паяться негоже,
Вдруг там дама в неглиже»
... Плюсы-минусы итожу,
Всё решу сегодня же!

* * *

Не будь больше дурой набитою,
Лошадкой, на скачках побитою,
Ни птицей, в полёте подбитою,
Ни — хамами в угол забитою,
Ни вазой, варваром разбитою,
Ни зомби, в извилину вбитому,
Что он — ручка, к двери прибитая!
Журавлик, от стаи отбитая,
Восстань, ты жива, не убитая —
Лишь крылышко справа подбитое,
Живи, детка, с толку не сбита!

* * *

Счастье — вольная пташка —
Село неподалёку,
Рождённый наш был в рубашке
Но службы второго срока.
Разве всё это важно
Верным служакам Мира,
Светлей его лик сермяжный
Помазанных лучшей миррой.

Девиз его — постоянство
Внедрения в тайны знаний;
(«отпетое хулиганство
его полковое знамя» —
морщатся боязливые,
халдеи глаза отводят...)
...огней очищающих ливни —
счастья надёжные всходы.

г. Челябинск

9

Графоман № 3(35)-2018

Виктор Ружин

Козёл отпущения

рассказы

Тропа в никуда

Хренов с Луковым отбывают времечко в уснувшем социализме, да не в какомнибудь, а в хмельном развитии, где можно теперь до коммунизма даже рукой дотянуться. Шаг ступил — и ты там.

И вот им до смерти захотелось поймать живой коммунизм. Ступают они, ступают, тянутся, тянутся — а его нет и нет. Где ж это он? Чёрт бы его побрал. Чё же, это мать твою, делать-то будем?

Ну и смекнули: «Чё пуп рвать да пирамиду мечты строить, лучше пить — быстрее там будешь, многие уже там».

И, правда, как они только зубами откупорят бутылку и смотрят: о, уже и на подножке коммунизма. А порцию пропустят — и совсем въезжают в него. Стали они уверенны, что коммунизм теперь они знают как жену родную, и даже его щупают. И ходить туда стали почти каждый день.

Как выпьют, так дорожка их сразу в коммунизм и приводит. Там им вольготно, хорошо и проспать не хочется, сохнуть-то на трезвого. Трезвая жизнь для них, что ёж раздутый, дотронуться невозможно. А прозрачную приголубил — и в коммунизме. Весело становится, разговор потоком прёт и прёт. Краснеют сразу в патриотизме и наговаривают целый вагон, да ещё и в придачу тележку.

Правда, ходьба такая вдохновенная в коммунизм не по нраву пришлась их жёнам, и пожаловались они парторгу: «Помогите вернуть мужей к жизни, не туда уходят».

Парторг Чудиков Иван Нилыч распорядился под конвоем участкового милиционера приволочь Хренова и Лукова на собрание, чтобы перед партийцами пропесочить, промыть позорным душем пьянчужек. Он был уверен, что этих придурков переменут его ребята, раз пить с головой не умеют.

— Ну-ка, встань, Хренов, выйди перед народом, да скажи, почему пьёшь, ты же рослый красивый мужик, — начал Иван Нилыч.

— Встань! — толкнул участковый Хренова. Тот встал и нехотя выдвинулся вперёд.

— Я чё — один, что ли, пью? Вы чё здесь собрались — все непьющие? Тем боле, в коммуне уже толчётесь.

— Ты за всех не говори, ты за себя отвечай, и вопросы не задавай. Тут вопросы задаём мы.

— Аха, зачем пью? Хы! Родион Фомич Хренов пьёт, чтоб в коммунизм веселей въехать! Так смотришь, в беспамятстве и жизнь быстрее идёт, а то тут с вами совсем свихнёшься — уж больно длинна дорога в коммунизм. А мы норовимся-то только к хорошему, и пьём-то мы, чтоб было самое лучшее, что в нас есть, и этим лучшим, смотришь, и покроешь плохую жизнь...

— А в терем тот высокий,
Нет хода никому, —

разошёлся тенором Хренов и с размаху шмякнул фуражкой о пол.

— Эх, Выпьем за Родину,
Выпьем за Сталина,
Выпьем и снова нальём, —

уже совсем раздольно запел он.

Раздался смех и галдёж. Собрание зашумело, разбудив дремавших.

— Хренов, ты неправильно себя ведёшь, — возмутился Иван Нилыч.

— А как нужно правильно себя вести?

Тут Иван Нилыч помрачнел и махнул рукой участковому: мол уведи.

Участковый подошёл к Хренову и толкнул его: «Топай, давай, медуза». И, прихватив Лукова, вывел их на улицу. Хренов возмутился:

— Ты чё толкаешь меня, носорог?

— А ты не тычь, пьянь вонючая, я те сейчас покажу, как нужно правильно себя вести.

— Я, вонючий? Да ты сам козёл вонючий!

И Хренов с милиционером схватились за грудки. Луков исчез, ускользнул. Участковый завернул руку Хренову и повёл в милицейское отделение. Заведя Родиона в участок, милиционер отдал команду своим помощникам:

— Начинай аттракцион. Козлу этому рога обломайте.

Ну, те и начали. Сбросили Хренова в подпол, называемый «воспитательной комнатой», и весело стали воспитывать рассвирепевшего воспитанника валенками, набитыми песком. Били Родиона, ни как попало, а со знанием дела, профессионально, по почкам. Били со страстью охотника, загнавшего добычу. В этой расправе они были уверены, что творят великое дело, дело чести, где им предоставлена возможность очищать светлое от черноты. Как здесь не постараться! Да и не столько от уверенности, сколько от желания в безделье руки потренировать (не упускать же случай!) потешиться. Государство мужиком богато, бить — не перебить. Отмузузили Хренова и выкинули на улицу.

От такого вдохновенного воспитания почки отказались нести свою исправную службу Родиону. И он зачах. Поблёк сознанием, горестно ему умирать, аж от тоски зубы сводит. Осиротеет без него земля. Он никогда не увидит больше осень, где лист всяк своим цветом горит, и терпким запахом печальная пора щемит душу. А зимушка белыми снегами укладывает в покой, метели обвораживают дрёмой, и в глубоких снегах душа отсыпается. А морозец пробежит валиком по суставам, и, обстиранный холодами, ты, ободрённый, радуешься приходу лета. Птичку прилётную со слезой встречаешь. Но теперь все это кончено, и не умыться уже ему росой. И всё это исчезнет в чёрной вечности.

И на последнем вздохе Родион кликнул сына.

— Сынушка! Христом Богом тебя прошу, в доску расшибись, но выучись. На такой земле грешно только душой жить, надо и умом в неё вживаться. Обхвати учением землю нашу, чтобы глаз прорезался. Да отточенным глазом узри, что мы за народец такой и в том ли отечестве мы горюем. А может, дикого зверя за государство держим? А то мы-то, слепота куриная...

И взяв слово с сына, он молча отошёл. Отошёл, истерзанной муками, душой в бескрайность навсегда. А жена его Степанида будет бесконечно его ждать. Она ждала его всё время. Ждала его, когда придёт с работы. Ждала когда, он её поцелует. Ждала когда, он бросит пить. Ждала когда, в их дом придёт где-то заблудившееся счастье.

А сыну Хренова, Глебушке, не как не удавалось глаз прорезать. Муть глаза пеленой держала. А как всякими кампаниями мозги ему хорошо потрясло, муть-то с глаз и слетела, и тут он и увидел. О-о-о, с коммунизмом-то шашни водят! И что самое интересное, он там увидел товарища парторга Чудикова Иван Нилыча. Он, оказывается, там шутом работает, чудо чудит, главному шути славу поёт, и этим хорошо кормится. И этих чудиков-шутков там пруд пруди. Забавляют народ, на каруселях от скудости закруживают, дурманом пьяным да опиумом лжи глаза застилают. Они там хороводят, шкодничают над пропастью, коммунизмом народ щекочат. В этом хороводе на золоте топчутся, а бедность в медаль зачеканили. Чёрную тоску праздником величают, торжествуют, безумием упиваются.

Чтобы не быть насмерть защекоченным, народ обороняется громким хохотом да в надежде судорожно хватается за воздушное облачко, чтобы не свалится в бездну. Умиляясь этому своему облачку, облачку счастья. Что народу остаётся делать? Хохотать, коль с ним шутят злую шутку. И хохотом он спасается, чтобы не быть поражённым шкодой в паралич. В хороводе народ перед выбором. И выбрал он: лучше смех сквозь слёзы, чем смешная смерть.

И в этой пляске бесовской про шкодили все дороги, осталась только шутовская тропа в никуда.

Козёл отпущения

Поехал я из деревни в город. Еду я по лесу, а на меня, возьми, дикий козёл, да и выскочи, и прямо под колёса. Остановился я. Что делать? Ну, забросил козла в багажник и поехал к егерю. Приезжаю я к нему — так, мол, и так, говорю. Ну, он посмотрел на козла. Ты, говорит, вот что — шкуру с него сними, а мясо в милицию отвези, чтобы они там зарегистрировали. Ну, ладно. Я так и сделал. Приезжаю на другой день в милицию. Так и так, мол, козла сбил на дороге, открыл багажник и показываю. Милиционер смотрит.

— А где шкура? — спрашивает.

— Дома, — говорю.

— А у егеря был?

— Был, — отвечаю.

— А где справка от егеря?

— А он мне не дал.

— Ну, езжай, привези справку.

Ну что ж, пришлось ехать опять к егерю.

Приезжаю к нему, на следующий день, а его дома нет. Где-то по лесу шатается. Целый день я его прождал. К вечеру аж пришёл, нацарапал мне справку. Ну, я её, дорожку, в милицию-то и доставил. А в милиции мне и говорят.

— А где свидетели, что ты его, козла, случайно задавил.

— Да нет у меня свидетелей. Где их в лесу взять, они, чё, там бродят или под кустами сидят?

— Ну, раз ты такой умный, плати тогда штраф. Вы народец ушлый, на вашей совести чёрт отоспался.

Пришлось срочно ловить свидетеля. Поймал я тут одного, говорю:

— Вот, так и так, выручай. Иди в свидетели, что ты видел, как этот козёл вонючий сам мне под колёса заскочил.

Мужик, это, так, прищурился и говорит:

- Пойду я, пожалуй, к тебе в свидетели, но с одним условием — если ты меня перед этим хорошо, хорошо напоишь.

Пришлось его вести в кабак и ублажать водкой. Так он, сукин сын, дорвался до дармовщинки и просит ещё и ещё. В общем, вусмерть упился. Как вести его в милицию — ума не приложу. Пришлось ждать, пока проспится. Под утро растолкал я его, а он мне толкует:

— Давай, знашь чё, козла сожрём, и всё. Козла нет, и дела нет. Тебе лучше будет.

Ну, не стал я его, конечно, слушать, а привёз чуть тёплого в милицию. А там как посмотрели на его:

— Ты кого к нам привёз? Это не свидетель, это пьянь подзаборная. Ты хорошего свидетеля вези.

— А где я вам возьму хорошего, Зарылись совсем, они же на дороге не валяются.

— Ну, тогда мы здесь с тобой канителить не будем, плати штраф — и кончаем дело.

Чё делать? Стою, горюю. Подходит тогда ко мне другой милиционер — видать, чувствительный, и предлагает:

— Ладно, не убивайся, на лапу дашь, да шкуру в придачу.

— Чё, свою, што ли?

— Да твою-то мы с тебя и так снимем. Шкуру козла, козла давай, понял? Тогда и этот свидетель пойдёт. Сделаем, и всё в порядке будет.

Куда денешься, пришлось дать. Общем, оформил я дело в милиции, и они мне говорят, чтоб это дело всё по закону, было, вези мясо в детский сад. Они там свешают, сколько килограмм. Дадут тебе бумагу, утверждающую, сколько козёл весит, и с этой бумагой ты явишься в городскую администрацию. Там тебе это дело завизируют и печать поставят. И будет тогда всё, как надо. И тогда козла в детсад и сбagriшь. Ну, я так всё и сделал. Вначале в детсад, там свешали, дали бумагу. С этой бумагой и козлом еду в администрацию. Приехал, а там, того человека, который эти дела ведёт, нету. Где-то важными делами занимается. Общим проважничал он где-то целую неделю. А как появился, так на меня ещё и полкана спустил:

— Ты чё, — говорит, — не мог раньше появиться? Носит вас чёрт с козлами этими.

Ну а как я мог раньше? Будь-то козлы, по расписанию под колёса бросаются. Козёл он и есть козёл — он же упёртый, дикий, ему по бороде распорядки чинов.

Пришлось в ноги пасть к нему, умолять. Ну, ладно, смилостивился, добрый оказался. Дал мне бумагу с печатью. Вздохнул я тогда — всё, думаю, отмаялся, сделал дело. И отвёз честь по чести мясо в детсад.

Еду с чистой совестью домой обратно. Встречает меня тот свидетель и так смеётся, так смеётся, что аж за живот хватается.

— Чё, — говорю, — такое?

— Чё, чё, стоеросовая ты башка, — говорит. — Дело такое развернул, у нас разве можно быть таким. Ты же и будешь, виноват, балда. Ха-ха-ха, о-ха-ха, туши свет. Да лучше бы мы с тобой этого козла оприходовали, и ни каких мук. А теперь тебя затаскают — козёл-то уже протух.

Так оно и получилось. На другой день приехала милиция, но теперь, уже по мою шкуру. Мол, я порченого козла с вредительским намереньем подсунул. Затаял деток уморить.

Молчун

В народе говорунов называют болтунами, а молчаливых — молчунами. «Нашёл — молчит, потерял — молчит». У колоритного мужика Федосея жизнь и пролегла через это. Заступил он в неё на полном серьёзе и основательно. Никаким соблазном не свернёшь, и вырвал из жизни себе смысл в молчании. Если одно слово за день изложит, то хорошо. Когда сидит, то бывает смирным, а когда лежит, то — тихим. А бывает, сидит на крылечке и совшушкой, не шелохнувшись, на всё поглядывает. Улыбается молча, здоровается, тоже молча, кивком головы. Зато, ни одно матерное слово из его уст не вылетало. И кушал исправно. Жена наблюдала и была довольна, когда он, поевши, ложку оближет. Это — хороший знак, значит, еда пришлась ему по вкусу, и таким манером он приносит ей благодарность. От аппетитной трапезы Федосей становился разморённый, и глаза тяжелели в дрёме.

Если копает он огород, то грачи стайей слетаются к нему полакомиться червяком. Они знают, что он на них не вскричит, лопатой не замахнётся, с ним им раздольно.

Как-то сосед пришёл к нему во двор поскандальить. Кошка Федосея его грядки изрыла и истоптала. Так Федосей его молча животом, животом, и вытиснул со двора. Бывало и такое: если он в очереди в магазине стоит, а какой — нибудь ловкач без очереди, к прилавку нахально втискивается, то Федосей подойдёт спокойно к нему, возьмёт за руку и молча выведет из магазина. Тот пробует вырваться, но от крепкой руки терпит поражение. Отстояв справедливо очередь, купит хлеба, и пока идёт домой, всё вдыхает и вдыхает его душистое тепло, как испаринку родного дитя.

А когда знакомые приглашали его с женой попить, так он как сядет за стол, так и просидит до конца пира, не проронив не единого слова, только посматривает. Сидит молча, пьёт молча. К закуске Федосей относился философски. Вначале соленьями уважится, а как слеза в глазах выступит (это значит, сок переварительный пошёл), тогда на мясное налегает. Опьяневшие мужики подсакивают к нему с разговорами и тут же отлетают, словно ударившись о глухую бетонную стену. А Федосей торжествует, будто он в молчании верхом на коне сидит. А пляска пойдёт, то лицо его становится добрым, и он смотрит радостными глазами. В пляске он читает откровение людей и видит их распахнутую душу.

Есть у Федосея сын, они друг друга воспринимают только глазами. Приедет сын в гости, с матерью говорят, а Федосей только прилежно сидит, слушает. Сын разговорами мать спасёт и уедет, оставляя стариков на милость безмолвия.

Природа сконструировала Федосея правдолюбом и приходится ему больше смотреть, да слушать, чем говорить. Он любит природу, понимает её язык, с ней ведёт разговор. Этот мир им обжит. Федосей припал к нему ухом и слушает грудной вздох земли, а та тонюсенько перебирает нити его души, мыслью заостряет его глаз, сердце трогает задумчивыми далями. И Федосей признателен природе, что она чтит его сыновью теплоту и награждает внутренней силой.

Мир людей Федосею не интересен. Скучно ему с ними, и он заслонился от них молчаливостью. Люди кажутся ему лёгонькими, пустыми, не вязанные тугими земными узлами.

В молодости разговорчивый был Федосей а как пригляделся к трезвонной эпохе коммунизма, где гул в ушах стоял. А человек как был червем, так им и остался, только оглушённый. Трескотня одна, да пустоцвет. Семена бесплодные раздувают, а всходов-то нет. От безысходности скукожился Федосей, нет ничего настоящего. Плутовкой стала жизнь, наворожит человеку счастья, а как откроет он глаза, то там зловещая пустота. Тут-то речь Федосея и закончилась.

Мужик-то он никакой не проказник, толк в нём сохранился и цен) жизни знает. Трудно его подбить на авантюру. Никакие гром и молния его не брали. Он даже комара не убивал, он его или сдувал, или стряхивал.

Федосей был добытчиком тепла для дома, а пустыми словами огонь этот не взять. Нужно было порой кропотливо за него биться, жизнь свою на это бросать, чтобы тёплым очагом семью оберегать. За эту заботу, семья уютом ему отвечала, старанием и преданностью дом стерегла.

Только уже в глубокой старости душа стала во сне роптать. Обидой разойдётся на всю ночь, столько недовольства набунтует, что днём её приходится упрашивать угомонится. Сядет Федосей на завалинку, и греясь на солнышке в душе порядок наводит. Всё что наговорено, потихоньку улаживает, чтобы сердце гневом не дышало. Зачем это надо? Чтобы обидой душу поганить? Нет. Без зла надо в землю ложится. Чистым туда идти.

г. Конейск

Анатолий Кухтурский

Чалдон

Поля и лес помалу опустели,
Поблекли дали гулкие во мгле,
Пернатых стаи к югу просвистели,
Засеребрился иней на земле.

Среди раздолья серебра и злата
По межсезонью, словно по черте,
Согбенный путник с палкой суковатой
Брёл одиноко в стылой пустоте.

Ночами в небе ярко рдели звезды,
Как фонари, почти над головой.
Тянулись нескончаемые вёрсты
Под отдаленный жуткий волчий вой.

Не дай Господь, остаться на дороге
Глухим предзимьем в поле одному
И пробираться в страхе и тревоге,
Влача с трудом походную суму.

Кто он: острожник, что решил пуститься
Тайком в бега? Иль может быть ходок,
Отправленный на поиски землицы
И не успевший возвратиться в срок?

Куда он шел? Откуда? Неизвестно.
Кто ждал его в далекой стороне —
Старуха-мать, жена или невеста?
Как знать про то. Все может быть вполне.

Да только вряд ли встреча состоится.
Власть набирала грозная зима:
То ветер ледяной над степью злится,
То снежная кружится кутерьма.

И поняв это, в день святой Матрёны,
На берегу лесного озера
Остановился путник утомлённый,
Присев в раздумье возле костерка.

Идти в деревню к людям не хотелось
(Гадать не надо, каторжанин всё ж).
Остаться здесь, нужна большая смелость:
А вдруг до теплых дней не доживёшь.

Раздумывал, глазами цепко шаря,
Для логова присматривая кут,
Залечь в него, подобно божьим тварям,
Когда морозы лютые придут.

И, обнаружив яму, где когда-то
Перед грозой свирепый ураган
Сосну обрушил наземь в два обхвата,
Стал гоношить нехитрый балаган.

Очистил яму, углубил, расширил,
Накатом сверху выложил стволы,
Как делают таёжники в Сибири,
Жаль, что пришлось работать без пилы.

Камыш, который был вокруг в достатке,
Пошёл на крышу — целая гора.
— Ну, вот теперь, пожалуй, всё в порядке, —
Подумал мастер. — Славная нора.

Слепить из глины охристой печурку,
Сплести циновку, занавесить лаз
И можно будет продавать тужурку.
Но это так, шутейно, для прикрас.

Ну, а пока заняться провиантом
Пора пристала в самый аккурат.
И хоть в охоте бог не дал таланта,
Но голод, он не тётка, говорят.

Конечно, не возьму большого зверя,
Пусть этим занимаются стрелки,
Но куропатка, зайчик и тетеря
Найдут мои посконные¹ силки.

*

Тянулись бесконечно дни и ночи
Однообразием похожих меж собой:
День начинался стрёкотом сорочьим
И угасал под дальний волчий вой.

Чтоб как-то скрасить жизнь в своём затворе,
Из дерева фигурки вырезал,
Шиповник собирал на косогоре,
Плёл из лозы, на дичь силки вязал.

И как бы от людей не хоронился,
Открылись всё ж в лесу его следы.
Однажды на поляне появился
Лесник из близлежащей слободы.

¹ Посконь — нити из льна или конопли.

Он удивился, что в его квартале
Нашёл приют чужак со стороны.
Недели полторы прошло едва ли,
Как был он у поваленной сосны.

Не видел здесь жилища никакого.
Спросил об этом прямо чужака:
— Переселенец, — ничего другого
Не мог придумать гость издалека.

— Отбился у Челябины от обоза,
Догнать не получилось. Заплутал.
А тут зима. Пришла пора морозам.
Куда идти? У озера и встал.

— А документы есть?
— Да в том и дело,
Остался я без денег и бумаг.
С тех пор ищу обоз во всех пределах
На трактах средь телег и колымаг.

Он говорил обдуманно и внятно,
Как будто заготовлен был ответ.
Лесник молчал, и было непонятно
Поверил он пришельцу или нет.

Оставив снедь, что брал с собой в дорогу,
Уехал в ночь, пообещав молчать,
Да знамо, станет явью понемногу
Любая тайна, коль ее почать.

Так и случилось. Вскоре о пришельце
В соседних деревушках каждый знал.
Кто беженцем считал, кто погорельцем,
А кто и вовсе вором называл.

С подачи чьей-то стал для всех чалдоном,
Мол, сибиряк, на запад держит путь,
Забрёл сюда по колокольным звонам,
Решив в глухом лесу передохнуть.

Всю зиму в гости к озеру лесному
Нет-нет да, смотришь, кто-нибудь катит.
Подбросит хлебца, иль картох из дому,
А то и маслицем топлёным угостит.

Чалдон всегда держался настороже,
Заслышав полоз, в хате никогда
Не оставался (опасался все же),
Но, слава Богу, минула беда.

Весна была уже не за горами,
День прибывал, морозы отошли,
Повеяло отволглыми ветрами
Над белизной укутанной земли.

Открылись дали в бесконечной сини,
Снег с каждым днём все ниже оседал,
А вскоре и ручьи заголосили,
И вспыхнул первоцветом краснотал.

Когда, никто не скажет, скромный житель
Собрав пожитки в старую суму,
Покинул навсегда свою обитель,
Продолжив путь, известный лишь ему.

И долго перед озером у леса
Маячила гора из тростника.
И каждый приезжавший с интересом
Рассматривал избушку ходока.

Бывало, залезали в ту берлогу
Из любопытства (уж таков наш люд),
И к темноте, привыкнув понемногу,
Осматривали путника приют.

Дивились на лежанку, печь из глины,
На круглый пенёк с фигурками зверей,
Что вырезал ножом под свет лучины
Отшельник из причудливых корней.

Но как у нас бывает, все фигурки
Со временем исчезли со стола,
Не стало ни лежанки, ни печурки,
Камыш в навал и тот сожгли дотла.

Но сохранился в памяти народной
Рассказ о чужаке издалека,
Что горевал¹ в снегах зимой холодной
На берегу лесного озера.

А жителей деревни заведённой
Позднее поселившихся окрест,
Все кличут не иначе как чалдоны,
По прозвищу засельника тех мест.

с. Чудиново

¹ Горевать — бедовать, терпеть.

Многочлен

Присудили

- А? Егорыч? Заходи, заходи! Давненько не заглядывал. Что так?
- Да... целая история!
- Проходи, садись! Чай будешь?
- Спасибо! Не откажусь.
- Так что там у тебя за история произошла, что долго не показывался?
- Так вот как раз к тебе в гости я шёл. В ноябре ещё. Снег тогда первый выпал. Днём подтаял, ночью лёд образовался, а утром снежок ещё его присыпал. Вот я и поскользнулся. Как говорится, тряхнул стариной. Да так, что локоть основательно ушиб, кость надтреснула — до сих пор чувствуется.
- Не повезло тебе!
- Да! Так слушай дальше что было. Я подал в суд иск на жилищную управляющую компанию — мол, из-за их нераспорядительности травма моя произошла.
- И что?
- И, представляешь, выиграл процесс. Сам не ожидал — присудили мне компенсацию за лечение и моральный ущерб. Сто тысяч выплатили! Вот я по этому случаю и прихватил, — вытащил Егорыч из кармана четвертинку коньяка. — Пять звёзд.
- Постой-постой! Когда тебе присудили компенсацию?
- В феврале. А что?
- То-то я смотрю, что в феврале счёт на оплату квартиры подскочил. Было две тысячи триста четыре, а стало семьсот четыре. Выходит, с меня ты взял компенсацию? За то, что ходить разучился...
- Так... скользко было... не убрано.
- Скользко? Коньки надевай, если на ногах не стоишь. Вместо того, чтоб искать виновных.
- Должны же они были почистить...
- Ночью, что ли, должны были? По мановению волшебной палочки? Для таких бес-толочей, что ходить разучились, а с утра куда-то прутся. Вместо того, чтоб дома сидеть.
- Так...
- Так! Вместо триста четырёх семьсот четыре. Выходит, я тебе платил, с меня, с моих соседей, со всех нас ты взял сто тысяч за то, что попёрся не по погоде в наш двор.
- Да я...
- Вот что — забирай свой коньяк и иди, гуляй. Тротуары просохли уже, льда нет, не упадёшь. И больше в нашем дворе не появляйся!

Многочлен

Как почти все молодые люди того времени, Он был членом комсомола, пел песню: «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым». Однако с возрастом перешёл в члены партии — нашей рулевой. И, почти как все трудящиеся, был членом профсоюза, даже, помнится, членом цехового профкома. Вдобавок, когда в стране развернулось движение садоводов, сопровождая занявшуюся землёй тещу и в ожидании оной просматривая вывешенные на стенде вновь образованного заводского кооператива информацию, я обнаружил его фамилию как члена правления.

Времена круто изменились, и из нашей местной газете я узнал, что Он уже является активным членом партии Демократический выбор России. А когда всем стало ясно, что партия эта совсем не демократическая, и выбор у неё другой, отчего она сдулась, плавно перейдя всем своим составом в Наш Дом Россия, Он и оказался её членом. Но поскольку вскоре выяснилось, что Россия — дом не для всех её членов, многие предпочитают иметь дом за границей, а под словом «наш» подразумевалось что-то приватизированное, эта партия тоже канула в историю новейшей российской демократии. Тогда в душевном патриотическом порыве Он стал членом появившейся партии Патриоты России. Но к власти пришла другая партия — Единая Россия, Он спохватился и вместе со своим патриотизмом переместился в её ряды. Оставаясь, добавлю ко всему изложенному, членом правления ещё и нашего гаражного кооператива, хотя на машине его ни разу не видел.

Когда же однажды совершенно случайно я узнал, что Он ещё и член Общества охотников и рыболовов, хотя ни с ружьём, ни с удочкой ни разу не наблюдался, то задался целью: обнаружить то образование, членом которой Он не является. И вот однажды, идя с работы, наткнулся на объявление об учредительном собрании общества кролиководов. Я не собирался стать кролиководом, но не поленился и специально зашёл на это собрание лишь только для того, чтоб убедиться, что цель моя близка — его там точно нет и быть не может. Каково же было удивление, когда среди собравшихся, на скамейке в переднем ряду увидел его живо реагирующую на происходящее физиономию. А по последовавшему горячему его выступлению о важности кролиководства не только по прямому назначению, но и как наиболее эффективного средства борьбы за импортозамещение, против объявленных Западом санкций, понял, что сегодня Он станет членом не только ещё одной организации, но и войдёт в состав её правления. Хотя, как видно по его предшествующей многосторонней деятельности, разводить кроликов Он, конечно же, не будет.

Пронесло

- Смотрел вчера «Прямую линию» с президентом? — спросил глава районной администрации Дубов своего заместителя Гурина, пригласив его пообщаться, тет-а-тет.
- Смотрел, как же! — ответил тот невесело.
- Ну и как?
- Как обычно.
- А мне вот пришлось поволноваться, — признался Дубов. — Когда вопрос задали что где-то нет дороги из села в район. Подумал, что это наши обратились, из Калиновки.
- Я так тоже было подумал. Но понял, что из другой области обратились.
- Вот! Но пока это прояснилось, я думал — наши. Ведь они уже достали нас с этой дорогой. Шутка ли — пятнадцать километров грунтовки плюс мост через Черемшанку в дорогу превратить. Да мы дорогу к нашим коттеджам никак закончить не можем. Представляешь что было бы, если бы они президенту пожаловались?
- А мне, признаться, тоже поволноваться пришлось, когда по курируемому мной направлению задали вопрос про туристический кластер. Мол, деньги выделены уже три года назад, и немалые, а туристов ноль.
- Да? А я как-то пропустил. Вышел на минуточку... Но там только наше участие. Губернатор за всё отвечает.
- Но тоже пронесло! Оказалось, что не про нашу область.
- Да, но в следующем году могут и наши обратиться к президенту. Ведь «Прямая линия» ежегодная.
- Могут! Но когда это ещё будет!

Выбирай выражения

- Пётр с Николаем рассорились, похоже, не на шутку.
- Ну и дурак же ты, Петя!
- От дурака слышу! Да ты, Николай, просто... олух.
- Олух?
- Да! Самый настоящий. Олух царя небесного.
- Никогда бы не подумал, что ты такой тупица! Друг ещё называется.
- Да ты сам тупой, как сапог.
- Ха! Да ты... ты демократ! Вот кто ты.
- А ты... либерал! Да-да!
- Оба вдруг замолчали, почувствовав одновременно, что перешли все границы оскорблений.
- Ты всё таки выбирай выражения, — уже спокойным голосом сказал Пётр. — Скажешь такое — либерал. Никакого отношения не имею к тому, что они натворили.
- И ты тоже выбирай, — также миролюбиво согласился Николай. — Какой я тебе демократ?

Интересно, кто

Когда Туманов сел в автобус на первой его остановке, салон был почти пуст. Зная, что народ будет садиться в основном на следующей остановке, он занял свободное место чуть дальше середины, у окна.

И точно — на той остановке толпа плотно приткнулась к бортам остановившегося автобуса, осаждая его вход. «Интересно, кто из них сядет со мной рядом? — подумал Туманов, разглядывая оплачивающих у водителя проезд и неторопливо входящих пассажиров. — Хоть бы не эта тётка с пакетами и сумками! Забаррикадирует все подступы».

«А вдруг эта девица! — размышлял он далее. — Станет всю дорогу свой гаджет включать, писать эсэмэски да переговариваться, смотреть и слушать противно».

«Хоть бы не этот мужик — по его физиономии видать, что только протрезвел и, чего доброго, ещё и опохмелился».

«Впрочем, он, кажется, не один. С ним интеллигентная женщина, и под градусом. Очень интеллигентная, но слегка под градусом».

«А эта баба? С такими весовыми габаритами ей и двух мест мало, приплющит меня к окну, не пошевелишься»

«Дама с собачкой? Этого ещё в дороге не хватало!»

«С ребёнком? И того хуже...»

Но все эти люди либо садились и устраивались впереди, либо проходили дальше, вызывая у Туманова вздох облегчения.

Салон уже почти заполнился весь, а рядом с ним так никто так и не сел, и автобус уже тронулся.

«Это что же, выходит, сесть со мной рядом не пожелал никто? Неужели я такой... страшный?!»

Господа, россияне! (фельетон)

Дорогие россияне! Господа!

Как погляжу я, вы идёте не туда. На Штаты наплевать хотите — за прямоту уж извините. Им в Сирии утёрли нос. Крым для вас уж не вопрос. Не уступаете Донбасс... Зачем всё это вам сейчас?

А ведь дружили, господа, был министром я когда. И если вновь того хотите, мой совет вам — им уступите. «Чего изволите?» — спросите. Отдайте всё, что есть у вас — как мы делали в свой час. Буш нас хлопал по плечу: «Сделаю всё, что захочу! Подчиню себе Европу, Африку, Ближний Восток — даёте мне лишь только срок. Кто навстречу не пойдёт — поработает наш флот».

Мир совсем было притих. Я с тех пор живу у них.

И вдруг такое тут творится — Россия не хочет подчиниться! Санкции не принимает, на них жёстко отвечает...

Случиться может тут беда. Достанут и меня тогда.

Образумьтесь, господа! Делайте так, как мы тогда.

За вас я буду очень рад!

Бывший министр и демократ — А. Козырев¹
Округ Майами-Дейд
Май 2018

Мондиаль (фельетон)

— Сожалею, что английские футболисты и фанаты всё же отправились в Россию на мондиаль, несмотря на наши предупреждения об опасности пребывания там и агрессивности этой страны, — сказала премьер Тереза Мэй своим коллегам по Кабинету министров. — Несмотря на раскручиваемое нами дело с отравлением Скрипалей. Но мы с вами должны быть последовательными и игнорировать все сообщения и трансляции этого мероприятия — смотреть не станем. И, чтобы всем это наше отношение было очевидным, намечаем следующее рабочее заседание кабинета ровно в час открытия чемпионата.

Мэй строго взглянула на потупившихся членов правительства — было явно видно, что её предложение им не понравилось.

— Да-да! Там наших всех если не отравят, то распропагандируют, — поддержал её только министр иностранных дел Борис Джонсон. — К сожалению, демократическим странам Запада, несмотря на наши рекомендации, не удалось отобрать чемпионат мира у России в пользу Лондона.

¹ А. В. Козырев, министр иностранных дел в 1990—1996 гг., критик внешней политики нынешней России.

— Я понимаю, что такое футбол для всей Англии, родоначальницы этого вида состязания, — продолжила Мэй, — но мы должны быть принципиальными. Итак, встречаемся в четверг! — произнесла она тоном, не допускающим возражения, и, глядя на кислые физиономии, решила смягчить обстановку шуткой: — В семнадцать тридцать по московскому времени.

Когда в четверг Мэй вошла в кабинет, от удивления даже остановилась у входа — в помещении, где обычно все её уже ждали, находились только секретари и делопроизводители; кресла членов кабинета пустовали.

— А... где... — только и произнесла, уставившись на них.

— Борис Джонсон только что позвонил — у него диарея.

«Я так и знала, что он первый уклонится от совещания, — подумала Мэй. — Если даже и в самом деле сидит на горшке, то, конечно же, смотрит телевизор». И спросила:

— А Брокеншир где? В Северной Ирландии?

— Сообщил, что температура поднялась внезапно.

«Вот хитрец!» — Мэй едва сдержалась от гневных комментариев вслух.

— А Дэвид Дэвис?.. Остальные где?!

— Не дозвонились.

— А вы что смотрите? — прошла за спинами секретарей, видя, что те быстро и испуганно отключают Интернет. — Москву? Футбол?

И, едва сдерживаясь, и на ходу соображая как она завтра разделается с каждым членом кабинета, заменит половину секретарей, быстро покинула помещение.

г. Снежинск

Татьяна Ческидова

Счастливы по-русски

Старенький причал

Закат почти кричал.
Купался вечер
В парной реке небесной глубиной.
И старенький причал
Скучал, лишь ветер
О лодку бился прыткою волной.

Ещё, храня тепло,
Скрипели доски,
Подставив спины серые ступням,
И над водой несло
Их гладью плоской
Взлететь, подстать стрекозам и слепням.

Но слишком крепко дно
Держало сваи.
Мне думалось с грустинкой, почему
Кому-то взмыть дано
В крылатой стае,
Кому-то быть прикованным ко дну.

Мне боязно

Мне боязно. Под натиском пружинным
Вот-вот пробьют куранты на стене,
И золушкой в зловещей полутьме
Я побегу по улочкам пустынным.

— Где люди? Где? —

Зияющие окна.
Те, кто не в рабстве, обрели погост,
И городов, как разорённых гнёзд,
Ещё шуршат трёхцветные полотна.

Скитаясь по заброшенным дорогам,
Я побреду в бреду сквозь ночь и день
Искать следы вчерашних деревень,
Забытых и безбожием, и Богом.

* * *

Мохнатым паучком на волоске
Спускается на землю тёплый вечер,
А лес поёт на птичьем языке,
Сквозь пальцы солнцем ласково расцвечен.

Торжественно велик зелёный храм,
Где истинны закаты и восходы,
Где дороги и сердцу, и глазам
Его аквамариновые своды.

Я верую в наивность василька
И в колкую невинность расторопши,
Здесь каждый стебелёк наверняка
Правдив, свою мелодию изрёкши.

И дышится душицей, и ковыль
На подступах волнуется тревожно,
И чьей-то суеты нелепа пыль
На тоненькой травинке придорожной.

* * *

Лето. Город. Люди. Тени
Растянулись в томной лени
У домов, среди аллей,
Выхваляясь, кто длинней.

Лето. Город. Тени. Люди
Всё пестрят в живом этюде,
Копшатся в зное дней,
Где взброс, а где кучней.

Лето. Люди. Тени. Город,
Как один огромный короб
Новостей, реклам, звонков,
В ожиданье отпусков.

Люди. Тени. Город. Лето.
Чем не темы для сюжета,
Где сквозь брэнность суеты
Греют солнце и мечты?

* * *

Встречу тебя по-доброму,
Тёплый июньский день.
С нежностью мной подобраны
Слов кружева: — Надень,

Пусть это долго носится
Сквозь суету сует,
Где-нибудь отголосица
Светлый оставит след.

Золотом нити-лучики
К полю да озерцу...
Клевер, ромашки, лютики —
Как же тебе к лицу.

Сквозь снегопады тополя,
Не улетай, прошу!
Слышу, крылами хлопая,
Голуби в небо Шу-у-у!

* * *

Тише, дитяtko, тише,
Ночь таит глубину.
Кот на старенькой крыше
Ловит лапой луну.

Дремлют звёзды-рыбёшки,
Хоть сетями в полон.
Занавешу окошки,
Заузорится сон.

Скрип-поскрип половицы,
Домовой-ко сердит:
— Эй! Кому тут не спиться?
Кто в полглаза глядит?

Над кроваткою птица
Кажет веер резной,
Дух медвяный струится —
То ли явь, то ли снится.
Спи, кровиночка мой.

Пуп Вселенной

Город. Площадь. Посреди
Я стою, как пуп вселенной.
Душу штопают дожди
Сладкозвучьем вожделенным.

Запечатаны в авто
Едут люди — прибыл, убыл.
Им дожди, как долото,
Мне дожди целуют губы.

Им в такую непроглядь
Не застрять бы в точке энной.
Мне же хочется гулять
Потому, как «пуп Вселенной».

Громовое

Ты слышишь этот голос
Величественно грозный,
Врывающийся в полость
Сырого поднебесья?
Ему дарует колос
Свой танец грациозный,
Дождливую весёлость —
Расхлёстанная песня.

В гнезде трепещет тихо
Испуганный комочек,
И боязны, и странны
Все эти звуки птахе.
И ловит, ловит лихо
Лиловый колокольчик
В раскрытые карманы
Раскатистые страхи.

А нам с тобой отрада!
А мы лирично лужи
Рифмуем. Скоротечен
Стихийный век циклона.
И в мокрых кронах сада
Дрожат глаза жемчужин.
И пахнет, пахнет вечер
Фиалкой и озоном.

* * *

А у но́чи-то тьмы пруд пруди,
Только с виду убога, а тронь,
Разольются рулады в груди,
Лишь слепец не увидит огонь.

А у ночи-то очи черны,
Пропадёшь ни за грош, всё кляня.
Ишь, тарачится в окна луны
Леденящий зрачок. Чур меня!

Примета

А тучи господами
Гуляют, погляди.
И лужи ловят ртами
Холодные дожди.

И май исходит вроде,
Но боязно садам,
Ведь заморозки бродят
Зловеще по утрам.

И судя по приметам,
Что изредка, но что,
Отпугивает лето
Черёмуха в цвету.

Экологическое

Куда глядит цивилизация,
Где всё прожорливее власть?
А за окном моим акация
Цветеньем жёлтым взорвалась.

И даже ей, по майски солнечной,
В меню навязывают смог.
Как ни крути, и днём и в полночи
Смердит отечества дымок.

Ломают головы учёные:
«Индиго дети — парадокс!»
А по Челябинску ядрёные
Трубят клубы... как паровоз.

И невдомёк учёной фракции,
Что въелись в лёгкие дымы
И как последствие мутации,
Индиго дети — это мы.

* * *

А ландыши дышали от души,
И сад благоухал благоговей,
И феерично пафосная фея
Во мне торжествовала, и стрижи

Стремительно скользили посреди
Небесно-шелковистого шифона,
Неся на шустрых крыльшках дожди,
Проли́тые из божьего флакона.

* * *

Остывает закат.
Переменчивы майские нравы.
И уже, звездопад
Невпопад из чёрнёной оправы...

И не дать и не взять,
Благодать в океане небесном.
Мне б успеть загадать...
Только мыслям становится тесно.

А берёз туюски
Пахнут жизнью, и мается камень.
Нарекли старики
Эту пору весеннюю — травень.

И пырей у крыльца
Всё щечочет лодыжки шелками,
И звезда на ловца...
Подмигнула, махнула крылами.

* * *

Посеяно добро,
Но всходы ждать не будем,
Оставим молча про
Запас хорошим людям

И тихо улизнём,
Как в ракушки моллюски.
Мы снова этим днём
Счастливые по-русски.

Так просто и легко
Прогуливаться после...
Где небо широко
Смеётся солнцем возле

Величья куполов,
И быть собой на свете,
Где музыка ветров —
Совсем не лишний третий,

И чувствовать острее
Цвет яблони в бутоне,
И Божьих голубей
Кормить зерном с ладони.

* * *

Мне мало радости, мне мало...
Но не спеши в полон, Душа,
Ведь я жила, а не играла,
Лишь, может, чуточку спеша.

Прости немудрое невеждам,
Не ведавшим земную соль,
За боль, иронию к надеждам,
Тобою сотканной Ассоль.

И я не верю, я не верю,
Что места сказке в мире нет.
К утру затеплится за дверью,
Одетый в алое рассвет.

И нам, как птицам, нам, как птицам,
Недосягаемо пальбе,
С высот в пути к мечте не сбиться,
Скользя крылами по судьбе.

* * *

Небо серостью смято
В плотный на́волок туч.
Дождевое стаккато —
К возрождению ключ.

Под косою полосою
Липы встали во фронт,
И звенит стороною
У прохожего зонт.

Не гоняюсь за модой
Но одета в дожди.
Кто назвал непогодой
То, что песней в груди?

На пути внутривенно
Просыпается сквер,
И грядут перемены
На весенний манер.

г. Троицк

21

Графоман № 3(35)-2018

Вячеслав Тюнькин

Новые стихи

Огонь

Ты приручил меня когда-то.
И разуму наперекор,
И к вящей славе
Геростратов
Огнём решаешь всякий спор.
Хранишь очаг в своей пещере
От неолита до сих пор:
Ты жив
Пока, по крайней мере,
Подспудно теплится костёр.
Пожар тебе —
Коровой дойной.
И ты боишься одного:
Когда
«В Багдаде всё спокойно...»
Дойдёт до слуха твоего.

Вурдалак

Ошую —
Спит соседка,
Одесную —
Сосед,
Смежив навеки веки.
Да я —
Не домосед.
Как это всё постыло!
Что каторга нужна:
Обжитую могилу
Ночами покидать.

Такое нездоровье —
Хоть блажью назови —
Я жажду
Свежей крови,
Как некогда
Любви.

Однажды
Лунной ночью —
И будет поделом! —
Поставит кто-то
Точку
Осиновым колом...

Глупость

Над Глупостью не смейтесь, господа
Не потому, что Бог глупца обидел:
Страшнее
Революции и СПИДа —
Она
Непредсказуема
Всегда!

Им благодатней почвы не найти:
Она рождает
Монстров
И тиранов,
С Земли стирает
Города
И страны,
Застигнув нас врасплох
На полпути.

Восторжествует Разум!
И тогда —
Будь начеку
Во имя поколений,
Наивный,

Беззащитный,
Милый Гений...

Над Глупостью
Не смейтесь,
Господа...

г. Коркино

Тамара Сумовских

Баба Сина (рассказ)

Вдоль трамвайного пути по асфальту идёт маленькая ладненькая баба Сина. Мягкие черты лица, припухшие, вниз спадающие веки скрывали хитрые глаза, украшенные тремя морщинами, словно гусиными лапками. Из-под платка выбивалась тоненькая прядка чуть волнистых волос цвета перезрелой пшеницы, в длинной юбке, в уже выцветшей вязанной кофте, в руке узелок из ситцевого платка в крапинку. Идёт ровно, тихо, проверяя подошвой неровности на дороге, глаза уж хуже видят. Старенькая, девяностый годок идёт. Только щёчки от долгой ходьбы и волнения, розовые слегка, но радость, сама к сыночку Сашеньке в гости и собралась из Ленинского района в Тракторозаводский. Я её как-то спрашивала:

— Баба Сина, а почему пешком-то ходишь? А в ответ:

— А кто его знает, что на них написано, читать не умею. У меня Фёдор Фёдорович, царство ему небесное, счёт знал и писать умел. Когда нашей Машке 16 исполнилось, она в город поехала, так он ей и сказал:

— Машка, самое главное в жизни — счёт знать, тогда не пропадёшь. Вот она и выучилась на продавца. Так вот, Томанька моя, куда эта повозка увезёт, не знаю. Они бегают, эти ваши «трамаи» в разные стороны. А я-то точно знаю дорогуш, много лет по ней хожу и надёжно. Мы ведь, раньше бывало, из села в село пешком ходили — лошади в работе были.

В доме у сына её встретила сноха Ольга, не любила она бабу Сину:

— Ещё приедет да останется, ей что... Она бездомная. Ничего не нажила за свою горькую долгую жизнь, разве что лёгкость и весёлость непонятную. Всю жизнь ходила по богатым людям: мыла, стирала да с детишками возилась. А если и дадут за работу какой-нибудь кусок материи или денежку, она обязательно подарит кому-нибудь, своего-то угла нет, — сказывала Ольга, сама уже пенсионерка, моя свекровь.

Вечерком я заглянула на огонёк к ним.

— Опля, это кто к нам пришёл? — услышав стук двери и чьи-то шаги в коридоре, спросила баба Сина.

— Томанька, как я рада, а уже загоревала я. Не знаю, где вы живёте, и никто меня не ведёт к вам.

— Так идёмте со мной, у нас погостите, а там и дочка за вами придёт.

Мягкие руки гладили меня по голове, что-то шепча тихо. Она была как ребёнок, который ждал кого-то и, наконец, дождался.

На другой день, как мы условились, я пришла за ней после работы. Попав к нам в маленький тесный улей, она вначале как-то растерялась. Дети сновали из комнаты в комнату и на кухню, а она сидела на табуреточке рядом со мной и ждала, когда с работы придёт её внук Володенька. Я готовила ужин.

— Ну, рассказывай, баба Сина, как живётся-можетя, как Мария Фёдоровна поживает?

— Да как. Сижу весь день одна. У Машки магазин с десяти до десяти работает, водкой торгует да вином. Ну, хорошо живёт, всё у неё есть. Колбаса-то каждый день есть разная. Вы-то поди за ней в очереди стоите, а Машка как сыр в масле катается. У неё ни ребёнка, ни котёнка, а вам... ой, сколько всего надо, троих ведь поднимаете, — под шипенье котлет закончила рассказ баба Сина.

В кухню заглянул Володя, мы и не слышали, как он зашел.

— Ох, кто у нас в гостях! Бабуленька!

— Ты поди устал, так поешь, поешь, — вместо приветствия напутствовала бабушка, — я-то что, я заночую у вас ночку. Еще поговорим.

Пока Владимир умывался, она, как с подружкой, мне заговорщически кивает:

— Он-то, мой внучок, хороший, добрый, а мои детки бегали со мной по другим хатам, когда сам-то приходил с работы пьяным да злым. Главным он был в селе, заискивали, побаивались, сразу за стол, накормят. Напоят. Да и на молоденьких заглядывался. Везде ему были рады. Я вся в хлопотах. Четверо ребятишек. Все есть хотят. О-хо-хо, жизнь-то она така, любила его. А что — красивый, да статный, да грамотный, часы в маленьком кармашке носил. Беглые поляки они, в то время евреев ото всюду гнали. Я девчонкой сразу в него влюбилась, но глаза не поднимала, хоть вострая была — не перепоешь меня, не перепляшешь, огоньком жгла.

— Баба Сина, а свадьба у вас была?

— Да, нет, я и без свадьбы знала, что его женой стала.

— Когда расписались в сельсовете? — спросила я.

— Да кто же сразу расписывается? Расписываются, когда расходятся, а мы подписались, что согласны. Да что моя подпись? Крючок поставила. Раньше у баб и мыслей не было от мужика уходить. Жили и жили. Ну, да корми давай работничка-то, вон он какой у меня. Вынянчила. Времечко военное было, тяжелое, всем досталось.

За ужином много чего повспоминали, но душа бабы Сины, вижу, волнуется.

— Нет мне здесь постоя. Тесно у них. Да и пенсию мою Машка не отдаст, хоть и малюсеньякая, пятнадцать рубликов она, эта добавочка к жизни, — вздыхая, думала, сидя на табуреточке баба Сина.

Наутро встали чуть свет, нам — на работу.

— Веди, Тамара, меня к Сашке, — допивая чай, как-то грустно, задумчиво, то ли благодаря, то ли прощаясь, сказала бабуля. — Золотые вы мои, мне и вправду у вас полегчало, не зря дорожку сюда тропила, как в цветах искупалась.

И, развязав свой узелочек, подаёт мне пять рублей.

— Купи что-нибудь ребятишкам, вон они у вас какие хорошие, правнуки мои!

Домой

Как быстро несутся мысли. Перед глазами мелькают, как в кинокадрах, дорогие мне лица: Нина, Саша, Зинаида. Много это или мало? Судьба развела нас по разным дорогам. А вот в лихой девяносто девятый подарила эту встречу с друзьями, берёзами ослепительной белизны, деревней, спрятанной между гор Ильменской и Уральской грядями. Они встретили меня, как родную. Господи!

Как хорошо быть любимой. Всё пережитое вместе с ними ни на минуту не даёт расслабиться в этом каменном озабоченном городе, в котором я родилась, но сейчас я в нем одинока. Кому нужны мои радости, волнения, воспоминания. Душа плачет по бездонному голубому небу, по обласканным солнцем и землёй травам, цветам, по манящей цветущей черёмухе и песням безудержной молодости.

Никого не хотелось видеть кроме Владимира, только он сможет меня понять, мой любимый.

Утром, только открыла глаза, вспомнились почему-то все квартиры, где приходилось ночевать за эту неделю, гостя в Челябинске, каждую ночь у разных, и такая тоска взяла. Домой, только домой. Сегодня. Сейчас пятница, сегодня Киевский автобус будет, до воскресенья ждать долго.

Мороз. Утро и полусонные пассажиры остановили бег моей мысли, дали ощутить тишину, медленно возвращая к реальности.

У касс извилистыми цепочками стояли спокойные и в то же время озабоченные люди. Почему-то, не занимая очереди, я встала у кассы, сама не знаю зачем, может интуиция подсказала... И вдруг стоящая у окошечка кассы молодая женщина называет время, рейс точно такой же, какой нужен мне.

На Октябрьское утренние рейсы отменены ввиду бездорожья. Ни один автобус не прибыл оттуда, — сообщает кассир.

Что же делать? Возвращаться к дочери? Но это не входит в мои планы. Ехать? Но как? Только утренним рейсом я успеваю при пересадке на Киевский автобус.

— Тогда мне на 14:30, пожалуйста, билет до Октября, — сказала девушка кассиру.

Её слова прозвучали для меня приказом остаться в городе. За доли секунд поняла: только с ней, с этой молодой девчонкой, я могу совершить свою мечту.

— Ах, как жалко, — проговорила я, — придется искать какой-нибудь транспорт, но ехать надо только утром.

И, о... чудо. Девушка решительно возвращает билет в кассу:

— Извините, я передумала. Мне надо тоже только утром, муж будет встречать в обед.

Объединенные одной мыслью, мы вышли на улицу искать такси. Одержимые, нам даже в голову не пришло, кто же в такую погоду поедет на дальнее расстояние в глубинку.

На стоянках было пусто, и каждая проезжающая мимо автовокзала машина отрезвляла. Ноги замерзли так, как будто стельки в сапогах были не меховые, а резиновые или железные, жгли ноги и говорили: «Отступись, оставь надежду». И я уже почти сдалась, но девчонка не сдавалась. Так, голосуя на обочине дороги, каждая думая о своём, мы останавливали и останавливали машины. Вот ещё один водитель притормозил:

— Вам куда?

— Дяденька, миленький, вся надежда на вас! В село Октябрьское. Это недалеко, час езды, километров сто...

Ну, пожалуйста, нас четверо — за двести рублей. Мы по полтиннику каждая заплатим, — скороговоркой и жалостливо уговаривала моя молодая попутчица.

Я застыла в онемении. Девчонка несла невероятную ложь, и было непонятно, умышленно у неё это получилось или от холода и волнения, а может, добрые глаза водителя завожили её, как знать.

Но, когда он согласился, радость быстро сменилась тревогой: он ни разу там не был! Дорога ему незнакома!

Что заставило согласиться? Ах, да, деньги! Старенький он, пенсионер. Ему можно за один час заработать двести рублей, И так стало стыдно за ложь, что захотелось крикнуть: «Не верьте этой девчонке!» Но вдруг я поняла, что именно я заставила искать её эту машину ещё там у кассы. А девушка так замерзла, что увидев согласие, запрыгнула в машину, и тут же жалобно так мне, как своей маме, говорит:

— Ой. А моя сумка, она там, на перроне, её наши попутчицы стерегут. Вы их позовёте и сумку мою принесёте, да?

И я, Тамара Павловна, как девчонка, побежала выполнять поручение, радостно крича:

— Там у дороги — машина. Он согласен!

Согнувшись под её тяжелой сумкой, семена заочеченными ногами, вела двух степенных особ за собой.

Старенькие «Жигули» постепенно захлопнули за нами дверцы. Музыка, красивая и ритмичная, подняла настроение.

Все успокоились, как в вагоне поезда, когда каждый занял свое место, и путешествие началось.

Зажатая между двумя молодыми женщинами на заднем сидении, я расслабилась и была довольна, только скрюченные ноги жгло, как на сковородке. Теперь можно разглядеть своих попутниц. Слева, как нахохлившийся птенец, сидела та, кому все обязаны, добытчица машины:

— Понимаете, — начала она, — меня муж будет встречать на вокзале. Мы недавно поженились. Я-то в Октябрьском всего один раз была. Мне девчонки говорят: «Что ты в городе парня не могла найти? А я им: Да что вы! Это не деревня! Это село большое, там даже светофоры есть, а они не верят. Ой, я такая счастливая.

Справа — интересная дама, в дорогой шубе и вся такая элегантная. Чтобы не помять в тесноте шубу, она сняла её. Тонкий запах духов естественно дополнял её образ, в глазах тайна:

— Знаете, а я двадцать лет не была в этом селе. Еду на вечер встречи со своими одноклассниками. Как аттестаты получили, разъехались кто куда... А родители мои давно уже там не живут.

Мне говорят, зачем ты в эту глухомань едешь. Там человека два и или три твоих будет. Ни родных, ни друзей. Где ты, в гостинице, ночевать будешь?

— А что? Гостиница там есть, — сказала я.

— Правда? Надо же! И гостиницу построили?..

И тут повернув голову в нашу сторону, водитель спросил:

— Так говорите, через Еткуль надо ехать?

— Боже мой, он, действительно, не был в этом направлении, — снова подумала я. В то же время шепотком на ушко мне с ужасом выдала своё заключение врач, держа на коленях свою шикарную шубу:

— Так от него водкой пахло, вы заметили? А глаза... я работала в автохозяйстве, провела на алкоголь шоферов. У меня уже аллергия на этот запах.

Машина уверенно петляла по городским улицам, готовая вылететь на трассу, чтобы умчать своих клиентов до заветного села. Но за городом видимость стала хуже. Позёмка переметала такую гладкую и тёмную после вчерашней оттепели дорогу. Когда последние дачные домики остались позади, открылись поля, и снежная кутерьма всё ниже и ниже плясала по дороге.

Все замолчали. Каждый погрузился в свои раздумья. Водитель напряжённо вглядывался вперёд, а машина на выбоинах постукивала и постукивала под днищем, непонятно чем.

— Ну, скоро ваше Октябрьское? Мне было стыдно, но ответила:

— Ещё час, не меньше.

В машине стало теплее. «Русское радио» уже не вещало свою развлекательную программу, город далеко. Страсти убаюкала спокойная мелодия, как будто льющаяся с небес. Тепло разливалось по всему телу. Я слушала музыку, прикрыв глаза, и не хотелось верить, что за окном минус тридцать пять с метелью и порывистым ветром.

...Вот и новые дома, построенные на окраине. Наконец-то мы домчали, скорее доползли до большого села, именуемого Октябрьским. А мне предстоял ещё путь в 15 километров на маленьком автобусе «Лебедки — Киевка». Но вокзал пуст, пассажиров нет.

— Скажите, а до Киевки автобус будет? — спросила я у кассира.

— По району все рейсы отменены в связи с бездорожьем.

Что же делать? На стоянках ни одной частной машины, и знакомых в селе тоже нет, чтобы остаться на ночь.

— Кто тут в Киевку спрашивал? Подходите — будет автобус.

Но увы! Рейс выполнялся только до Лебедков! Дальше дороги нет. Соглашаюсь, хоть полдороги проеду, а там видно будет, как богу угодно.

Знакомая дорога до Лебедков показалась такой родной, быстрой, но почему-то спокойствие не приходило. Я была в каком-то подвешенном состоянии, в поиске, и, только выйдя из автобуса на мороз с ураганным ветром, начала понимать: до дома ещё очень и очень далеко.

Внутренний голос подсказал зайти в контору правления и узнать, не пойдёт ли машина председателя в Киевку, но не придала этому значения. Бодро и уверенно пошла по безлюдной деревенской улице. Ветер продувал старенькую мамину шаль, как марлю. Казалось, на голове ничего нет, ветер тотчас же попытался сорвать её. «Надо было в автобусе потуже затянуть и надеть вторые варежки», — подумала я.

Остановилась, в сумке лежали варежки внука: для починки взяла. Я сняла свои, чтобы вовнутрь надеть маленькие, но не получилось, и вторые варежки натянулись только на пальцы. Растрёпанную ветром шаль не поправить, потому что морозом скрючило пальцы. Маленькие зелёный полушерстяной платок пришлось одеть поверх шали, туго завязав узлом под шеей. В таком виде, с сумкой под мышкой, благо она была пуста, закрыла бок от пронизывающего ветра и шагала, шагала, пока не кончились дома.

Из последней избушки вышел на лай собаки за ворота мужик. Глядя на одинокого путника, шагающего в открытую степь, озабоченно произнёс:

— Куда же ты идёшь? Не дойти ведь. Смотри, что делается.

— А вчера школьников возили? — спросила я.

— Да, какие школьники! У нас уже второй день метель гуляет. Да ещё и мороз.

Паника на минуту охватила меня.

— Тебе полдороги-то в бок ветер будет дуть, а как повернёшь — в лицо. Трудно будет. Не знаю, не знаю... Часа три прошагаешь. До темноты надо успеть. Сейчас около трёх. Давай, с Богом!

Мне сегодня надо быть дома! Мысленно я уже там, и ничто не может изменить мои планы. Они уже в действии. Но на всякий случай сказала себе: «Я только попробую, не смогу: вернусь в начале пути и заночую здесь». И шагнула за деревню в степь...

Начало оказалось самым трудным, потому что низкое место с медленным подъёмом так перемело снегом, что каждый шаг давался с большими усилиями. Сапоги полностью утопали в снегу. Может, вернуться? Но ведь вверх по дороге снежных заносов может не быть? Надо попробовать. В изнурительной ходьбе, еле вытаскивая ноги из снега, я шла километра два в надежде, что дальше будет легче. Иногда оглядывалась, чтобы убедиться, что Лебедки рядом, видны и в любой момент можно вернуться. Преодолев первый подъём, я похвалила себя и пошла дальше. Видимость дороги становилось всё хуже, справа гудел ветер, колющий со снегом, и бровка, снежный вал, были занесены. А слева она была ещё слегка видна. Взяв её за ориентир, глядя только себе под ноги, я шла наперекор стихии.

Оглянувшись назад в очередной раз, я не увидела деревню. Всё!

Поднявшись наверх, оказалась один на один с госпожой Метелицей. Незащищённость, ощущение одиночества чуть было не лишили меня главного — силы духа и уверенности. Очень захотелось вернуться.

Настолько выбилась из сил, что поняла четко, что и назад по этому глубокому снегу не хватит сил дойти. Останавливаться нельзя, значит, только вперёд, пока светло. Видимость под ногами только в десяти шагах, огромные снежные воронки устроили пляску вокруг меня, растворяясь в бесконечной мгле.

Надо двигаться: в сумерках можно сбиться с пути, часов на руке нет, и время для меня остановилось.

Осознав всю сложность и чтобы почувствовать, что я не одна, начала читать молитвы вслух, но с такой силой, верой и любовью, что какой-то поток понёс меня на крыльях.

— Я сильная, я всё смогу, я не одна. Анастасия, миленькая, я тебя вижу. Там в сибирской тайге тихо, и ты летишь над глубокими снегами, как олень из сказки, лёгкая и быстрая.

И тут же впереди меня её лёгкая фигура в образе снега бежала вдоль дороги, стремительно держа один и тот же ритм. Я услышала ритм её сердца, а может, это моё сердце так стучит. Ах, да, это моё! Оно, как у молодой девушки, которая бежит на свидание к любимому.

— Володя, а ты слышишь его? Я иду, я иду к тебе. Я обязательно приду. Господи, мне бы только не сбиться с пути.

Впереди вижу короткую узкую полоску, а вокруг опустилась снежная мгла, серая и гудящая, а может, поющая. Да, да, она пела! Как она пела!

— Спасибо тебе, метелица. Ты очень красивая, ты сильная, быстрая, горячая, я тебя люблю и ветер повенчанный с тобой. Он старается, шлифует снег, так что ноги мои уже не проваливаются. Снег меня держит! И я опять радуюсь, как ребёнок.

— О, Владыки! Я знаю, я чувствую, вы подарили мне огонь. Мне так жарко, как будто вокруг не мгла, а яркие языки пламени.

Подняла глаза вверх, там, выше снежной завесы, в белых облаках сиял в улыбке Сен-Жермен, точь-в-точь, как на обложке книги, что лежит у меня на столе. И снова молитвы и призывы были на моих губах, но уже не от страха и одиночества, а от прилива большой благодарности.

Любовь разливалась по всему телу горячей волной. Было жарко, так жарко, что забыла обо всём на свете. Я была счастлива. Счастлива от того, что не знаю времени, расстояния, холода. Казалось, что я уже никогда-никогда не была в городе.

— Володя, миленький, я иду, я скоро буду дома. Мне бы только до Татьяны дойти, а там передохну. Я мысленно пила у неё чай, ощущая свою победу и даже подвиг.

Дорога круто повернула вправо, и теперь ветер дул почти в грудь. Но снова радостная мысль заставила забыть о холоде, потому что я очень хорошо знала каждый изгиб. Значит, позади четыре километра, скоро спуск, а это ещё километра три.

Снег уже не переметал дорогу, а бежал мне навстречу, по гладкой и тёмной после оттепели полоске, и она казалась городским асфальтом. Идти стало легче, и скорость увеличилась. Я махнула рукой Анастасии.

— До свидания, спасибо тебе, родная.

Сердце пело, скоро, скоро уже увижу Владимира. Даже ветер радовался за меня. Он, летя мне навстречу, целовал горячо в губы, пытаясь задержать мой бег. Я просто летела на крыльях.

О, Боже, вижу контуры домов, которые стояли цепочкой, будто держались за руки. Единственный тополь, возвышающийся над домом Мосиной Валентины, подтверждал это. Нет, это не мираж, впереди деревня. Я запела что-что, бормоча толстыми, непослушными, обмороженными губами.

Сколько раз мне приходилось в разные времена идти десять километров семь или пять по этим дорогам до маленькой деревушки Киевки, когда машины летели одна за другой, летели по трассе, не останавливаясь, видя шагающую женщину с сумками. Но сегодня уж точно никто не обгонит, потому что преодолеть эти снега смогла только я. И только подумала, как сразу услышала, гул приближающейся машины. Оглянулась, ничего не понимая, откуда здесь быть машине. Мистика! Как она могла пройти этот путь? Ах, да! Это «Нива», у неё два ведущих моста!

Вишнёвая «Нива» председателя лихо проскочила мимо меня. А ещё через некоторое время сзади тарахтел бульдозер, это он помог «Ниве». Так вот о чём говорил мой внутренний голос там, в Лебедках. Планировал председатель эту поездку. Не прислушалась. А надо было зайти в контору.

Земные мысли почему-то навяли грустинку, зачем был нужен этот риск? «Значит, нужен», — сказала сама себе. Я познала многое: не хныкала, не плакала от бессилия, беспомощности. Я победила!

От того, что финиш скоро, силы стали покидать меня, навалилась усталость. Холод пронизывал всё тело. Руки мгновенно замёрзли.

— Ну и пусть, — защищаясь, твёрдо проговаривала я, — зато ноги сильные, бегут и бегут к заветной цели. Расслабляться нельзя, ещё с километр — и я у Татьяны буду. Наш бухгалтер. Я работала под её руководством.

Крутой поворот направо и — деревенская улица. Закутанные сугробами дома молчаливо и жалостно смотрели на меня своими замороженными окнами. Печки ещё не затоплены. Только над Татьяниным домом призывно вился дымок, как будто говоря:

— Входи, входи, успокойся. Всё хорошо.

Шагнув за порог, я увидела удивлённые и даже напуганные глаза хозяйки, которая хлопотала на кухне

— Тамара Павловна, вы откуда?

— Из Лебедков.

— Как? Сама? Кто довёз?

— Да нет, Танюша, никто не довёз, шла пешком. Понимаешь, я из Челябинска. Не знала, что здесь пурга. Так получилось.

— Это невозможно, — глядя на часы, произнесла она, хорошо зная расписание автобуса.

— Двадцать минут пятого. Вы что? Бежали бегом?

— Нет, шла. Вначале даже снег по колени километра два. Саша, сними с меня шубу, пожалуйста, — попросила я хозяина, — руки не чувствуют.

—

— Тамара Павловна, нет, за один час тридцать минут — семь километров, это невозможно. Ой, да что я? Скорей к печке, к столу поближе.

— Танюша, покажи мне, где холодная вода у вас, я руки окуну — быстро согреются.

— А ты что пирог готовишь? Пахнет вкусно.

— Так у дочки моей, Оксанки, день рождения сегодня. Сейчас я вам стопочку налью. Садитесь к столу.

Радости моей не было границ. Я так улыбалась, светилась счастьем, будто день рождения был у меня. А хозяйка всё приговаривала:

— Это же надо! Я за весь день только два раза до стайки дошла. Там что делается! А за воротами с озера так дует, что еле стоишь. А вы — по степи одна!

— Да, вы пейте, — налив самогоночки, поставив хлеб и кильку, угощала Таня. — Гости у нас вечером будут, после управы.

— Тань, ты мне лучше чаю горячего сначала. Я туда самогоночки плесну, так лучше разогреюсь. Сразу стопку мне не выпить, я ведь только вчера вечером, ела вареники у Светланы. Сутки пришли. На голодный желудок да усталая, опьянею и усну у вас.

— Ну и что? Вон кровать, положу и спите.

— Нет, мне домой надо.

В пять часов вечера зимой вся деревня, как по команде, устремляется к телевизору. Вот и мы, усевшись в кресла, уставились в экран. Дом каменный, в зале — не у печки: сыро и холодно. Мороз волнами бегал по моей спине, голове и ногам, выгоняя наружу забравшуюся стужу.

— Спасибо, ребята, за тепло. Я пойду, пока полна сил, а то раскисну.

Шаль моя оттаяла от забившегося в неё снега, стала мокрой, шуба неподъёмной. Но это всё по сравнению с тем, что испытала, было не так важно. Теперь я ощущала себя вышедшей из горячей бани, но одетой в сырую, холодную одежду.

Тело трясло, но лёгкость была той же, ноги сами бежали домой. Я почти дома! Снег уже не валил, только ветер напоминал о буре. Чистое тёмно-синее небо, вечеря, начинало хмуриться, и розовая полоска вдалеке над лесом напоминала о солнышке, которое всегда с нами и любит всех нас, спеша в другие синие дали.

Чем ближе дом, тем сильнее волнение: ведь мой Владимир ждал меня сегодня, а теперь уже вечер — и уже не ждёт. Но подходя ближе, мне показалось, что за окном промелькнула его фигура, а может, и не промелькнула, просто мне так хотелось.

Как я его сейчас удивлю. Только закрыла за собой калитку, как увидела: с крыльца мне навстречу бежит мой единственный, милый мой человек, в одних носках, даже без свитера и шапки.

— Вот это да! Ты откуда? А я стою у окна и думаю — ну почему не приехала? Ведь никаких дел в городе нет, и вижу, как во сне, ты идёшь!

Ветер плясал вокруг нас, сдувая с крыши снег. Владимир, крепко обняв меня, улыбался, а я целовала и целовала его губы, щёки и была самой счастливой женщиной на свете.

Колокольчик

Среди белых берёз и сосен жила-была дружная семейка колокольчиков. Они так весело качали своими головками и пели песенку, звеня, что не услышали плач малыша. Это маленький колокольчик запутался в высокой траве.

Ветерок наклонился к нему низко-низко и спросил: — Что же ты плачешь?

Малыш чуть-чуть приподняв головку, никого не увидел, но ответил:

— А почему у меня нет крылышек?

— А зачем тебе они, — ласково погладив его спросил ветерок.

— Птички так громко поют и могут побывать везде, а я только возле мамы живу.

— О... Ну это не беда, я тебе помогу. Ты подрастай, а я твоё семечко подхвачу и перенесу на яркую солнечную полянку.

Когда снова пришла весна, и солнышко сильно пригрело, малыш стал стройный, высокий. Он стоял один среди красных ягод с мелкими белыми цветочками.

— Ого-го, я вижу далеко! Теперь могу звенеть на весь мир!

Но он недолго распевал свою песенку. На ягодную полянку пришла девочка с корзинкой. Она заметила голубой колокольчик и сорвала.

Дома его ждала ваза с водой, и в маленьком букете цветов он был самый красивый. Но петь почему-то не захотелось. Здесь не было ветерка, мамы, птичек. Он низко свесил свою небесного цвета головку и заплакал, но мама его не услышала.

Счастливая

Осень. В окна свистит предзимний настойчивый ветер. Маленькая девочка, подкашливая, сложив калачиком ножки, сидя на большом сундуке, рисует дом, солнышко и дерево у забора. Так рисуют все дети, в них это генетически заложено, так жили их предки, а четырёхэтажный кирпичный дом, где в одной квартире живут четыре семьи, кухня с железной печкой и дровами — это её реальность.

Но какой-то шум, доносившийся из коридора заставил её отложить карандаш, она вышла из комнаты.

Квартирная дверь с двумя створками тряслась и готова была открыться. В квартиру вошёл дядя в фуфайке, шапке-ушанке, серые грязные брюки заправлены в высокие голенища сапог. Он даже не взглянул на девочку, прошёл по коридору прямо и начал какой-то железкой ковырять в замке.

— Дяденька, тётя Маруся и дядя Лёня на работе, Вовка в школе, а Витя в садике, там никого нет.

И тут только он посмотрел в её сторону. Секунда и перекошенное от злобы небритое лицо снова думало о своём. Он в ярости бил ногой в ещё две двери. Сжатые губы что-то бормотали.

Вдруг жалобный писк котёнка, как сигнал SOS на мгновение остановил это буйство. Котёнок Чита, потеряв девочку, протиснулся в полуоткрытую дверь комнаты и тёрся об её ножку.

Мужчина, обернувшись, на писк, увидел девочку в жёлтом фланелевом платьишке. Она от волнения теревала верёвочку, что виднелась из-под расстегнутых пуговиц на груди. Чистые детские глазки, как озерка, что-то напомнили ему, и он стоял без движения, о чём-то думая.

— Тебя как зовут?

— Тома.

— А сколько тебе лет?

— Пять.

— Ты одна?

— Нет, я с Читой, я болею, а все на работе.

Он медленно подходил к девочке, и злое лицо его сморщилось так, что из глаз показались слёзы. Он погладил её по голове.

— У меня тоже есть где-то такая же Томка. Запомни мои слова: ты счастливая. Он стоял, широко расставив ноги, зажав в руке железки, стиснув зубы, сердито произнёс:

— Ключ-то есть?

— Есть.

— Счастливая ты, Томка, — прикрыв рукавом глаза, крикнул он и резко выбежал, оставив за собой раскрытые створки квартирной двери.

с. Кичигино — пос. Тьелга

Престолу правда колет глаз

* * *

Эх, душа моя, душа,
 Душа крестьянская,
 Прописалась у тебя
 Судьба цыганская.
 Нагадала, наплела,
 Напророчила.
 Твой простой
 Крестьянский быт
 Изурочила.
 Заграбастала бразды
 Управления.
 И не снять с тебя узды
 Рукой гения.
 Понесло тебя с нуждой
 Степными весями.
 Костры, кибитки
 С ворожкой,
 С гитарой, с песнями.
 А время времечко
 Не постоянное.
 То блага семечко,
 То окаянное.
 Мне опостытели
 Костры с кибитками,
 В душе крестьянский быт
 Расцвёл убытками.
 Душа уж многого
 Судьбой лишается.
 Стезёй убогого
 Власть потешается.

* * *

Вот опять хорохорится ветер,
 Треплет тополь, бедняга скрипит.
 И морзянкой в окно его ветовь
 Мне тихонько стучит и стучит.
 Мне без азбуки Морзе не спится,
 Мне бывшее корёжит мозги.
 Где ты есть моя счастья птица?
 Ночь черна, в ней не видно ни зги.
 А бывало, да всяко бывало.
 Молодым-то чего-то всё мало,
 Им царицу любви подавай.
 Да червонцы от них не ховай.
 Вот опять я угодник злой доле,
 Клуб травы-попрыгун через поле.
 Ветер свищет, лелеет утеху,
 Ночь смеётся, а мне не до смеху.

* * *

Судьба моя, ну,
 Как с тобою быть?
 Ты в голове моей
 Волчицей воешь.

Душа пытается подвить,
 Но унижению не быть,
 Ты подражания не стоишь.

* * *

Не пир на весь мир,
 А парад новых звёзд.
 Вновь ищут кукушки
 Тепло чужих гнёзд.
 На сцене звезда
 Надрываясь визжит,
 Аж люстра над нею
 От страха дрожит.
 Мне молвил на ухо
 Дотошный якут:
 «На лобное место
 Свинью волокут».

* * *

В летний солнечный день
 Налетела гроза,
 Подарила земле
 Ливень с градом.
 Огороды, поля,
 Не смотрели б глаза,
 Сам Мамай
 Прокоптыл с отрядом.
 Вот и ты при слезе,
 Уподобясь грозе,
 Гром и молнии мечешь.
 Неуместна мольба,
 Прежних уз не спасти
 Ни улыбкой, ни речью
 Пытливой.
 Стало быть, не судьба.
 Что ж, прощай и прости.
 Я желаю тебе
 Быть счастливой.

Слово об А. С. Пушкине

Не часто гении рождаются,
 Не всяк творец программы
 гвоздь.
 Кем люди добрые гордятся,
 Тот у престола в горле
 кость.
 Творцы от Бога —
 правдолюбцы.
 Престолу правда колет глаз.
 Приспешник злобно скалит
 зубы,
 Готов свершить любой указ.

Творца цензурой щедро
давят.
В утеху ссылкам отдают.
Коварной сплетней душу
травят.
Дуэли гневу гимн поют.

Извёл поэта бессердечно
Народом проклятый злодей.
Но Пушкин свят и ему
вечно
«Глаголом жечь сердца
людей».

д. Журавлиное

Надежда Балаган

Обещанье счастья

Чебаркульский метеорит

Нежданно, негаданно
Тайна НЛО разгадана:
Сквозь время пробилась,
Но на земле разбились.
Тверда им наша стратосфера,
Горяча и нерушима вера,
Воздух наш тягуч и сладок,
Нет с землянами им сладу.
И сгорают на подходе,
Облачены не по погоде.
Не в ладу с рельефом земли,
Приземлиться не смогли.
Наши — обломки отыскали,
В кучку ровную собрали,
Пораскинули мозгами
И по селам растаскали.
Переплавили на стрелы,
Перековали на телеги,
Приспособили под стены
«Ждем еще вас здесь, коллеги!»
Под конец дня закусили,
Самогончиком запили.
На сегодня все делишки —
Успокоили нервишки.

Три грации

Музыка, поэзия, живопись —
Плывёт, разливается, светится.
Сладко ласкает, журчит
Сверкает, поет, мечется.
Течёт, увлекает, манит.
Хороводят подруги искренно.
Пет меж ними ни лести, ни лжи.
Сравниваю их мысленно —
По-моему, все хороши.
И общего много, похожего.
Ракурсы, такты, нюансы.
Стихи, этюды, романсы,
Три грации кружатся в танце.

Прощаюсь

Разъехались знакомые, друзья,
С кем рядом столько лет прожили.
На материк пора.
Здесь, сколько могли, свершили.

И город, где наша молодость осталась.
Все лучше, все светлей.
Нас провожая в аэропорт,
Ты слез своих не лей.

В душе ты нашей навсегда
Останешься, как юность,
И доброй памятью в сердцах
Впечатается грусть.

Мы уезжаем, не забудем:
Другие наши места займут.
Приедут молодые люди,
Детей на свет произведут.

И добывать будут руду,
И строить город и судьбу
И лучше нас судьбу найдут,
И мысль в стихи переведут.

* * *

Соткан из лучиков солнца,
Прошит журчаньем ручьев,
Вдохновлен ароматом почек.
Новый день прийти готов.

Над озером еще туман,
Прохлада ночи неуступчива.
Но звонкий птичий балаган
Рвет в клочья зимы тучи.

И вот весенние дожди
Сметают мусор и тоску,
И амплитудой полны
Все лужи и ручьи.

Русской женщине

Всё наша женщина способна:
Успеть, придумать, закрепить.
Полфлиртовать, решить, отправить,
Принять, понять, простить.

Она, конечно, вправе
Уметь, иметь, найти, раскрыть.
Надеяться, помочь, исправить,
Дождаться, сколотить, добыть.

Она обязана трудиться,
Вставать, не спать, качать, растить.
Кормить, купать и пеленать.
Варить, стирать, не потерять.

Любая женщина могла бы
Учить, журить и направлять,
Не замечать, забыть, ослабить
Собрать, влюбиться, ревновать.

Я каждой женщине желаю
Поднять, расправить, улыбнуться,
Расслабить, танцевать, взметнуться,
Обидеться, забыть, встряхнуться,
На мир чудесный оглянуться.

* * *

Растеряла я крупинки радости.
Как столкнулась с горюю подлости.
Заострила я копыя колкости,
Заслонила стеною гордости.

Позабыла слова я песни.
Для себя стала неинтересна.
Нет следа от жизни чудесной.
Растворились в метели весны.

Потеряла я к счастью дорогу.
Стала вот совсем недотрогой,
Нет пути мне к твоему порогу,
Укрылась ночью, как тогой.

Вспомнила: кольцо я потеряла.
Ревности вонзилось в сердце жало.
Мне вьюга «не прощай» визжала,
Я от тебя на край света бежала.

Затеряла ключи от счастья,
Навалились беды, ненастья,
У метели, пурги я во власти,
Остудили порывы страсти.

Но прошло все: минуя метели.
Мне капли весну воспели.
Голоском прозрачным в апреле
Птицы мне серенады запели.

Солнцу я весеннему киваю.
В космы ветра дождь вплетаю,
У березы ветви завиваю.
Может, и сама скоро оттаю.

* * *

Не сбылось, забылось, улетело
Обещанье счастья...
Растворилось юности желанье.
Белой дымкой растаяло отчаянье.

Как забытый сон, бледнеет, тает
Шар воздушный — годы — улетает,
Как песок сквозь пальцы протекает,
Легким облаком вдаль уплывает.

Первым белым снегом замечает,
Ластиком ветров стирает.

* * *

Проявился иней седины
На копне каштановых волос.
Как прошелся по осени листвы
Первый зимний мороз.

Не страшна нам теперь зима,
Нам из парка с гобой не уйти,
Сыплет она на нас
Снежное конфетти.

И крутимся мы в такт вальса снежного.
Ты глядишь на меня с юной нежностью.
Мы забудем с тобой годы прошлые.
Занесет пусть зима их порошею.

* * *

Закружило, унесло, завьюжило.
Голосило, пело, выло.
Весна мне голову вскружила.
А зима мне сердце остудила,

Руки мне связала белой пеной.
Душу мне сдавила черным пленом.
Резанула по глазам метелью.
Сжала горло горьким недоверьем.

Напускала на меня мороза жало,
Под ногами льдом лежала,
Не ждала я чтоб его, бежала,
Не любовью чтоб — зимой дышала.

В окна мне записочки бросала.
Все о нем мне гадости писала,
Чтоб к себе я испытала жалость,
Чтоб дружила я с зимою малость.

«Мы с тобою обе одиноки,
Протяни ко мне ты руки,

Будем неразлучные подруги,
Закружись со мною в танце вьюги».

Мне алмазы льдинок предлагала,
Все ныла, дружбу вымогала.
Мне сияние на небе рисовала.
Звезды мне на окна рассыпала.

Но отвергла дружбу я зимы.
Стала дожидаться я весны.
Растопила лед души весна.
Нам теперь с тобою не до сна.

* * *

Ты пришел, и в начале зимы
Расцвели буйным цветом цветы,
Загорелась рассветом ночь,
Убегают печали прочь.

Радость встречи, забыт покой.
Речи наши текут рекой
И горячих рук не разнять.
И медовых губ не унять.

Звезды падают в наши ладони.
И мы в морс любви утонем.
И поверим луне и солнцу.
И найдем счастья оконце...

* * *

Сегодня поздно ночью
Вдруг стало грустно очень,
И на душе так пусто —
Вспомни обо мне.

Мне как одной тоскливо.
Как будто жизнь вся мимо

Проходит в темпе бешеном —
Печально, неизбежно.
А в небе буйство красок.
Л в чувствах согни масок.
В судьбе гроза и тучи —
Вспомни обо мне...

Бегут мимо прохожие.
Все как один похожие,
Дела все неотложные.
Лишь встретить тебя сложно.

А в недалеком прошлом
Ты был так нежен, верен.
Закрыв за мной ты двери,
Вспомни обо мне...

За окном лишь дождь и лужи
И только ты мне нужен,
Я блуждаю одна в темноте
Рядом всё чужие — не те...

* * *

Ночью написала картину.
Утром сочинила жаркое.
Днем бесконечно длинным
Ваяю дело такое.

Вечером, смежив веки,
Стихов плету вереницы,
Тебя чтоб, забыть во веки,
Не пересечь той границы,

Где мы когда-то встречались.
Где мы когда-то любились.
Где мы с тобою расстались.
Вместе мы не остались...

г. Чебаркуль

Олег Иванов

Иван Рябинин

Год нынче оказался урожайный. Осень стояла тёплая, машины с зерном шли постоянным потоком. Иван Дмитриевич Рябинин, мастер-энергетик, обслуживал зерноток. Работали круглосуточно, а как иначе: то электродвигатель задымится, то зерномет встанет, в общем, без Ивана Дмитриевича и его бригады — никуда. В конце сентября зерновой аврал спал. Поля были убраны, теперь основная работа шла на самом зернотоке. Какое зерно увозили в район, на элеватор; какое оставляли в складах, в общем, шёл обычный процесс. Работы у Ивана Дмитриевича стало поменьше. Как-то председатель колхоза вызвал Ивана к себе.

— Так Иван Дмитриевич, даю тебе семь дней выходных, за хорошую работу. А там, подготовка оборудования к зиме. Понял меня?

Поселок наш был небольшой, полторы тысячи дворов. Люди, в основном, занимались сельхозработами и животноводством. Самый пик работы начинался с ранней весны — до глубокой осени. Зимой — отпуска. Поселок назывался Петровский. Его окружало два озера, и протекала чистая, красивая река под названием Брадишка. И нетрудно догадаться, что мужики были рыболовы и охотники. Не исключением был и Иван. Не зря загорелись глаза, когда председатель, Сергей Иванович, объявил Ивану семь дней выходных. Сам Иван очень любил охоту, стрелял замечательно, знал повадки птиц и как правильно взять зимой зайца, но он не

был азартным охотником — стрелял в меру. Он больше любил природу. Любил осень: ее красоту, ее цвета. Любил, как кричат в небе журавли, как суетятся водоплавающие на реке перед отлетом в дальние края. Хотя так казалось, что суетятся, а на самом деле каждый знал свое место. Сделав облет вокруг озера, они четко становились в общий клин, и каждый пернатый на свое место. Потом поднимались вверх высоко и исчезали вдали. Наступала звонкая тишина. И только на воде оставались перья от молодых птиц. Иван часами мог слушать эту тишину. Зимой Иван нечасто ходил на охоту, но любил любоваться красотой зимы. Любил смотреть на леса: они становились от снега пышными, большими. Зима не жалела снега, укутывала каждое деревце, каждый кустик. Дарила зима всем снежные шубы и покрывала. Поэтому лес казался богатым, грандиозным. Зимняя тишина леса была необыкновенной. Чистый воздух был легким. Вдыхая всей грудью, Иван иногда жалел, что не поэт, что не может выразить это чувство стихами. «Ну, куда там», махнув рукой, ворчал Иван «Поэт!» — и медленно брел домой.

Ивану Дмитриевичу от роду было пятьдесят лет. Он родился в Петровке. Закончив восьмилетку, поступил в техникум, на электромеханика сельхозоборудования. Родители Ивана были простыми колхозниками. Отец — Дмитрий Петрович, знатный тракторист, бригадир тракторной бригады. Мать — Людмила Прокопьевна, проработала всю жизни дояркой. Иван был у них один сын, и очень им хотелось, чтобы Ваня получил образование, стал хорошим человеком. Когда Иван учился на третьем курсе, мать его слегла и за месяц сгорела, как свечка. Похоронив мать, Иван нашел в себе силы, и продолжил учиться. После окончания техникума с отличием, Ивана призвали в армию. Служил он на погранзаставе, на Китайской границе. Закончив службу, Иван вернулся в родное село. Стал жить у родной тетки по матери Евдокии Прокопьевны. Тетка души не чаяла в племяннике. Так получилось, что своих детей у нее не было. Отец к этому времени женился и уехал жить в район. Иван не сердился на отца, но понимал, что не сможет жить вместе, да и родное село не могло ничего заменить. Эти озера, эта река, где провел все свое детство, где была похоронена мама.

Иван по натуре был добрым человеком, уважал старших, был душой компании. Никогда не любил гонять младших, но за себя мог постоять, хотя чурался он все этих драк и разборок. Но однажды пришлось применить так, сказать оборонительную силу. На Пасху это было. С соседнего села, Ильинки, приехали ребята. Иван жил недалеко от клуба и в этот вечер был дома, когда прибежал сосед — рыжий Генька. Нос его был в крови, текли слезы.

— Ваня! — закричал с порога Генька, — Там ильинские Тольку побили, Аньке, сеструхе, досталось. Она за Тольку заступалась.

Иван словно подлетел, сам не ожидая от себя. Подойдя к толпе, он увидел, как Толька стоял с разбитым лицом и сжимал кулаки. Анька бегала вокруг него и умоляла, чтобы он успокоился.

— Что случилось? — спросил Иван. Генька стал рассказывать.

— Ильинский стал приглашать сестру на танец. Она отказала.

Да и понятно было. В деревне было заведено: если есть жених, то только с его разрешения. Ильинский обозвал ее «сука!» и ударил в лицо. У Ивана забилось сердце:

— Покажи, где он?

— Там, — сказал Генька, — он длинный.

Иван подошел к нему, схватил за шиворот, тряхнул его так, что длинный даже дар речи потерял.

— Что же ты, гад, делаешь, — прошипел Иван, — девок бьешь?

Ильинские окружили Ивана. Как назло никого не было из старших. Казалось, что всё — Ивана затопчут. Но Иван бросился в толпу на ильинских, и через какое-то мгновение толпа лежала на снегу — армия принесла свои плоды. Иван подошел к длинному, поднял его за шиворот с земли, подвел к Анне.

— Проси прощения, скотина! А то не уедете из деревни.

Длинный разбитыми губами шептал прощение. Слезы текли и падали на грязный, талый снег.

После этого случая Иван долго жалел, что больно уж сурово поступил с ильинскими, но успокаивал себя тем, что на силу всегда найдется другая сила.

Ивана и так уважали в деревне, а после этого случая Иван стал эталоном справедливости. Ильинские приходили так же на танцы, но стоило Ивану появиться в клубе — они тут же притихали. Да это была единственная драка в его жизни, да и в деревне у них дрались редко.

Прошло два года, как Иван пришел с армии. Тетушка стала Ивану намекать:

— Пора уже и свою семью завести. Уж очень хочется понянчить внучат.

Смотри, сколько девчат в деревне — выбирай любую. А Люська с почты не сводит с тебя глаз, так и спрашивает: «Что Ваня, как Ваня!» И работа у тебя хорошая, и люди тебя уважают, и хозяйственный ты.

Иван тогда работал помощником бригадира в электроцехе. Иван вздохнул, посмотрел на тетюшку — она так напоминала ему маму, аж сердце защемило. Проглотив комок, Иван улыбнулся, и тихо сказал:

— Тетюшка, моя любимая, не пришло еще время. Не поют в моем сердце соловьи... Пока... — сказал Иван многозначительно.

Евдокия Прокопьевна смахнула слезу.

— И то, правда, без любви нельзя. Но ты не тяни, — заулыбалась тетюшка.

Как всегда перед началом работы председатель, Егор Николаевич, собирал всех специалистов на планерку. И так получилось, что мастер электроцеха лежал в больнице с аппендицитом. Замещал его Иван Дмитриевич. Он был самый молодой специалист, и как говорилось раньше, Иван был ответственным и добросовестным работником. К его мнению прислушивались. В начале планерки Егор Николаевич вышел из кабинета. Специалисты продолжали бурно обсуждать начало подготовки к посевной. Внезапно открылась дверь, зашел председатель, а за ним зашла молодая девушка. Иван даже не понял, почему вдруг наступила такая тишина в кабинете. Он рисовал очередную электросхему, чтобы доказать Егору Николаевичу о ее необходимости к применению.

— Вот, знакомьтесь товарищи. Это новый специалист — агроном. Елена Станиславовна Ермолаева. Она окончила с красным дипломом Загорский сельскохозяйственный институт, и любезно согласилась у нас поработать.

Елена Станиславовна кивнула головой и звонко поздоровалась:

— Здравствуйте, товарищи! — и стала обводить взглядом сидящих за столом.

В это время Иван поднял голову, их глаза встретились на какое-то мгновение. У нее были темно-карие глаза. В них было столько огня и блеска, что Иван на миг закрыл глаза.

Егор Николаевич стал представлять специалистов поименно, но Иван этого не слышал. Он был словно в тумане. Сердце билось так сильно, что казалось, выскочит наружу. Когда дошла очередь до него, он не сразу понял, что говорят про него: «А это наш самый молодой специалист по энергетике — Иван Дмитриевич Рябинин». Иван даже не сообразил, что нужно встать, пока парторг не толкнул его в бок. Егор Николаевич не любил хвалить, не любил врать — представил Ивана как специалиста грамотного, на своем месте. Но Иван и этого не слышал, потому что перед ним были глаза, от которых Иван не мог и не хотел избавиться. Всю неделю Иван не находил себе места, все валилось у него из рук, а тут тетюшка:

— Ваня, ты бы ходил к тете Марии Захаровой. У нее что-то с электричеством случилось. Посмотрел бы.

Тетя Мария была матерью Толи, который еще осенью сыграл свадьбу с Анной и уехал в район. Тетя Мария теперь жила одна в большом доме. Иван иногда заходил к ней, чтобы помочь чем-нибудь.

— Ладно, тетюшка, буду идти с работы — зайду обязательно.

Окончив работу, закрыв электроцех, Иван двинулся к дому тети Марии.

— Эх, забыл фонарик, — проворчал Иван, но ворачиваться не стал, найдется, наверное, свечка.

Подойдя к дому Захаровых, Иван вошел в сени, обмел веником мартовский, грязный снег и с порога крикнул:

— Тетя Мария! Ты где? — и тут его голос оборвался на полуслове — в зале в дверях стояла она — Елена Станиславовна. Она была в домашнем халатике, подвязанном пояском, что подчеркивало ее статную фигуру. Они встретились взглядом.

«Эти глаза! Боже! Они сведут меня с ума».

Это продолжалось несколько секунд, но Ивану показалось вечностью.

— А вы проходите. Мария Игнатьевна пошла в магазин. Она меня предупредила, что вы придете. Извините, пожалуйста. — Елена нырнула в комнату и вышла оттуда, накинув на плечи платок, как бы невзначай закрывая свои красивые груди.

Иван, набрав силы, попытался что-то сказать, но проглатывал слова. Елена прошла в кухню и поставила чайник. Иван хотел спросить, откуда она здесь. Она словно его поняла:

— Меня сначала поселили в школе, я там прожила три дня. На той неделе пришла Мария Игнатьевна и любезно предложила пожить у нее. В школе хорошо, тепло, только больно шумно, а ночью страшно. Хотя в другом крыле находится истопник — дед Михей, очень милый старик.

В сенях послышались шаги. Это тетя Мария пришла.

— А, Иван, сынок! Что стоишь в дверях, как неродной. Проходи.

При появлении тети Марии Иван пришел в себя и осмелел:

— Что случилось, тетя Мария?

— Да нонче полезла в прогреб, а света там нет. Не горит. Сам знаешь, скоро несущку надо садить на яйца, а как без света? А Толик не понимает в электричестве. Да и когда приедет?

В деревне Петровка подполы были под всем домом, во весь рост, и там стояла небольшая печка. Весной бабы топили печку, чтобы было тепло, сажали на гнездо несущую, чтобы выводила цыплят. Некоторые умудрялись варить самогон, так сказать — для себя. Не исключением была и тетя Мария.

— Конечно. Я сейчас мигом, — наконец-то очнувшись, сказал Иван.

— Да, кстати, познакомься — это Елена, никак не могу выговорить отчество.

— Да что вы, не надо. Просто Лена, для вас, — подчеркнула Елена Станиславовна.

— А это мой, можно сказать, второй сын. С моим Толькой в один год родился. Все детство, юность вместе. Прутом гоняла обоих — не различала. Помнишь, Вань?

— Конечно, помню! И спасибо вам за это.

— За что? — спросила тетя Мария.

— Что ума дали, через, — хотел сказать Иван, — задницу, но вовремя одумался. — Прут, тетя Мария, через прут.

Иван залез в подпол. Осветил свечкой лампочку, взял в руки патрон, понял — лампочка была наполовину выкручена. Пришлось Ивану посидеть в подвале подольше, делая вид, что работает.

— Ну что, Вань? Справишься?

— Да, тетя Мария. — Ох, хитруша, шумел про себя Иван, закручивая лампочку. Иван хотел было поворчать, но увидев глаза тети Марии, тихо сказал:

— Принимай работу, хозяйка.

— Вот и славно. Давай мой руки, будем пить чай с вареньем, с твоим любимым вареньем. Так, голубушка, Елена! Господи, никак не выговорю, накрывай в зале — пировать будем.

Пока накрывали на стол, Иван прошел в комнату Анатолия. В углу стояла стопка книг. Это были не только книги, касающиеся профессии Елены, но и художественная литература. Иван любил читать с детства. Иногда, начиная читать, попадалась такая муть, но бросит жалко — читал до конца.

— Вы любите книги, — раздался голос Елены, она стояла сзади.

Иван вдруг почувствовал ее запах, запах волос. Он даже вздрогнул.

— Да, люблю читать. У меня небольшая библиотека. А нашу колхозную библиотеку прочитал практически всю.

«Ну, понесло меня», — вовремя остановился Иван.

— Пойдемте, чай готов, — сказала Елена.

Это был самый замечательный вечер. Говорили ни о чем. Как будто знали друг друга много лет. Тетя Мария рассказывала про детство Ивана и Анатолия, как они чудили. Елена звонко смеялась, а за окном дул весенний ветер — ветер перемен в жизни Ивана.

— А можно я завтра приду, — уходя, спросил Иван у Елены.

— Что вы у меня спрашиваете — вы здесь свой.

Иван шел домой, нет — летел, окрыленный этими глазами, этим запахом.

Ночью Ивану приснилась мама. Будто он сидит на берегу реки, а вода в реке течет так быстро, как никогда. Он смотрит на эту воду и удивляется. Видит — с того берега идет его мама, в необычном для нее платье. Оно легкое, широкое, переливается в лучах раннего солнца.

— Что сынок? — обратилась она к Ивану, — запели соловьи в твоём сердце.

— Да, мама, — пытался сказать Иван, но губы словно онемели.

— Не говори, сынок, ничего. Сама вижу. Это судьба. Благословляю! — и исчезла в утреннем тумане.

Иван проснулся, но не хотел открывать глаза. Вдруг еще увидит маму. Она никогда не снилась ему так близко. А по щекам прокатились две тёплые слезинки. В последующие дни Иван жил, словно в тумане, не понимая, что и как. Но он знал единственное — что без этой женщины он не может и не хочет жить.

Тетушка стала беспокоиться:

— Что ходишь, словно в воду опущенный? Что случилось? Неприятности на работе что ли?

— Нет, тетушка! Все хорошо!

— Смотри, не хандри! — а сама улыбалась, про себя говорила «Влип, сокол наш! Ась влип!» — Вань!

— Что тетушка!

— Я нонче была в сельпо. Купила гвоздей пять килограмм, но не смогла донести до дому. Сходи, забери, пожалуйста.

— Тетушка! Я сколько вас просил, — рассердился Иван, — не занимайтесь хозяйственными делами. А я-то на что?

— Вань, прости, не ругайся! Просто привезли. Стали разбирать, а ты был на работе.

- Ладно, тетушка, конечно заберу. Но, пожалуйста, впредь, не суетитесь. Я сам решу хозяйственные дела.
- На следующий день Иван ушел с работы пораньше, чтобы зайти в сельпо, забрать гвозди. Подходя к магазину, он столкнулся с Еленой.
- Здравствуйте, Иван Дмитриевич! — Звонко, словно соловей, прошептала Елена.
- Здравствуй Елена Станиславовна! — не узнав свой голос, сказал Иван.
- Что-то в совсем пропали, — сделав паузу — тетя Мария так думает, — продолжала Елена.
- А вы как думаете? — спросил Иван.
- Я думаю, когда обещаете, надо исполнять.
- Да, простите, работа, закружился.
- А я-то причем. Это тетя Мария так думает. — Посмотрев пристально в глаза Ивану она пошла дальше.
- Ивана словно 380 вольт шибануло. Она права. Вечером, придя с работы Иван, как бы, между прочим, вдруг спросил:
- Тетушка, что то давно мы не были у Захаровых. Может, сходим, спроведаем.
- А что не сходить, — согласилась тетушка. — Ванечка, сынок! Там в буфете стоит настоечка, возьми с собой.
- Зачем, тетушка?
- На всякий случай.
- Мария Ивановна была очень рада гостям.
- Господи! Как это вы надумали?
- Вот надумали! — отвечала тетушка.
- Елена! Встречай гостей!
- Да, да! Иду! Минуточку! — она вышла из своей комнаты навстречу гостям. — Евдокия Прокопьевна, проходите, пожалуйста!
- Ой, Леночка, доченька, спасибо!
- Давайте приму пальто, — не унималась Елена.
- Иван вошел в полный штопор. Он пытался представить свою тетушку Елене, а те чуть ли не целуются. Елена поняла Ивана сразу. Прищуриив хитро глаза, тихо прошептала:
- Не надо дуть губы, сам виноват.
- В чем, — тихо спросил Иван.
- А в том, что не смог сам познакомить с замечательной тетушкой.
- Весна набирала свои обороты. Иван каждый день приходил к Захаровым, общался с Еленой. По вечерам, гуляя по деревне, Иван рассказывал ей про свое детство, про людей, которые живут в этой деревне, и каждый раз, при встрече, он пытался выразить свои чувства, свою любовь к Елене, но не находил слов. Он словно боялся спугнуть свое счастье, свою любовь. Он боялся, что улетит эта птичка и исчезнет навсегда. Иногда Елена уезжала в район. Бывало на несколько дней. Иван не находил себе места. Нет, он не ревновал. Он боялся, что, не дай Бог, кто-нибудь обидит. Так прошел год. После очередного посещения, Иван решил раскрыть Елене свои чувства. Но как, какие слова подобрать, чтобы они дошли до ее сердца.
- Все, хватит, — сказал сам себе Иван, — мужик я или нет! Будь, что будет! Вечером, выйдя от Захаровых, чтобы прогуляться, Иван прокашлялся и тихо начал разговор:
- Лена, я должен сказать!
- Ванечка! Не надо ничего говорить! — вдруг резко развернулась к Ивану Елена.
- Они встретились глазами. Ее глаза были наполнены слезами. У Ивана замерло сердце: «Скажет “нет”». А Елена пылко продолжала:
- Я все знаю, Ванечка, все чувствую. Но не торопи события, я тебя прошу. Я тебя умоляю! Ты ничего про меня не знаешь. Совсем.
- А действительно. За год, пока они встречались, Иван даже не спросил: Откуда она? Кто ее родители?
- Так расскажи! Я все пойму, все приму, — практически прокричал Иван.
- Мои родители погибли, когда мне было пять лет. Они были геологами. Когда они уезжали, я оставалась с бабушкой, с папиной мамой. В очередной командировке они попали в горный обвал. Вся экспедиция погибла. Бабушка не смогла оправиться от такого удара и через год померла. Мне тогда было шесть с половиной лет. И меня к себе забрал папин брат. Геннадий Николаевич Пыжов.
- Кто, прости, тебя забрал?
- Да, Ваня! Ты не ослышался. Пыжов — первый секретарь обкома партии Звеногорска — мой родной дядя. Тогда он был вторым секретарем обкома. Они мне дали все: ласку, тепло, образование. Дядя Гена очень любит меня. Я для него все. Ванечка, не обижайся! Я давно могла быть в Москве, на хорошей должности. После института я осталась в Звеногорске.

Потом попросилась в ваш район, поработать. А ваш председатель и мой дядя вместе воевали, прошли от начала и до конца войны. В общем, сам понимаешь — они друзья. Конечно, дядя был против, но я смогла его убедить в том, что я сама должна построить свою жизнь. Я взяла мамину фамилию — Ермолова, чтобы никого не шокировать. Я договорилась с дядей, что год все буду решать сама, без всякой помощи. Я ткнула в карту района пальцем и попала сюда, о чем не жалею. Год прошел. И я должна решать, что делать. Я знаю, — продолжала Елена, — ты со мной не поедешь, да и не сможешь на чужбине без своих озер, реки, без прекрасных этих двух женщин, которые тебя любят, я имею ввиду тетушку и тетю Марию. Ванечка, я пока еще ничего не решила. Дай мне время, пожалуйста, если любишь меня. Прости, если можешь, что раньше не сказала. Прости! — Она поцеловала Ивана в губы, первый раз за год, и пошла вдоль улицы домой.

Иван долго еще стоял, как вкопанный, ощущая сладкий аромат поцелуя. А в голове шумело « Год прошел, год прошел!»

Через два дня Елена уехала в Звеногорск, не сказав никому ничего. Узнав об этом, Иван прибежал к тете Марии. Она встретила его со словами:

— Что стоишь, как не родной! Заходи!

— Тетя Мария!..

— Я не знаю ничего, — перебила она его. — Одно скажу, вещи не забрала, даже нижнее белье оставила. Прости меня, конечно, за подробности.

Иван потоптался на пороге, развернулся и пошел прочь.

— Вань! Ты смотри, глупостей не надей! — вслед проговорила тетя Мария. — Все будет правильно, поверь.

Иван остановился, но оборачиваться не стал.

— Ну что ж, будь, что будет.

Так незаметно и мучительно прошли две недели. Иван пораньше ушел с работы, чтобы зайти на кладбище, навестить могилу мамы. Что-то щемило в груди, душа была не на месте. Иван все хотел рассказать маме, но молча простоял какое-то время. Погода была теплая. Легкий ветерок перебирал его волосы в голове. Как подросла березка, которую Иван сажал сам. Правда, говорят в народе, что на могилах деревья растут быстрее. Она словно приветствовала его своими листочками, которые шумели на ветру. Сзади раздавался шорох и шаги. Иван даже вздрогнул от неожиданности. Обернувшись, он увидел отца.

— Папа, ты откуда?

— Да вот, приехал к тебе, да не нашел тебя на работе. Ребята сказали, что ты пораньше ушел. Встретил деда Макарыча. Он сказал, что ты пошел сюда.

— Что-то случилось, отец?

— Нет, сынок! Все хорошо. Привез документы на дом.

— На какой дом, пап? — спросил Иван.

— На наш дом, Ванечка. Я его переоформил на тебя. Заберешь его в сельсовете. Председателя сегодня нет. Он их подпишет, и заберешь.

— Пап! Что за спешка?

— Да время идет, сынок. Ты взрослеешь — я старею.

Иван подошел к отцу вплотную, заглянул в его глаза. Они были заполнены тоской и слезами.

— Сынок, ты прости меня! Не обижайся, пожалуйста!

— Что ты, пап. Мы же с тобой разговаривали на эту тему. Помнишь?

— Да, сынок. Я все помню, — сказал отец, пытаясь улыбнуться.

— Отец! Все хорошо. Я не обижаюсь, честное слово. Ты ж для меня столько сделал. И делаешь.

Да, действительно. Отец Ивану постоянно присылал, или передавал через кого-нибудь деньги или вещи.

— Ну, вот и хорошо, — сказал отец — а теперь давай помолчим, сынок. Поговорим молча с матерью, про себя.

Ветер словно услышал его слова и перестал дуть. Так и стояли какое-то время два Рябиновых: отец и сын. И каждый думал о своем, о сокровенном. Ветер вновь подул.

— Ну, что, сынок, пошли? Не будем долго беспокоить мать. Пусть ей земля будет пухом.

Выйдя с кладбища, Иван спросил отца:

— Ты с ночевкой?

— Нет, сынок. Наши машины с района с зерном приехали. С ними я и поеду.

— Что так. Остался бы.

— Не могу, Вань. Сегодня я на дежурстве. — Отец Ивана по состоянию здоровья был переведен на легкий труд, пожарником на машдворе.

Проводив отца до тока, Иван распрощался с отцом.

— Ты давай крепись. Ты у меня один родной остался.

— Ничего, Ванечка, пробьемся.

Отец уехал. Иван еще долго стоял и смотрел на пыльную дорогу, пока машины не исчезли вдаль.

— Сдаст старик, сдаст.

Придя домой, как всегда Иван прокричал с порога:

— Тетушка! Я дома!

— Ваня! Председатель тебя искал. Просил, чтобы ты с утра пришел на планерку, — кричала тетушка, вылезая из погреба.

— А что случилось?

— Не знаю! Приезжал его водитель.

— Ладно. Я все понял.

— Да, Ванечка! В воскресенье приезжает Анатолий с Анной. Они получили дипломы, и теперь специалисты. Анатолий и Анна учились заочно в зоотехническом институте.

— Это хорошо, — сказал Иван.

Анатолий работал в ветстанции. Анна работала на свинокмплексе, лаборанткой. Они приезжали редко, но маме помогали, чем могли.

— Так, сегодня пятница. Надо подготовиться с вечера. — Иван приготовил удочки, подкормку, чтобы сходить на утреннюю зорьку, наловить свежей рыбки. Ведь придет его друг — друг детства. Они были как братья, всегда вместе. В один день пошли в школу, потом в армию забирали в один день. Только служили в разных частях, но оба пограничники. В один день пришли с армии, но только Анатолий женился раньше. С Анной они дружили с восьмого класса. На свадьбе обнимаясь, два друга клялись еще раз никогда не расставаться.

Иван проснулся рано, затемно. Взяв рюкзак, надел болотные сапоги, прихватил весла, стал спускаться к реке. Отвязав лодку, Иван поплыл на свое место, которое любил с детства. Иван привязал лодку, раскинул удочки и стал ждать поклевки, и как будет всходить заря. Как будто она поднимается с незримой своей постели. В этот миг становилась тишина, эта тишина была необыкновенная, даже рыба переставала плескаться в воде. Яркий всполох зари стал подниматься медленно, но стоило на миг отвернуться, а потом посмотреть, как она наполовину была в небе. Затем яркие лучи солнца появлялись на горизонте — начиналось раннее утро. Иван посмотрел на часы. Не опоздать бы. Егор Николаевич просил зайти. «Зачем это? Интересно!»

Начался клёв. Иван не успевал на две удочки вытаскивать карасей. Наловив целое ведро, посмотрел на часы: — Пора, а то опоздаю. Председатель не любит этого. Во всем нужна норма. На рыбалке тоже. — Иван собрал удочки и поплыл к дому.

Придя домой Иван, выпустил рыбу в бочку, что стояла на огороде, и бросил подкормку. — Вечером разберусь!

Тетушка хлопотала на кухне.

— Вань! Наловил рыбы-то?

— Да. Наловил, тетя Мария. Я ее выпустил в бочку. Вечером почищу сам. Ты меня слышишь, тетушка? Сам!

— Слышу, Ваня! Давай завтракать. А то опоздаешь.

— Иду!

Позавтракав, Иван оделся и вышел за ворота. Увидев машину председателя, Иван посмотрел по сторонам, пытаясь увидеть председателя, но его нигде не было. Тут водитель посигналил и махнул ему рукой, показывая на часы: «Опоздаем». Иван сел в машину:

— Что случилось? — спросил у водителя.

— А я знаю? — ответил тот.

В конторе, как всегда с утра, было суетно. Специалисты собирались в кабинете председателя. Было накурено и шумно. Обсуждались всякие рабочие моменты. Но вот вошел Егор Николаевич, сразу стало тихо. Обведя всех взглядом, он остановился на Иване, и как-бы кивнув ему головой, сказал:

— Ну что ж. Пожалуй, начнем. Так. Первое. В связи с уходом на пенсию мастера-энергетика предлагаю назначить мастером Рябинина Ивана Дмитриевича. Кто «за»? Прощу поднять руки.

Все дружно зашумели:

— Конечно, кого же еще.

— Так, Иван Дмитриевич, человек ты ответственный, проверенный. Давай! Принимай электрохозяйство.

Раньше эти вопросы не обсуждались. Хочешь — не хочешь, надо для родного колхоза. Вперед! Да и прежний мастер Гаврилович всегда говорил: «Учись, Вань! Ты толковый

парень. Я уйду — на мое место много желающих. Но я буду тебя рекомендовать». Так и вышло.

— В общем, так: бери машину, — продолжал председатель, — и езжай, принимай хозяйство. Начинай с заправки. Затем проедешь все бригады, где есть тока. В общем, сам знаешь — не мне тебя учить! В 18:00 на доклад. Все. Свободен. До вечера.

Иван вышел из кабинета

— Ничего себе на рыбалочку сходил, — бормотал Иван. — Так. Это получается у меня в подчинении 15 человек? Славенько... Ну что разнылся? — начал ругать себя Иван. — Все объекты я знаю: где, что, как! Людей всех знаю. Да и нельзя подводить Егора Николаевича. Надо работать! — сказал Иван. — Надо работать!

Приехав на заправку, Иван проверил на всех двигателях пломбы, хотя он это делал каждый раз. Пересчитав электрооборудование — занес в ведомость, которую ему дала секретарь председателя.

На заправке Ивана сразу поздравили с новой должностью. И так везде — люди уже знали. В общем: колхоз. Тут чихнули — а там слышно. Кто шутил, кто серьезно наставлял на путь истинный. Иван почувствовал, что это от души — «Значит, сработаемся!»

Вечером, прибыв к 18:00, Иван зашел к Егору Николаевичу.

— Так, проходи Иван Дмитриевич, присаживайся. Я так полагаю, что вы выполнили мое первое задание.

— Да, Егор Николаевич.

— Да ты не суетись, я шучу. Завтра, в воскресенье. С утра, к 8:00 на разнарядку. А там, если будет все в полном порядке — выходной. Иван! Я давно тебя знаю. Знал твою маму, отца хорошо знаю. Честно скажу: некоторые сомневаются, что справишься. Думают, что молодой. Сколько тебе, Вань?

— Двадцать четыре с половиной.

— Но я в тебя верю. Верит парторг.

В этот момент открылась дверь в кабинет, и вошел парторг.

— Разрешите, Егор Николаевич?

— Проходите, садитесь. Работу ты знаешь хорошо, — продолжал председатель, — это ты доказал не раз. Образование у тебя специальное...

— Разрешите, Егор Николаевич, я добавлю?

— Да, Петр Петрович, пожалуйста.

— Я полностью согласен с Егором Николаевичем, но ты не должен забывать главное: это — люди! У тебя в подчинении 16 человек.

— Но я насчитал пятнадцать!

— Да, Иван Дмитриевич — пятнадцать, плюс школа, а там учитель труда — он тоже относится к тебе. Надо научиться с людьми ладить, уважать их труд, правильно расставлять акценты. Но сделать так, чтоб тебя уважали тоже. В общем, так, Иван Дмитриевич, мы на тебя надеемся. Должность твоя, прежде всего, оперативная. Требуется, еще раз говорю, ответственности. Вот так-то. Если возникнут какие-то вопросы — обращайся в любое время дня и ночи. А они возникнут. Вы комсомолец?

— Да, Петр Петрович. Взносы плачу регулярно.

— Этого мало, Иван. Надо быть на виду. Надо заниматься общественными делами. Впрочем, это потом. Сейчас вникай в работу. Звони в любое время.

— Но у меня нет телефона, Петр Петрович!

— Нет, уже есть. Сегодня поставили. Я пойду, Егор Николаевич?

— Да. До завтра. До свидания.

Петр Петрович вышел и уже в дверях:

— Иван. Да ты не робей. Я на войне в твоём возрасте ротой командовал, и ничего — жив.

За ним закрылась дверь. Наступила минута молчания.

— Ну ладно, Иван. Давай домой. А то, я смотрю, ты совсем голову повесил. Вот тебе список телефонов специалистов, не потеряй.

Иван встал, пошел к дверям.

— До свидания, Егор Николаевич. — Иван вышел с конторы, пошел домой. «Вот влип, — подумал Иван, — по полной. Что ж, будем держать фасон, а как иначе? Боже! Как я устал сегодня. Сколько информации, нравочений. А впрочем, все так и должно быть».

Подходя к дому, Иван увидел, что топится баня.

— Какая тетушка молодец! В бане все пройдет — и усталость, и тяжесть, — вздохнул с облегчением Иван.

В воскресенье Иван соскочил спозаранку, только запели петухи. — Надо довести до ума рыбу, чтобы вечером сварганить ущицу. Ведь друг придет. Да еще на работу не опоздать».

В 7:45 Иван уже сидел в кабинете у председателя. Начали собираться специалисты, поздравляли Ивана с первым трудовым днем в новой должности. Зашел и Егор Николаевич.

— Так, кратко прошу доложить, что за сутки случилось? — Выслушав всех, дошел до Ивана. — Иван Дмитриевич! Пожалуйста, каждое утро обзванивайте всех специалистов по своим вопросам. И каждое утро докладывать мне, или заму. График дежурств бригад остается прежним, но это на месяц. В конце месяца по даете новый. Вы меня поняли?

— Да Егор Николаевич. — Иван не просто понял, он ощутил голос командира, голос председателя. Это был голос, требовавший выполнения поставленных задач. — А сейчас возьмите бригадира второй бригады и езжайте на место — разберитесь, пожалуйста, почему у них простояла мехдойка три часа? В понедельник доложишь, и пожалуйста, построже. Это серьезно. Вы свободны, Иван Дмитриевич.

Иван вышел из конторы, нашел бригадира.

— Авдеич! Что у тебя там стряслось?

— Поехали, покажу! — он хотел сказать «Вань», но кашлянул в ладошку и сказал: Иван Дмитриевич.

На мехдойке Иван провозился до обеда. Электрореле перегорело, пришлось Ивану перебирать самому. Запустив щит, Иван позвал Парамонова, ответственного за электрохозяйство, к себе.

— Федор! Показываю щит тебе, — сказал Иван, — он должен быть в таком состоянии всегда. Понял?

— Что? Председателю вложишь? — смотря в глаза Ивану, сказал Федор.

— Еще один прокол — пойдешь таскать навоз, — ответил жестко Иван. — Это работа. Ладно, генератор есть, а так, сколько бы молока пропало. Думай, Федор, думай. А по поводу вложу — не вложу, я не могу покрывать разгильдяйство. Тем более это по твоей вине. Я думаю, что это в последний раз, да, Федор?

— Да, Иван Дмитриевич, честное слово!

— Вот это другой разговор! — Иван протянул Федору руку. Когда Иван уехал с мехдойки, бригадир подошел к Федору:

— А толк с него будет!

— Да, будет! — сказал Федор.

Иван решил зайти в электроцех, чтобы забрать свои электроинструменты.

Теперь они ему здесь не пригодятся. Теперь его кабинет в конторе. Иван. Подошел к своему верстаку, собрал инструменты. Подержав их в руках — положил на место. Пусть пользуются ребята.

— Заберу фонарик, это подарок отца. Как быстро летит время: был учеником, помощником бригадира, теперь вот мастер.

Дверь в электроцех распахнулась, в нее вбежал рыжий Генька.

— Иван!

— Что случилось опять?

— Анатолька приехал с сеструхой!

— Да ты что?

— Сеструха с животом, — продолжал Генька, — да, еще...

— Что еще? — Спросил Иван. Генька хитро улыбнулся:

— Сам увидишь! Пошли скорее. Закрывай свою халабуду, начальник.

— Генька! Получишь сейчас, — ворчал Иван. — Так, Генька, пошли ко мне — я переоденусь. А потом туда.

— Дмитрич! Да пошли скорей! Потом переоденешься! Народ ждет! — И Генька сказал это так убедительно, что Иван согласился.

Когда Иван зашел во двор к Захаровым, он увидел следующую картину: Анатолий таскал дрова в баню, Анна стояла лицом к Ивану и жарко разговаривала о чем-то с Еленой. Они весело смеялись, как будто они были лучшими подругами.

Анатолий первый увидел Ивана.

— Браток! — заорал он на весь двор и бросился к Ивану. Анна тоже замахала руками. Анатолий подбежал к Ивану, и они стали обниматься. Целуя Анну, Иван старался не прижимать ее к себе сильно, у нее был большой живот.

— Анечка! Поздравляю тебя!

Наконец Елена повернулась к Ивану лицом. Она стала еще красивее. Ее новая прическа безумно шла ей.

— Здравствуй, Иван Дмитриевич!

— Здравствуй, Елена Станиславовна, здравствуй! — И вдруг не ожидая от себя, громко спросил: — Ты надолго, Лена?

Она помолчала, посмотрела на Ивана, на Анатолия с Анной. Те замерли на какое-то мгновение.

— Навсегда, Ваня, навсегда!

Анна захлопала в ладоши, закричала «Ура!». Вечером собрались все вместе во дворе у Захаровых. Готовили уху, пекли картошку, пили вкусное вино. Иван улучил момент, отвел Анну в сторону.

— Ань! Ты откуда знаешь Елену?

— Ты не веришь! Как-то вечером к нам домой постучали. Открываю дверь, а там стоит она, с тортом. Представилась. Проща и говорит: «Я живу на квартире у вашей свекрови, много о вас слышана». Я спрашиваю: От свекрови слышана? «Нет, — говорит, — от Ивана, от вашего друга». Так мы и познакомились. Вань! Ты меня прости, но я ей все про тебя рассказала. Она так просила! В общем, она хорошая, одинокая по жизни человек.

— Теперь нет! — сказал Иван.

— Не поняла? — спросила Анна.

— Ну чего не поняла, теперь у нее есть ты.

— Уж и хитрый ты, Иван Дмитриевич — засмеялась Анна.

Майский вечер был на удивление теплый. Сидя у костра, произносили тосты за дипломы новых специалистов, за новое назначение Ивана, и как-то незаметно Елена присела совсем близко к Ивану, обхватив его руку, положив голову на плечо.

За лето Иван практически отремонтировал родительский дом, чтобы с молодой женой зайти в свой собственный дом. Осенью сыграли свадьбу. Гуляла вся деревня. Было много поздравлений, пожеланий. Приехал и Ленин дядя. В разгар свадьбы он подозвал Ивана к себе:

— Пойдем, покурим, зятек! — Они вышли в огород, сели на лавочку, внизу блестела река, играя своими водами. От реки шел свежий воздух. — Красиво у вас здесь, тихо. Ох, пойду на пенсию, уеду в такой же тихий уголок и буду писать мемуары, — рассмеялся Геннадий Николаевич. — Да, уж, — продолжал он — ты пойми меня Иван. Лена у меня одна, роднее дочки, но характер наш — Пыжовский. Если что решила — с места не сдвинешь. Вань! Может, ты с ней поговоришь? Переедете в Загорск. Квартиру сделаю, тебе работу соответственно. Ты парень толковый. Егор Николаевич тебя хвалит, а он зря говорить не будет.

Иван сначала даже растерялся, нет — испугался. «Кто я? А со мной говорит первый секретарь райкома», но взяв себя в руки, Иван уверенно, четким голосом произнес:

— Спасибо, Геннадий Николаевич за предложение, но я не могу предать Лену. Это наше с ней общее решение, и как я буду выглядеть в ее глазах. И потом, Егор Николаевич, да и люди, которые в меня поверили — я не могу их предать. Нет, нет, Геннадий Николаевич! — Иван замолчал, словно сбросил с себя огромный груз. Он ждал этого разговора

— А я, Иван Дмитриевич, другого от тебя и не ожидал. Не зря мне про тебя Егор Николаевич говорил, что душой прикипел, что не согласишься. Ну, пошли, дорогой зятек. Да, а ты охотой занимаешься?

— Да, — сказал Иван.

— Пригласишь?

— Конечно, Геннадий Николаевич!

— Смотри, Вань! Ловлю на слове.

Они дружно рассмеялись, и уже подходя к калитке, Геннадий Николаевич повернулся к Ивану:

— Ты, Вань, ее не обижай. Ну конечно, как мужик, как хозяин дома — надо держать в руках бразды правления, но во всем должна быть мера. — Иван посмотрел в глаза Геннадия Николаевича — они были наполнены слезами. Он эти глаза запомнил на всю жизнь. Иван выпрямился, подал руку Геннадию Николаевичу и твердо сказал:

— Даю слово!

— Ну, вот и ладно, — попытался улыбнуться Геннадий Николаевич.

Навстречу выбежала невеста.

— Вы где запропались, мои любимые мужчины?

— Да вот, доченька! Напрашивался у твоего мужа, чтоб пригласил на охоту. Обещал.

— Обязательно пригласи, Геннадий Николаевич, обязательно!

Стали вместе заходить в дом. Иван на какое-то мгновение посмотрел в сторону погоста.

— Мама! Ты была права! Это моя судьба, это моя жизнь!

Гости подхватили Ивана, и веселая толпа поглотила его.

Через год Лена родила двойню — мальчика и девочку — Александру и Евгения.

Иван сидел дома, в кресле, запрокинув голову назад. Как быстро пролетело время. Женька уже служил в армии. Александра училась в институте, в Ленинграде. Как быстро они выросли, повзрослели. Ивана радовало, что по жизни они были не разлей вода, никогда

не ругались, всегда были друг за друга горой. Когда Женька заболел и лежал в больнице — Александра даже похудела.

— Да что-то пробило меня сегодня на воспоминания, — ворчал про себя Иван. В сенях послышались шаги — это Лена вернулась с работы.

— А ты что дома? Не заболел ли?

— Нет, Лена. Сергей Иванович дал мне неделю выходных. Ты, Лен, не против, я на вечернюю зорьку схожу? Может, что добуду? Мы ж с тобой давно не ели дичь.

Лена посмотрела на Ивана.

— Отдыхал бы лучше. Это ж надо тащиться, Бог знает куда, впрочем, я знаю куда ты — на речку, на свое излюбленное место.

— Да, Леночка! Ты как всегда права. Но это отдых, поверь мне.

— Ладно, иди! Только воды в баню натаскай — топить буду.

— Понял! — согласился Иван.

Выполнив, так сказать, приказ жены Иван начал собираться на охоту. Закончив все сборы, Иван вышел во двор. Посмотрел на небо — оно было не по-осеннему светлое. Постояв так немного, решил ехать на дальнейшее озеро. Нынче мужики говорили, что гусей там видели. До дальнего озера было 15 километров. Иван любил ходить туда пешком через леса, поля, наслаждаясь природой. Но сейчас решил ехать на мотоцикле.

— Лена!

— Что, Вань?

— Я поехал на дальнее озеро.

— Так далеко, Вань!

— Я на мотоцикле, мигом домчусь.

— Ладно, только недолго.

— Хорошо. — Ответил Иван.

Приехав на место, Иван стал устраиваться. Он был уверен почему-то, что гуси прилетят на ночевку сюда. Достав из рюкзака горбушку черного хлеба, круто посолил его солью, зачерпнул из родника холодной воды, стал запивать черный хлеб. Какое наслаждение! Какой особый вкус!

Иван подумал: «Сколько живу здесь — столько бьет этот родник. И отец рассказывал про этот родник, что он еще в юности узнал про него. Сколько лет не истекает эта вода. Вода холодная, на вкус — просто не передать! Да уж, матушка-природа», — доедая хлеб, рассуждал Иван. Сколько он так сидел, он не знал. Ему даже показалось, что он задремал.

Но вот в небе раздался шум крыла. Он был мягкий, как бы в унисон. Потом начался разнобой. Гуси стали садиться на воду. Иван замер. Он знал, что сразу не сядут — дадут круг, а то и два, и только потом начнут садиться на воду. Иван стал ожидать. Так и получилось. Гусиная стая, сделав несколько кругов, стала садиться на воду. Тут-то Иван и начал охоту. С двух выстрелов сбил двух гусей, и так удачно — практически у самого берега упали.

«Хорошо, не надо лодку на воду спускать», — подумал Иван. Раскатав болотные сапоги до самого верха, Иван пошел за добычей. Так выловил двух гусей. Молодые гуси были здоровые.

«Вот и отлично, вот и хватит», — рассуждал про себя Иван. Уложив гусей в мотоколяску, Иван стал собираться. Но тут вдруг по слышался шорох в камышах. Иван стал всматриваться в камыши, но ничего не видел. «Показалось что ли? Нет! Кто-то там есть. Неужто подранок? Жаль оставлять на мучения. Придется спускать лодку на воду». Не хотел Иван этого делать. Достал бинокль, стараясь рассмотреть камыши. И тут он увидел журавля. Он прятался в камышах, крыло его висело, или так ему показалось.

Плыть в камыши было небезопасно, там было много коряг, можно было порвать лодку. Иван решил пройти пешком, сколько сможет. Увидев Ивана, журавль стал удаляться дальше в камыши. «Да, Там не пройду!» — подумал Иван и стал возвращаться на берег. Загрузив свое охотничье имущество, он все-таки решил понаблюдать, что будет дальше. Журавль словно обиделся, что Иван на берегу, возвратился на свое место. Иван стал разглядывать его в бинокль. «Молодой еще, молодой!»

Солнце стало садиться. Иван спохватился «Надо домой. Да и Елена будет волноваться». Приехав домой, Иван на какое-то время забыл про журавля. Пока очистил гусей, опалил. С Еленой у них был негласный договор: что всю добычу чистит и палит он сам, а готовит она. Гуси оказались действительно жирными.

— Добытчик, ты мой, — хвалила его жена.

Вечером, после бани, угощались дичью. Иван достал настоечку.

— Ну что, жена! За открытие охоты!

— Ваня! Она скоро закроется.

— За наше открытие.

Лена махнула рукой.

— Наливай.

Иван практически не пил, очень редко. А если пил, то только свое. Он сам варил самогон, делал разные настойки и любил угощать ими гостей. Даже начинал хвастаться, но тут же натёкался на взгляд жены и сразу замолкал.

— Вань, с этой работой мы с тобой не ужинали месяца два, если не больше: то посевная, то уборочная...

— Леночка! Скоро зима и мы будем ужинать только вместе. Я это точно говорю.

После ужина Иван сел почитать газету.

— Вань! Ты долго будешь бродить.

— Сейчас, пойду закрою калитку, да собаке дам косточки, пусть глодает. — Иван вышел на улицу. Закат был багряным, и пахло снегом.

— Завтра будет холодно и снег выпадет, — он никогда не ошибался.

Когда Иван лег, он долго не мог заснуть — отвык рано ложиться. Рядом мирно сопела жена. И тут Иван вспомнил про журавля. «Как он там один, в камышах. Скорее всего, подранок. Но я в ту сторону не стрелял, — сам себя оправдывал Иван — Тогда кто? Мужики в деревне не стреляли никогда ни в лебедей, ни в журавлей. Наши не могли. Чужие только. Ладно, надо спать!» — но сон не шел. Иван встал, пошел на кухню, попить чаю. Выглянув в окошко, Иван увидел, что земля была покрыта белым, пушистым снегом. Снег падал, тихо ложась на землю. Иван открыл форточку и в кухню ворвался свежий воздух: «Какая прелесть! Так. Сколько время? Боже уже три часа, как быстро бежит время».

«Лег пораньше, — ворчал про себя Иван, — Так, завтра возьму старую лодку, ее не жалко и заплыву на дальнее озеро, нельзя оставлять там его одного, погибнет, жалко», — успокаивал сам себя Иван, проваливаясь в сон.

Проснувшись ранним утром, Иван пошел управляться с хозяйством. Оно было небольшое: это куры, утки, два кабанчика да собака Тобик. Елена крикнула в форточку: — Иван! Иди завтракать

— Иду уже, бегу!

За завтраком Елена объявила, что едет в район. — Так что не теряй!

— С кем едешь?

— Сергей Иванович дал машину, а что за вопрос?

— Да нет, ничего. Просто вчера ничего не говорила.

— Вчера ты был такой счастливый, я не хотела тебя огорчать. Понял?

— Да, понял.

На улице, за окном раздался сигнал машины,

— Господи, заболталась с тобой, опаздываю. Иди, пока я одеваюсь, успокой водителя. — Иван вышел на улицу. — Как дела, Тимофей?

— Да нормально.

— Тимофей! Ты на охоту-то ездил?

— Да какая тут охота.

В машине сидели женщины из конторы: — Что, Иван Дмитриевич, провожаешь? — весело смеясь, спросили женщины.

— А как иначе! — отвечал Иван.

Лена вышла из дома, на ходу поцеловав Ивана.

— Ладно, пока. Не балуй тут.

— Ладно, — ответил Иван.

Машина скрылась за поворотом.

«Так. Где моя старая лодка? Надо ехать, — рассуждал про себя Иван. Собрав лодку, взял, на всякий случай, старую сеть. — Да, на мотоцикле холодно, лучше на машине поеду», — продолжал рассуждать Иван.

Приехав на место, Иван стал всматриваться в камыши, но там никого не было. — Не могло мне вчера причудиться, — ворчал про себя Иван. — Так, зайду с другой стороны. Вот он.

И действительно, в камышах стоял журавль, он дрожал. Не понятно только, или от холода, или от страха. Иван подплыл поближе к нему и стал разговаривать: — Не бойся, не бойся меня. Я не причиню тебе вреда, — практически шептал Иван. — Иди сюда, замерзнешь, глупый.

Журавль смотрел на него влажными глазами, как будто ему было все равно, что будет, и шагнул вяло к лодке.

Иван осторожно накинул на него старую сеть. Журавль пытался встрепенуться, но тут же обмяк и свалился на дно лодки.

— Вот и хорошо, — старался говорить тихо Иван, — поедем домой, а там будет видно.

Погрузив журавля в машину, Иван направился домой. Журавль всю дорогу даже не шевелился «Будь, что будет», — наверное думал он. Иван определил журавля в курятник: «Пусть пока осваивается, а там посмотрим». За этой возней его застал дед Евсей.

— Что, Дмитриии, дичь раздобыл?

— Да вот, Евсей Евсеевич, раздобыл, — и поведал, как все было.

— Ну, покажь, что за чудо там? — Дед Евсей осмотрел журавля, тот стоял как вкопанный.

— Вот видишь, Дмитриии? У него крыло перебито дробинной. В район надо везти, там наложат специальные пластины, и все будет хорошо, понял, Дмитриич?

— Понял.

Дед Евсей Евсеевич был другом Ивана. Он жил напротив его в старом, ветхом доме, который врос в землю от старости. Жил он со своей бабкой Лукерьей. Та болела ногами. По дому еще ходила, а на улицу уже нет. До войны у деда было три сына, крепкое хозяйство. Дом был добротный. Сам Евсей был профессиональным охотником — егерем. Люди говорили, что Евсей язык животных знает. Когда началась война, старшего сына Григория забрали в июне 41-го года, в пехоту. В конце 41-го забрали Алексея, среднего сына — в артиллерию. В 42-м забрали младшего, Евсея, в военное училище командиров минометного расчета. Евсей сам просился на фронт, мол, стреляю я отлично, но была собрана специальная бригада егерей со всей области для заготовки дичи на благо фронта. Туда же попал Евсей. Пока был сезон — били белку в тайге, утку — в общем, все, что можно есть. Когда заканчивался охотничий сезон, заготавливали дрова для паровозов, которые шли на фронт. В 43-м пришла похоронка на Григория — это была ранняя весна, начинали цвести сады, когда сообщили Евсею о гибели сына. Но беда не приходит одно — в сентябре погиб младший сын, Евсей. А через месяц пришла похоронка на Алексея. Лукерья сразу обезножела. Кому ходить за ней? Ладно, соседи, целый год, пока Евсей в тайге помогали Лукерье. Он не мог бросить промысел — это была его война. Лишь в 44-м бригада была распущена по домам. Евсей вернулся домой. Его сразу не узнали. От высокого мужика ничего не осталось. Голубые глаза стали бледными от слез. Он по-прежнему работал егерем, но домашнее хозяйство стало затухать. Евсей махнул на все рукой: «Для кого все это. А нам со старухой хватит», — рассуждал Евсей. Ивана он называл строго Дмитричем. Любил он Ивана по-отцовски, да и Иван относился к нему с особым уважением.

Как-то весной, только открылась охота, к Ивану зашел дед Евсей. В руке он держал ружье.

— Ты что, дед, на охоту собрался? — спросил деда Иван.

— Я свое отстрелял Дмитриии, вот возьми, отдаю в хорошие руки, — протянул он двустволку. Ивану всегда нравилось это ружье. Оно было сделано штучно. Сам же Евсей к оружию относился очень аккуратно. — Мне ни к чему, а оружие должно работать, — сказал дед, и в голубых его глазах навернулись слезы.

— Евсеич! А сам-то как?

— Ничего у меня есть одностволка — сказал дед, — Потом переоформим.

Иван знал хорошо характер Евсеича и никогда ни о чем его не расспрашивал. Бывало, придет Евсеич, сядет на чурбак или на лавочку, поздоровается с Иваном, закурит сигарку, молча покурит, встанет, махнет рукой и пойдет домой. Иван никогда не лез в душу, знал — завтра расскажет сам, что стряслось. Вечером из района приехала Лена. Иван ее встретил у ворот, поцеловал и как мальчишка, опустил глаза.

— Ну что случилось, Вань?

— Лен! Да ты не ругайся!

— Ну что за привычка у тебя мямлить? Как будто я стерва какая-то! Говори, что?

— Пойдем, покажу, — проговорил Иван, и повел Лену в курятник. — Вот, смотри!

— Какая прелесть, — прошептала Лена, — подранок?

— Да, — ответил Иван.

— Что будешь делать с ним?

— Завтра поеду в район, к Анатолию, в ветлечебницу.

Лена попыталась подойти поближе к журавлю. Он забеспокоился.

— Смотри, ожил, — сказал Иван, — осторожно, Лена! Ему надо привыкнуть. Пошли домой, жена! Кормить тебя буду.

— Пошли, сердобольный ты мой.

«Какая же она у меня молодец», — подумал про себя Иван.

На следующий день, с утра пораньше Иван повез своего подопечного в район, в ветлечебницу. Там начальником был Анатолий. Постучав в дверь, Иван тихо спросил:

— Разрешите, пожалуйста, войти.

Анатолий сидел за столом и что-то писал. Не поднимая головы он сказал:

— Минуточку! Заходите.

— Какой он важный, — сказал Иван, заходя в кабинет. Анатолий поднял голову, на лице расплылась улыбка.

— Братан! Какими судьбами? — соскочил он навстречу Ивану. — Что случилось?

— Ничего. Пошли, покажу. На тебя, доктор, вся надежда! На тебя! — язвил Иван.

Анатолий посмотрел журавля.

— В общем, так, Иван. Иди ко мне в кабинет, попей чай, а я займусь твоим подопечным. — Через какое-то время Анатолий зашел в кабинет и положил перед Иваном дробину. — Вот, на память.

— Ты конкретно, Анатолий. Что там? Кости целы?

— Кости целы, но треснуло от удара крыло. Дробина была на излете, скорее всего. Наложил зажимы. Я думаю, через месяц все будет хорошо. Вань! Ты с ночевкой? Или как?

— Нет! Что ты, домой надо, Толь! Как Аня, как ребяташки?

— Все отлично! Но Анна расстроится, что не зашел.

— В следующий раз — обязательно!

— Да, Иван! Промывай рану слабым раствором марганца один раз в два дня. Усвоил?

— Да, медицина, усвоил! Все, Анатолий, я поехал. Огромный привет Анне передавай.

— Обязательно, и Лене тоже.

— Да, Анатолий! Чуть не забыл! А чем его кормить?

— Вареной рыбой, дробленкой, два раза в день. А там по ходу дела.

Приехав домой, Иван определил Журу, как он его назвал, на летнюю веранду. Там стояла печка, Иван ее подтапливал иногда. Так незаметно прошел месяц. Надо было ехать в район, чтобы снять зажимы. Жура привык к своим хозяевам. Ему позволяли ходить по дому, но кошка Муся никак не могла смириться с этим, и когда он заходил домой — она забиралась на шифоньер, и оттуда наблюдала за журавлем. Наверное, думала: «Вот птичка, такую не съешь! Это не воробей какой-нибудь!» Иван водил Журу на улицу. Они гуляли во дворе. И как-то собака Тобик пыталась залаять на Журу: тот подошел к будке близко, а Тобик хотел показать, что он хозяин, но получив клювом в лоб, заскочил в свою будку. И с тех пор, как Жура выходил во двор, Тобик безоговорочно залезал в будку и мирно наблюдал и лишь когда Жура начинал клевать его еду, пытался рычать, нет, скорее всего роптать.

Иван решил на следующий день везти Журу в район. Вечером раздался телефонный звонок. Звонил Анатолий.

— Здорово, братан!

— Здорово! А я завтра собрался к тебе ехать!

— Не утруждайся. Мы завтра, с Анной, сами приедем. Топи баню.

— Все, понял! Это очень хорошо!

— Ну, вот и ладно. Заодно твоего пернатого посмотрим.

Иван положил трубку.

— Лена!

— Что случилось? Кто звонил?

— Завтра Захаровы приедут в гости.

— Вань, это хорошо, — засуетилась Лена. — Надо что-то приготовить для встречи.

Захаровы приехали ближе к вечеру. Лена, встречая на пороге, приговаривала:

— Как это вы надумали? Молодцы просто!

— Ну, пошли, показывай питомца, — сказал Анатолий, взяв с собой чемоданчик. При появлении постороннего Жура забеспокоился, стал распускать крылья, но Анатолий знал, как и что делать. У него даже интонация голоса сразу изменилась: — Ну что, дружок! Не узнал своего врача? Давай посмотрим, что у нас тут. — Он говорил тихо. Жура опустил крылья, даже присмирел, — Вот и молодец! — Анатолий подошел вплотную к Журу и ловко как-то взял его за шею, обхватив клюв.

— Вот и все! — и стал смотреть крыло другой рукой. — Так, Вань! Открой чемоданчик... да не греми ты, тихо надо. Открыл что ли?

— Да, Толь!

— Сверху лежат клещи. Видишь? Давай сюда.

— Ему будет больно? — забеспокоился Иван.

— Нет, не очень. — Взяв клещи, Анатолий встал к Ивану спиной и тот не видел, что Анатолий делает. — Ну, вот и все. Все хорошо, молодец, пациент! Давай поднимем крыло. Так, Жура. Ничего, разработаешь. Вот и все — свободен! Пошли Иван. Пусть успокоится. Все нормально.

Потом парились в бане, а за накрытым столом не могли наговориться. Пили Иванову самогонку, девчонки — настойку. Весело смеялись. И только далеко за полночь стали ложиться спать.

- Да, Иван, — допивая чай, сказал Анатолий, — теперь надо его учить летать.
- Это как? — удивился Иван.
- А вот так. А иначе он весной затоскует и может того — сам понимаешь.
- Толь! Так как я его буду учить летать? Если я сам не умею летать?

Но тут зашла Анна, она была в ночной рубашке:

- Все ребята, спать! Завтра ехать, Анатолий!
- Ладно, пошли. — Иван стал убирать со стола.

Тут зашла Лена:

- Что загрустил, Иван Дмитриевич?
- Лена! Летать, а как?
- Чего говоришь?
- Да ничего, это я про себя!
- Давай иди спать. Я приберусь. Вперед! Давай, давай! — скомандовала Лена.

Иван вышел на веранду. Жура спал, но услышав шорох, вскочил на ноги, подошел к Ивану и уткнулся к нему в живот. Иван гладил его шею: — Ну что, Жура, будем учиться летать? «Боже! Какой я пьяный, — отметил Иван, — спать, немедленно спать».

Ночью Ивану приснился сон, как будто он летит вместе с журавлями, в одном клине, а рядом Жура, летит и говорит человеческим голосом: «Летать надо, Ваня, летать!» Внизу стояли люди и кричали: «Глядите! Иван Рябинин полетел!» Иван аж подскочил в постели. Открыл глаза:

— Слава Богу! Приснилось. — Лена мирно сопела рядом. А Иван так и смог уснуть до утра.

Утром, позавтракав, поехали на кладбище. Поправили кресты, да оградки. К тому времени мать Анатолия уже пять лет как умерла. У Ивана тетушка чуть позже. Ивану было неудобно переспрашивать Анатолия как учить Жура летать. Гости уехали, а у Ивана не выходило из головы: «Как учить?»

Как-то Иван возился во дворе, услышал шаги, обернулся, увидел деда Евсея.

- Давненько ты не заходил Евсей Евсеевич!
- Да вот, захворал маленько. — Дед Евсей всю весну и лето ходил в кирзовых сапогах и потертой фуражке. А зимой в валенках и овчинном полушубке. Сколько Иван знал деда — так всегда было. Дед стоял в валенках и полушубке — скоро зима начнется, поэтому Евсеич так оделся.

- Проходи, Евсей Евсеич! Проходи!
- Митрич! Никак Захаров приезжал? С женой?
- Да, Евсеич!
- Молодцы! Сколько лет дружите — это редко.

— Ну что, покурим, Евсеич? — предложил Иван. Иван не курил, но самосад Евсеича был такой сладкий и ароматный, что Иван иногда скручивал козью ножку и курил с дедом, правда, не в затяг, но хвалил табак. Дед сиял от счастья. А табак, на самом деле, был очень хороший. Иван, пуская струйку дыма, хотел спросить Евсеича: может он знает, как учить Журку летать, но мялся — было неудобно. Евсеич понял Ивана:

- Что хочешь спросить, Митрич?
- Да пустяки, Евсеич!
- Спрашивай, Митрич.

Иван вдохнул дыма, да так глубоко, закашлялся, что даже слезы закапали из глаз.

- Дерзко, — прохрипел Иван.
- Это нормаль, горло болеть не будет.
- Дед Евсей! Ты все знаешь. Скажи, как научить летать журавля?

Дед улыбнулся, посмотрев на Ивана своими голубыми глазами. Иван подумал, что дед будет смеяться над ним:

— Ты, Митрич, надень фуфайку и не застегивай ее. Бери пернатого, выходи в поле и беги перед ним и махай фуфайкой, как будто крыльями.

— Ты что, Евсеич, смеешься надо мной, что ли? Как это ты представляешь себе, — возмутился Иван.

— А как ты хотел, Митрич? Кого приучил, за того и отвечаешь, — он не смеялся совсем. — Смотри, перо еще желтое проскакивает — он тебя за мамку, за папку принял, полностью доверился. А что, Митрич! Увези его обратно на озеро, — дед замолчал, сделав большую затяжку.

- Да ладно, Евсеич, прости! Я погорячился!
- Да я-то прощу.
- Ты скажи конкретно, что надо делать?

— Я уже сказал. Вывози в поле, беги впереди его и махай фуфайкой, как будто крыльями. Он поймет, и будет бежать сзади тебя — и взлетит. Обязательно взлетит! Митрич! Не сомневайся, делай, что говорю. Ты меня знаешь. Я зря не скажу.

Дед резко встал, махнул рукой, вышел со двора. Иван хотел было остановить деда, но не стал. Он тоже вышел за калитку. Дед пошел вдоль улицы, домой. Дойдя до дома, дед остановился, посмотрел в сторону Ивана, махнул рукой, резко открыл свою калитку. Иван подумал в это время: «Сейчас, если хлопнет — развалится калитка, к черту». Она и так непонятно на чем держалась. Но дед ее закрыл аккуратно и исчез во дворе. Это развеселило Ивана: «Вот психанул старик, теперь дня два не придет». Иван зашел к себе во двор, сел на лавочку и только потом понял, что окуроч в руке жжет его пальцы. Иван бросил окуроч. Вслух сказал:

— Ну что? Дед прав. Надо отвечать за того, кого приручил.

И тут Иван вспомнил один случай. Был у них в колхозе бык-производитель. Звали его Букет. Он был пятнистый: черно-белым и рыжим. В деревне его все боялись, кроме пастуха. И так получилось, что пастух заболел и попал в больницу. Председатель попросил временно попасть Евсеича, недельки две, не больше. Но где две, там и месяц вышел. В общем Евсеич этого Букета приручил к себе. Тут пастух выздоровел, приступил к своим обязанностям. Евсеич сдал ему стадо и отправился домой. Букет в первый день не понял перемены власти, проходил в стаде весь день спокойно и чинно. На следующий день он понял, что это не Евсей, т. к. Евсей имел такую привычку беседовать с Букетом, при этом поглаживая его по холке. (Подпасок, молодой парнишка, не мог смотреть на это без содрогания. «Не зря говорят в деревне, что старый знает язык зверей», — говорил он про себя). И Букет рванул в деревню. Представьте картину: идет по центральной улице бычара, и орет, а в носу кольцо. В общем — кто куда. Тут народ до председателя: мол, смотри, что творится, кто остановит эту махину. А Букет дошел до дома Евсеича, стал возле забора и орет. А народ кто где: кто за деревом, кто за забором, а кто на дерево залез — наблюдает. А Букет мычит, да так интересно, как будто зовет: «Евсей! Евсей!» Дед сначала не понял, что происходит: вышел на улицу, увидел своего друга. Букет перестал мычать, даже хвостом замахал, как собака. Евсеич подошел к Букету, что-то сказал ему. Тот стоял, как вкопанный, лишь иногда подавал голос, как будто соглашался. Потом Евсеич сказал громко: «Стой! Я сейчас оденусь и провожу тебя!» Люди стояли молча, даже никто не смеялся. Дед одел свою любимую фуфайку, подошел к Букету и сказал: «Пошли, что ли». В его голосе не было ни злости, ни власти человека. Он сказал это как другу, который загулял и не хочет идти домой. Доведя до конца деревни Букета, Евсеич сто-то еще прошептал ему на ухо, пошлепал по спине и сказал: «Иди с Богом!». Бык постоял еще какое-то время и побрел обратно в стадо. Толпа зевак была в полном штопоре, в том числе и Иван. А Евсеич постоял еще немного, пока бык не исчез в стаде, махнул рукой, по привычке, и побрел домой. И лишь кто-то в толпе сказал: «Понимает их язык!» Вот такая история, которой свидетелем был сам Иван. Вскоре быка увезли в соседний колхоз. Дед даже немного по нему тосковал. Иван теперь понимал, что имел в виду дед про то, кого приручишь.

На следующий день Иван после работы загрузил журавля в машину и выехал в чистое поле. Иван внимательно посмотрел по сторонам — никого. Надо начинать «С Богом!» — сказал Иван и побежал по полю, махая, якобы крыльями и кричал: «Жура! Жура!». Жура сначала стоял, но потом побежал за Иваном, стал распускать свои крылья. Так они пробежали час.

— Ну, все, на сегодня хватит! Дед не обманул, я думаю, толк будет.

В общем, так Иван пробежал целую неделю, но пока никаких сдвигов не было. Жура расправлял крылья, махал ими, но взлететь не мог. Что-то мешало ему в его сознании. А тут пошли дожди, в поле стало грязно. Иван временно прекратил, так сказать полеты. Как то вечером зашел Евсеич и как ни в чем не бывало:

— Ну как, Митрич, дела? Получается что ли?

— Я думал ты совсем не придешь, Евсеич!

— Митрич! Не ври. Твоя Лена каждый день приходит, бабку мою лечит. Слава Богу, легче стало. Она-то мне и рассказала, что ты учишь летать.

— Дед! Честное слово не знал, что Лена в курсе.

— Вот так-то, Митрич! Не сдавайся! Все будет хорошо. Ну, я пошел.

— Давай иди, — проворчал Иван.

Вечером Иван за ужином, как бы невзначай спросил:

— Лен! Как бабушка Лукерья?

— Да как! Старость не лечится. Но все равно получше. Ходит сама по дому, деду еду готовит. Любит дед тебя. У него одно: «Митрич. А вот Митрич». Ваня! Ты все делаешь правильно, я имею в виду про Журу.

— Я думал, что ты будешь ругаться или смеяться.

— Эх, Ваня, Ваня! Люблю я тебя за твою непосредственность. Да, Ваня! Саша звонила!

— Что ты говоришь?

— Через три дня приедет на каникулы.

— Здорово!

Все три дня Иван занимался в свободное время дома: убирал в бане, во дворе — скоро приедет его любимая дочка Саша. Жура ходил за ним, толкал его клювом, мол, забыл про полеты?

— Потерпи немножко, скоро приедет Александра, я тебя с ней познакомлю, и тогда будем летать.

Иван сам поехал встречать дочь в район. Усадив ее поудобнее в машине, поехали домой. Всю дорогу разговаривали без умолку.

— Пап! Мама мне писала, что ты журавля приютил. Какой он?

— Дочь! Приедем — сама увидишь. Он тебе понравится. Саш! Женька-то пишет тебе?

— Да, пап. Каждую неделю. Скорее бы пришел домой. Я уже соскучилась по брату.

Приехав домой, они увидели, что Елена стоит возле ворот.

— Мамочка встречает! — закричала Саша. Вышла из машины, бросилась обнимать и целовать маму. Успокоившись, Саша спросила: — Где Жура?

— Пойдем, покажу тебе, познакомлю. Только ты осторожно, он тебя не знает.

Когда Александра увидела Журу, вскрикнула от радости: — Какая прелесть! Это просто чудо! — Жура внимательно осматривал новую знакомую. Саша не унималась: — Пап! А он летает?

— Нет, дочь, пока нет. Но мы с тобой его научим, да дочь?

— Да, папочка! Ты у меня самый лучший папа на свете, — и расцеловала отца.

Потом был праздничный ужин. Иван взял все в свои руки:

— Девчонки! Отдыхайте! Я вас буду угощать, — они весело смеялись и были совершенно не против этого. Иван смотрел на дочь и понимал: она совершенно взрослая. Сильно похожа на мать, даже манеры ее. Это хорошо, радовался Иван.

В течение трех дней Жура и Саша освоились. Жура стал подпускать Сашу к себе.

— Пап! Ты говорил, что будем учить летать?

Иван рассказал суть дела: — Понимаешь, можно было в поле, но сейчас там грязно. Не бегать же по деревне? Что народ скажет: «Мол, Рябинин совсем сбрендил, крыша поехала! Бегают с журавлем по деревне».

Саша призадумалась на какое-то время:

— Ну что! Дед Евсей сказал, что если не научим Журу летать, весной он помрет без неба.

— Так, — проворчал Иван, — уже успел прочесть лекцию.

— Пап, не ругайся! Дед прав.

— Ну что ж, будем бегать по деревне. Только, чур, ты со мной, дочь!

— Ладно! — согласилась Саша.

На следующий день начали снова полеты. Народ, каждый по-своему относился к занятиям Ивана: кто смеялся, кто молча наблюдал, а некоторые даже об заклад бились: «Полетит — не полетит». Так пробегали они неделю. Саша расстраивалась: «Мол, скоро мне уезжать, а тут ничего не получается». И лишь через неделю Иван, как всегда, с дочерью вышел на улицу. Он надел фуфайку, и бежал, махая руками, будто крыльями. Это же делал Жура. Иван решил разбежаться посильней и подпрыгнуть, что он и сделал, но он споткнулся и, пролетев метра три, плюхнулся на землю. Жура повторил те же самое. Только он полетел и стал набирать высоту, поднимаясь на небо. Иван начал кричать:

— Давай, родной! Лети, Лети! — Они с Сашей прыгали от счастья. Жура, дав большой круг вокруг них, стал медленно опускаться на землю, неуклюже пружиня — приземлился. Иван подошел к нему:

— Молодец, Жура!

Жура весь трясся, то ли от радости, то ли от страха. Подошел дед Евсей:

— Ну что, Митрич! Стал Жура на крыло? Теперь все будет нормально.

Вскоре Саша уехала учиться. Попрощавшись с Журой, даже слезу пустила.

Привыкли они друг к другу за это время.

— Папа! Ты мне письмо напиши про Журу. Ладно?

— Ладно, доченька! Обязательно буду писать.

Так незаметно прошла зима. Жура окреп, повзрослел. Иван его выводил на улицу — он медленно взлетал, давал большой круг и возвращался домой. Первое время Иван даже боялся, что Жура улетит. Дед успокаивал:

— Зимой не улетит.

Но вот наступила весна, Жура стал беспокойным, часто стал вылетать из дома, давая большие круги, но всегда возвращался, тыкался Ивану в живот. Но тут с юга потянулись птицы, они садились на воду, отдыхали и летели дальше, в свои родные края. Так однажды прилетели журавли, сели на воду отдыхать.

Иван был на работе, когда Лена позвонила:

— Все, Жура улетел с журавлями.

Иван прибежал домой. И действительно Журы дома не было.

Лена объяснила: — Стал метаться по клетке, кричать, размахивать крыльями. Я сначала не поняла, выпустила на речку, а там — журавли. Он с ними улетел — и только его видели.

— Ты все правильно сделала, Лена! Вольному — воля, — сказал Иван и ушел на работу. На душе было тоскливо и неуютно. — Природа берет свое, — успокаивал себя Иван.

Придя вечером с работы, Иван зашел во двор — там, как ни в чем небывало, ходил Жура. С таким видом — мол, пожрать дали бы...

— Лена! Журка вернулся!

— Я знаю! Не стала звонить на работу. Все равно улетит, Вань.

— Да я знаю.

Так прошла неделя. Утром Жура улетал, вечером возвращался домой. В воскресенье Лена позвала Ивана — тот копался в бане.

— Что случилось?

— Жура беспокоится опять. Иди, выпусти, похоже, улетит. Открывай дверь.

Жура вспорхнул, поднялся в небо высоко и через какое-то время появился клин журавлей. Они курлыкали, возвещая о том, что они вернулись домой. От клина отделилась точка и стала приближаться — это был Жура. Он медленно сел на землю, недалеко от Ивана с Леной, замер на месте.

— Лети, лети, а то опоздаешь. Лети, Жура! Там твоя жизнь. Там твой дом. — Голос Ивана дрожал.

Жура, будто его понял. Он посмотрел в небе, потом на Ивана, взлетев, сделал большой круг и исчез в небесах, догоняя свой клин. А Иван с Леной долго еще смотрели в небеса, мысленно прощаясь с Журой. Тишину нарушил кашель деда Евсея:

— Что? Проводили юнца? — Иван пришел в себя. — А не покурить ли нам, Митрич?

— А что, дед Евсей! Давай табачку! — весело рассмеялся Иван.

с. Чесма

Тулеген Наурзбаев

Старый дом

К портрету Басыра Рафикова

Не молод, но легко подметить,
Почувствовать со стороны,
Как жизнь бурлит в душе поэта
Под лёгким пеплом седины.

И в строгих линиях портрета
Я вижу взлёты и пике,
Излом судеб отца и деда,
Душою ясной, в языке.

Иметь другой не мог он доли,
Трудом писательским так горд,
Что написал стихов поболее,
Чем, может быть, поэтов взвод.

* * *

На вороном коне в «Победу»
Скачу полями напрямик.
Я знал в суровой жизни беды
И видел смерти злобный лик.
Всё это под землей таится,
Грозит нам острою косою.
А здесь колышется пшеница,
Где я в рубашке и босой.

* * *

С прибрежных ив к воде свисают чёлки,
И чутко травы в поле шелестят,
Что слышен вкрадчивый свист перепёлки,
Скликающий в степи перепелят.

* * *

Старый дом,
передо мной, сугробы.
Яшевы в нем
Встречались в старину.
Дом теперь,
Состарившись без злобы
Умирает,
Погружаясь в тишину.

По морщинкам
Белого фасада
Трещины идут вразлёт.
Безмолвен двор.
Но уже
Близ городского сада
Чей-то слышится веселый разговор.

Луч восхода
Розовой зарею
Разорённый дом
Вдруг осветил собой...

Никогда не видел,
Что порою
Наша родина
Бывает и такой.

г. Троицк

Михаил Авдейчик

Ты сказала мне глазами

Без тебя

Вале Сурме

Была ты долгожданная,
Желанная была, —
Лишь краткое свидание,
И мигом уплыла.

Ты предо мной растаяла,
Как облачко, как дым,
Осталась достоянием
Мне вечно молодым.

Ты жгла глазами синими
Ходячий василёк,
Фигурою красивою
Мой гибкий стебелёк.

Коплю в себе страдания,
Которых через край.
Не зря мои старания,
Нет худа без добра.

Цветочки и ягодки

Вкусно ешь меня ты взглядом,
Неумный аппетит.
Я тебе отдаться рада, —
Мне никто не запретит.

Голоден всегда ты мною,
Голодна и я тобой.
Опленяет нас большою
Силой крепкая любовь.

Потому как встречи реже,
Ожидание все то ж.
Скука сердце больно режет,
У разлуки острый нож.

Заруби, дойдя до точки,
На носу себе о том,
Появляются цветочки,
Будут ягодки потом.

Опленяет нас большою
Силой крепкая любовь.
Голоден пока ты мною,
Голодна как я тобой.

Предо мной

Вале Сурме

Не ловлюсь в любовных сетях
Я, как рыба в лоне вод.
И желаю действий этих
С точностью наоборот.

Наблюдала б ты со вкусом
Трепыхание мое,
Лик прекрасный с грозным знаком
Твой предстал бы предо мной.

И тогда б ты показала
Мне свою большую власть...
Ты сказала мне глазами
Главное, что надо знать.

г. Бакал

Вновь встали мысли у истока

Признание

Поэт — это акын, что не говори,
Поёт о том, что происходит.
На фоне фантастической зари
Сюжеты для стихов находит.
Как зеркало он отражает мир,
Фильтрует информации потоки.
Нырять в окружающий эфир
И превращает страсти в строки.
Он проводник от неба до земли
И всё предчувствует заранее.
В горах, тайге, в реке и на мели
Свой путь найдёт его призвание.
Поэт — глашатай праведных небес,
Чужие примеряющий пороки.
Вначале набирает славу, вес,
Порою создавая шум и склоки...
Сейчас вам говорю об этом,
Словно истину вбиваю клином:
Да, я не чувствуя себя поэтом,
Желаю быть простым акыном!
Глаголом жечь — не мой удел,
Сейчас подобное не в моде.
Не будет в творчестве предел,
Пока жива поэзия в природе.

Мелодия кларнета

Не всё так плохо в этом мире,
когда вокруг кипит весна.
И солнце, инспектируя квартиры,
лимит снижает тьмы и сна.

И тут народ штурмует теплоход,
который поплывёт за счастьем.
Отряхиваясь от мирских забот,
на борт берите удочки и снасти!

Старайтесь позитивом запастись,
взбираясь на скалистую макушку.
На пони и верблюдах потрястись
перед возвратом в свою «двушку».

Грузите рюкзаки, детей в обоз,
наполнитесь азартом и задором.
Так лучше, чем месить навоз
за садоводческим забором.

Вновь встали мысли у истока,
вокруг сплошная кутерьма.
Мы — часть потока и порока,
в нём отблески огня, и тьма.

Нам хочется всё ярче света,
А лета дольше, чем зима.
И нежная мелодия кларнета
у пальмы сводит нас с ума!

Тортилла без тротила

(быль)

Солнце, горы, перевал,
Узкая скалистая дорога.
Я с трудом по ней шагал
И устал в пути немного.
А вокруг притихший лес,
Кустарник весь колючий.
Зачем на гору я полез?
Такой реальный случай.
Сократить решил дорогу —
Из села шёл в город.
Думал, разомнусь немного,
Коль подвернулся повод...
Шли часы, я всё в пути
И, увы, конца не видно!
Сколько мне ещё идти?
Жарко стало и обидно.
У перекрёстка двух дорог
Скинул тёплую рубаху.
Глазам поверить я не мог —
Вдруг встретил черепаху!
Издали казалось — мина
Лежит себе на перекрёстке.
В цвет гранитного камина
Узор на ней, как на напёрстке.
Поглядели друг на друга,
Я окрестил её «Тортилла».
Очевидно, что с испуга
Имя черепаха позабыла.
Подошёл к ней осторожно,
В панцирь сразу забралась.
Разобраться было сложно,
Где спрятан хвост, где глаз.
Поднял её как скороварку,
Семь примерно килограмм.
— Я не готовлю тебе жарку,
Не бойся, никому не дам! —
Поговорил с ней, успокоил,
В ответ бурчанье раздалось.
На травку я её пристроил,
Дороги наши снова врозь.
Из-под «крышки» осторожно
Явилась черепашня голова.
Огляделась сколько можно:
Не нарушают ли её права?
Мы разошлись с Тортиллой —
Каждый по своим делам.
Наша встреча была милой,
Важной — так скажу я вам.
Заплакал дождь, неспешно,
Как панцирь, натянул рубаху.
Я понял — жизнь успешна,
Если копируем мы черепаху.

Деревенская рапсодия

Глава I. Деревенька моя, деревенька колхозная

Моя деревня расположилась в предгорьях Южного Урала, недалеко от речки Мочагайки и разбросана на все четыре стороны: одна улица ведет на Юг и упирается в гору, на которую по утрам пастухи гонят табуны крупного рогатого скота, а вечерами сельчане встречают своих Зорек, Звездочек и пр. Вторая — на север, третья — на восток. На этой, т. е. Восточной, улице жила я со своими родителями, родственниками и близкими подругами. С севера нашу улицу защищает гряда высоких гор. У подножия этих гор заросший деревьями и кустарниками овраг, по дну которого течет ручей, образованный от множества родников. Истоком нашего ручья являются горные родники, которые бьют прямо из-под скал горы, находящейся восточнее нашей улицы, т. е., за селом. Впадает наш ручей в речку Мочагай, которая несет свои воды мимо западной окраины. Да, река протекает вблизи Западной улицы, но в этом месте, т. е., на территории села никто не купается. Купаться все ходим за село по тропинке мимо дома колдуньи, вернее ведьмы, который стоит на отшибе, юго-западнее села.

Да, да, в нашей деревне, как и в любой другой (в те времена) жила ведьма. Она никого не лечила, а как говорили, «съедала» младенцев, и потому ее боялись. Никто не знает, как, каким образом она «вынюхивала» о новорожденных детях. Приходила в тот дом, а после ее ухода у младенца «растрескивалось» (или расходилось) темечко. Были и смертельные случаи. И не только у детей, посещала она и те дома, где только что отелилась корова.

Помню, мне было лет семь, когда она появилась у нас сразу после отела коровы. Теленок, еще мокренький, находился дома. Она села и сразу уставилась на него. Мама дома не было, сестра предложила ей чаю и стала накрывать на стол. Я была девочкой смысленной, наслушавшись рассказов об этой ведьме, знала, как ее обезвредить. Вышла тихонько из дома, в сарае набрала немного куриного помета, зайдя в дом, бросила этот помет на горячую плиту. Хорошо, что печка топилась. Мы с сестрой еще ничего не почуяли, а она тут же вскочила и убежала. Так я спасла нашего теленочка.

Глава II. Моя лучшая подруга детства

Есть у меня подруга детства Полинка, которая тоже жила на нашей Восточной улице. Рано научившись читать, она уже в детстве знала много сказок, и мы любили их слушать. Электрического света и радио у нас тогда еще не было. Собирались вечерами за сараем на бревнах девочки, мальчики, малышня и спрашивали ее: не забыла ли она прихватить свой мешок со сказками? Удобно устраивались и слушали. Любили ее и наши младше сестренки и братишки. Если наши родители куда-либо уезжали или надолго уходили, оставляя нас одних, дети ставили перед ними условие, чтобы они попросили Полю побыть с ними.

А когда мы, будучи еще мелкими, когда нас в колхоз работать не брали, ходили в лес (а он далеко от села находился), где собирали съедобные травы — витамины нашего детства, цветы, ягоды и грибы, мы все съедали свою еду почти сразу. Возвращались из леса сильно уставшие и голодные, останавливались на отдых возле родников. Полина доставала свою еду и делила ее на всех поровну, даже яйцо делила на мелкие кусочки и раздавала всем. И не было ничего вкуснее того хлеба с родниковой водой! А когда приходила домой из леса, разносила букеты ландышей (или других цветов) престарелым и больным соседям. В ней жила потребность радовать окружающих.

Но вот мы подросли, и с класса пятого уже и нас стали на колхозные поля приглашать. Как только чуть-чуть рассветет, по улицам села верхом на лошади едет бригадир и кнутовищем стучит в окна сельчан, давая указания, кому из членов каждой семьи, на какую работу идти. И мы — пятиклашки, уже как равные, как колхозницы — и нас уже не обходят стороной, и нам объясняют, куда, на какие работы и с каким орудием труда идти. Работали на току, на покосе и т. д. Работа не из легких, а все — как на праздник. Надевали, что получше, платочки белые на головах. Мы — с граблями, девушки и женщины — с вилами, мужчины — с косами, мальчишки — с лошадьми. Рассаживались утром рано по рыдванам — и с песнями вперед! До захода солнца. Летом прополка колхозных полей. Поляка — добрая душа на прополку брала с собой городских девочек, которые гостили летом в деревне у родственников. Им, видите ли, скучно одним. Мы — то все целыми днями работали. И вот умора! Городская девочка быстро уставала, и Поля полола и за себя, и за нее, выбиваясь из сил, чтоб не отстать от женщин-колхозниц. (У каждой — свой ряд, длиною в колхозное поле.) А городская девочка, далеко-далеко отставшая, еле-еле плелась и волокла за собой мотыгу. Зато эта девочка

так уставала, что уже не жаловалась на скуку. Так Полина брала на колхозные поля и других городских девочек, как на экскурсию.

Жизнь в селе, тем более, в колхозе — не сахар. Развлекаться некогда. Даже в лес по грибы и ягоды сходить возможности не было. Ибо с наступлением весенне-летнего и осеннего сезонов наступала всех колхозников (от малого до старого) горячая страда посевной, сенокосной, прополочной и уборочной это у горожан, которые отдыхают летом в селах, ностальгия по деревне, но не у тех, чья жизнь прошла в колхозе.

Глава III. А гармонь «зовет куда-то»

Ну, а вечерами, придя с колхозных полей, манила нас гармонь. Гармонистов на все наше село было только два: Петр, который в колхозе работал шофером и заведующий клубом (в перестроенной полуразрушенной церкви) часто был занят. А второй наш гармонист Николай прекрасно владел своим инструментом и всегда был на своем посту. Был наш Коля инвалидом — горб у него был большой. В колхозе работать не мог, вот и заманивал нас своей игрой на Западную улицу, где жил с мамой. Радовал он нас и в будни, и в праздники. Играл все: и любые плясовые, вальсы и мелодии различных песен. Какие бы уставшие мы не были, усидеть не могли. Все мои подружки учились сначала в других селах в средних школах, (в нашем селе была семилетка), затем в разных учебных заведениях. Мы мечтали выучиться и жить в городах. И потому деревенские пляски не любили, но зато обожали танцы, особенно — вальсы. И песни пели современные, а к деревенским — тягучим, с переливами — относились критически (и зря). Зато девушки с других улиц, особенно с Западной — предпочитали плясовые:

Ты, подгорна, ты, подгорна,
Широкая улица,
По тебе никто не ходит:
Ни петух, ни курица.

Помню и политические:

Когда Ленин умирал,
Сталину наказывал:
«Хлеба много не давай,
Мяса не показывай!»

Посвящали эти девушки и нам свои частушки:

Дура пляшет — ума нет.
Перестанешь или нет?
А я думаю не так:
Кто не пляшет, тот дурак!

И — рукой в нашу сторону.

Когда Коля играл, природа замирала, а когда останавливался, чтоб перевести дух и отдохнуть, перекликались лягушки, луна яркая, круглая высывалась с любопытством из-за завесы облаков, словно пытаясь разглядеть, кто это так наигрывает? Со стороны реки раздавалась мелодичная флейта жаб. Ветер, словно проснувшись, пробежал по верхушкам деревьев и касался наших волос. Струились переливчатые трели соловья, словно приглашая гармониста играть еще и еще.

Глава IV. Деревенские страсти-мордасти

Мы, девчата с Восточной улицы, пользовались большим уважением у парней, но с еще большим уважением ребята относились к Полине. Никогда при ней не выражались. Может, потому, что мы все, кроме нее, стали рано встречаться с ребятами старше нас. А Поля никого к себе не подпускала, наверно выбрать не могла. Вот парни и «лезли из кожи», чтобы ей понравиться. Ведь в деревне как? Останься хоть на один вечер с парнем, он уже считает тебя своей, и попробуй после этого вечером постоять, поговорить с другим — сразу эпитет приклеят. Бывало, что провожали ее группой, ее поклонники. Дойдя до дома, она им говорит: «Спать я не хочу, и книгу дочитала. За другую книгу пока взяться не могу, так как нахожусь под впечатлением прочитанного, не хочу, как бы, изменять тем друзьям, о которых читала, за которых переживала. Раз уж вы дружить со мной хотите, развлеките меня, расскажите

что-нибудь интересное». И подумать только, парни, у которых при нас рты не закрываются: то анекдоты расскажут нам, то смешные истории, при ней немели. И давай друг друга подталкивать. Она и выдаст им содержание книги, которая ее все еще волновала. Да читала она гораздо больше, чем мы, остальные. Парни стеснялись ее, с нами запросто: и приобнимут, и души свои раскроют о том, как она им нравится. Еще и помощи попросят.

Порой даже смешно было: она не только свою честь берегла, но и честь подруг. Был, например, такой случай: в зимнее время у колхозников больше свободного времени, вот они души свои и отводили. Праздники зимой отмечали. (Других-то удовольствий не было.) В каждом селе — свои престольные праздники, по святым что-ли? А сколько еще общих праздников! Вот и ходят в праздничные дни наши родители из дома — в дом, даже очереди устанавливаются, кто за кем. Угощают друг друга, поют, пляшут. Не дай Бог в такое время родственнику какому приехать в гости. Спят запросто.

И вот однажды соседская девушка Нюра, после того, как от них вышли наши родители, пригласила нас к себе. На столе после взрослых столы от яств ломаются: тут и гусятина жареная, холодец, голубцы и прочие изыски, ну и спиртное разумеется. (Ведь гуляющим надо будет наполнять свои желудки и в других домах. «Обижать» нельзя никого.) Поля, будучи высокой и тонкой, говорит, что ее комплекция не позволяет ей принять спиртного более одного глотка, а поесть — пожалуйста — не протестует. Пошутили мы на эту тему и принялись угощаться. Нина с Нюрой, будучи с более упитанными комплекциями, видно, набрались. Но с такой закуской заметно не было, и пошли мы все в клуб. Коля, увидя нас, стал наигрывать вальсы. Он всегда в нашем присутствии играл то, что нам нравилось. Мы с Полей натапцывались бы вволю, но она заметила, что Анну и Нину развезло. Помогла им одеться и повела домой. Сначала завела домой Нюру, а Нина домой идти отказалась. Полина вынесла ей из своего дома стул, так как скамейки на улице обледенели. Но не долго Нина сидела. Услыхала гармонь и вскочила: «Это мой Петя!» — и к нему. Полина пыталась ее удерживать, да где там! А Петр — гармонист, кавалер Нины, был не один, с ним был еще один парень, с другой улицы, который, как и Петр, был старше нас. Поля подумала: зачем парню, если он уважает девушку, идти на свидание с ней с другим мужиком, тем более, зная, что его девушка нетрезвая? И пошла с ней. Домой идти Нина опять отказалась. Так они и ходили вчетвером туда-сюда по улице. Затем Нина говорит:

— Поля, ты иди домой. Не беспокойся, я уже протрезвела.

— Очень хорошо! — отвечает ей та, — тогда приberi волосы, а то они у тебя растрепались.

— Ой, Поля, я не могу поднять руки. Помоги мне, убери мои волосы.

— А раз не можешь, так и помалкивай.

Парни, видя, что Поля подружку одну не оставит, в конце концов ушли. Только тогда Нина согласилась идти домой. А я отругала Полину, и до сих пор не могу понять: беспокоюсь о чести подружки, почему она о себе не думала? Ведь двое дюжих мужиков могли запросто с обеими справиться. Что это? Ради чего? Ведь Нина сама хотела остаться с ними одна. Разве такую спасешь? И почему Поля была так уверена, что они ее постесняются? Ведь скорей всего, эти мужики тоже были нетрезвые. Да, я знаю, что она смелая. Она часто провожала Нину до дома.

Нина жила в конце нашей улицы, и на ее пути к дому стоял и до сих пор стоит брошенный дом. Хозяева бросили его и уехали из села, когда дом был еще новый, в нем, якобы, живет нечисть. Дурная слава была у этого дома, как будто высказывали оттуда черти, когда мимо проходили пьяные люди. Мы слышали много историй: одного пьяного увели к обрыву, другой пришел в себя на кладбище, возле свежей могилы и т.д.

Я спрашивала Полю:

— Неужели ты совсем не боишься? Туда ты идешь с Ниной, но обратно ночью — одна.

На что она мне ответила:

— Я стараюсь перебарывать страх. Если же он все-таки охватывает меня, останавливаюсь против этого дома и смотрю на него, чтоб доказать, что там ничего нет, и я ничего не боюсь.

— И что? Ничего не видела?

— Конечно, нет. Во-первых, я старалась в эти дебри не верить, а во-вторых, я же не бываю пьяной, а они только пьяным мерещатся. Что ж теперь Нине и не ходить никуда? Я пытаюсь доказать ей, что на поводу страха идти нельзя. Один раз пересилит свой страх, в другой — ну и начнет ходить.

Нина — ужасная трусиха. Я тоже боялась этого дома. Ну, а Полька наша, как рыцарь, ради того, чтоб помочь, на все готова.

Глава V. Случайная встреча

Но вот выучились и разъехались, кто куда, я в соседнем селе учительствовала. Замуж вышла за местного парня, с которым встречалась в молодости. Ходили мы с ним иногда на танцы или просто послушать игру Николая. Переписывалась со всеми. Полинка в Челябинске живет и работает. Многие парни просили ее адрес, хотели узнать, как она, нашла ли свою половинку? Да так и не решились, не доехали.

А тут вдруг наш Николай исчез, и гармонь его умолкла. Месяца два его не было. Потом появился, худой, вроде счастливый, а глаза грустные. И вдруг сообщает мне:

— А я Полю нашу видел.

— Где? — спрашиваю.

— В Челябинске.

— А ты как там оказался?

— Ездил на конкурс «Играй, гармонь уральская».

— А ее-то как там нашел? Ну, и как она?

— Найти — нашел, видел, поздоровался даже, а как она — не знаю.

— А почему не спросил?

— Я узнал, где она живет, где работает, но туда и туда сходить постеснялся. Ходил, прикидывал, по какой улице ходит, несколько дней сидел на тротуаре у дороги, которая проходит возле того дома, и ждал. И все-таки дождался. Она шла уставшая, наверно с работы. Я ее увидел, узнал, обрадовался, поздоровался. Она чуть-чуть повернула голову в мою сторону и ответила на мое приветствие так рассеяно, обыденно, как будто мы с ней каждый день видимся, и, не останавливаясь, прошла дальше. Может не узнала? Но как можно меня не знать, с горбом да гармошкой. Много ли таких? Значит, не посчитала нужным...

Я представила себе его душевное состояние. Выходит, и наш Коленька в нее был влюблен? А почему бы и нет? Ведь душа-то у него здоровая, красивая. Вот где настоящее золотое сердце! Никогда, ничего, ни с кем, ни слова о том. Ведь мог спросить адрес у меня. Нет. Сам. Все сам! Даже не заикнулся ни разу, ни о чем ни разу не спросил. Представила, что ему стоило решиться на эту поездку: из Оренбургской области — в Челябинск. Чего стоила сама поездка, поиски, ожидания многодневные у дороги. Это не по силам и здоровому. Как он все это вынес?

И я написала подруге огромное письмо с упреками. Как могла моя Полинка так поступить? Когда успела так испортиться, измениться? Как могла пройти мимо? Не остановилась, не поговорила, не расспросила, а ему, может, там и жить было негде?

Нет, нет не могла моя Полина так поступить. Наверно, это была не она, просто кто-то похожий, кто-то чужой, а Коля просто уловил сходство и принял желаемое за действительное.

И вот что ответила мне Поля: «Неужели это было в самом деле? Понимаешь, мне очень часто и долго первое время некоторые здешние люди напоминали тех, наших. Я даже подходила к ним, расспрашивала, что было не очень удобно и красиво. Но в конце концов, я запретила себе смотреть на людей такими глазами. Внушила, что просто есть в чем-то похожие люди. И Николая после этого я вроде однажды видела у дороги. Да он поздоровался со мной, а я ответила и подумала, что это опять мираж. Ну, как может такой больной Коля оказаться здесь, в Челябинске? Наверное, кто-нибудь похожий, и прошла мимо под влиянием своего внушения. А позже подумала: ведь я не знаю никого другого с горбом и гармошкой, а тот-то знал меня, раз так обрадовался, увидев. Ругала я себя, почему не подошла, не убедилась, ведь ничего бы от меня не отвалилось, если бы это был не он, а кто-то другой. Но было уже поздно. А потом я подумала, что, наверно, мне это просто приснилось, ну не могла наяву вот так просто пройти мимо нашего любимого гармониста... А теперь вот, прочитав твое письмо,... Галка, мне ужасно стыдно, и нет мне никакого оправдания, если даже я была сильно уставшая, больная или загруженная проблемами. Прости! И извинись за меня перед ним. Выходит, я была, как зомби, если не поверила ни глазам своим, ни ушам. Такое состояние бывает только во сне: все не ясно, смыто, между прочим. Работа, семья, болезни, проблемы свои и близких высасывают из нас все силы и чувства. Но нет-нет, я не оправдываюсь, и нет мне прощения!..»

Вот какую историю хотела рассказать, и вот почему так подробно описывала поступки своей подруги Полины. Но я до сих пор не верю, что она могла так поступить. Согласитесь со мной: на нее это не похоже. Так почему же так все получилось на самом деле? Есть ли вообще этому оправдание и объяснение?

г. Чебаркуль

Юрий Елизаров

Пропитан воздухом фарси

* * *

Я шёл проспектом Саади
По Душанбе в начале мая,
И открывалась впереди
Жизнь, точно линия прямая,

Где всё известно наперёд,
Как пятилетних планов сроки.
Но всё разрушил поворот
Той пресловутой перестройки.

Я шёл проспектом Саади,
Парила от жары дорога.
Я был спокоен, но в груди
Терзала сердце мне тревога.

Прощай, цветущий Душанбе,
Тебя я больше не увижу.
Но рад, что были дни в судьбе,
Когда я жил к Ширазу ближе.

Я шёл проспектом Саади,
А окна на меня газели,
Шепча друг другу: «Погляди,
Не он ли будет петь газели?»

Пропитан воздухом фарси,
Едва уйдёт за край проспекта,
Не он ли станет на Руси
Пером персидского поэта?»

Я шёл проспектом Саади
Меж чайханой и базаром,
Предвидя встречу впереди
С певцом Хафизом Эль-Азаром.

Хафиз Эль-Азар

(рассказ Хафиза Эль-Азара
о великом визире Абдул Кассиме Исмаиле)

Как за барханом движется бархан,
Так времени неспешный караван

Идёт вперёд без отдыха и сна,
В песчинки обращая времена.

К тем временам, увы, возврата нет,
Но в памяти людской оставит след,

Кто праведно и необычно жил.
Был в Персии визирем Исмаил

Абдул Кассим¹, и этот человек
Любовью к книгам славен стал навек.

¹ Абдул Кассим Исмаил — великий визирь Персии (X век) всегда находился рядом со своей библиотекой. Если он куда-то отправлялся, то библиотека

В то время как один под звон монет
Закат встречал и ожидал рассвет,

Когда другой алмазам счёт терял,
Визирь лишь книгам душу поверял.

Не расставаясь с ними ни на миг,
Имел он сто семнадцать тысяч книг,

Он видел в строках собранных томов
Плод размышлений тысячи умов,

Газели, рубаи и маснави
Хранили жизни смысл и суть любви.

Поведавший об этом, Эль-Азар
С улыбкою таинственной сказал:

«Возможно, был среди них и мой диван²...»
Коль ляжет путь визирю — караван

В четырёста верблюдов снарядят,
Навьючив книг его бесценный клад.

По алфавиту тех верблюдов в ряд
Там ставили, в народе говорят,

Чтоб книгу нужную всегда в пути
Мог без труда Абдул Кассим найти,

Чтоб прикоснуться он глазами мог
К витиеватой вязи мудрых строк.

В часы — минуты, а в века — года,
Сплетаются незримо без труда,

И сколько не веки векам тем счёт,
Шатт-эль-Араб³ назад не потечёт,

Не зацветёт вовек Деште-Кевир⁴,
И прежних царств не соберёт эмир,

Усопшие не встанут из могил,
Но жив визирь персидский — Исмаил!

«следовала» за ним. 117 тысяч книжных томов перевозились посредством четырёхсот верблюдов. Причём книги (т. е. верблюды) располагались в алфавитном порядке.

² Диван — собрание лирических стихотворений.

³ Шатт-эль-Араб — буквально «Арабский берег» — река в Ираке и Иране, образующаяся при слиянии Тигра и Евфрата.

⁴ Деште-Кевир — пустыня на Ближнем Востоке, в северной части Иранского нагорья в центре Ирана.

Без женщин жизнь невозможна

Минута молчания

По поводу трагедии в г. Кемерово,

Увы, словами горю не помочь.
Вернуть ушедших, жаль, но нам невмочь.
Беда пришла, ошеломила нас...
Молчу, а слёзы катятся из глаз.

* * *

Я уже на девятом десятке,
Не играю с судьбою я в прятки.
Нужно стать по-хорошему строгим,
Не боясь окончанья дороги.

* * *

Я тайно смотрю на предмет обожанья:
Ведь в ней ничего необычного нет.
А я ощущаю всех нервов дрожанье,
Уйдёт и — померк для меня белый свет.
Простая одежда, простая причёска...
Какой замечательный вижу портрет.
Рождается в небе рассвета полоска...
Вы мне объясните: ну, в чём здесь секрет?

* * *

Ушла... В моей душе ненастье.
Ушла, наверно, навсегда.
Пусть ей идёт навстречу счастье
Пусть обойдёт её беда.

* * *

Остановилось сердце, не помог
Массаж, укол, электроимпульс даже...
И врач сказал: «Простите я не бог,
Мне очень жаль, но сердцу не прикажешь».

* * *

Без женщин жизнь невозможна,
Как, в общем-то, и без мужчин.
Вот было б почковаться можно,
Тогда бы не было причин

Тоску любви в сердцах лелеять,
Терзаться, мучиться, страдать.
Могли б мы лишь пахать и сеять.
Вот был бы рай, не дать, не взять.
Мы б жили радостно, спокойно,
Исчезли б злоба, жадность, лень.
Не нужны бы стали войны
И нёс бы радость каждый день.

* * *

На Украине шум, гам и дым:
Найти не могут пропавший Крым.
Мы в Крым поедem и путь наш прост:
Уже построили нам Крымский мост.

* * *

Как бандеровцам хотелось наживы,
Стать великими, ну прямо, новым Римом.
А в итоге оказались еле живы,
Не в Европе, а к тому же и без Крыма.

О вреде курения

Курящему члену семьи посвящается

В нашем доме облака,
Облака от табака.
Если ты без сигареты
У тебя в глазах тоска.

В потолок пускаешь дым,
Дым тебе необходим,
И плевать тебе, что дымом
Все дышать мы не хотим.

Утром смрад до тошноты,
Уходи дышать в кусты:
Запах, будто ночевали
У тебя во рту коты.

В общем, что тут говорить,
Укrotи куренья прыть!
Если хочешь жить в квартире,
Брось немедленно курить!

г. Челябинск

Лилия Проскурякова

Всё зовёт далёкая земля

Я согласна на обмен

Зачем пою. Что мне сулят
Уже не ласковые будни.
Они настойчиво твердят,
Что жизнь уж прежде не будет.

Всё суета, рутина, тлен —
Другого больше не предложит,
Но я согласна на обмен,
Когда года на два умножит,
Потом отнимет целый век,
Разделит пополам остаток...
И вот — я новый человек,
А не зависимый придаток..
Вновь в голове поток идей
И время есть на их внедрение.
Живу среди творческих людей...
Так далеко ещё взросление.

Не хочется покоя

Мне вновь не хочется покоя.
Опять спешу в людской поток.
В его неровном дружном строе
Я силы чувствую приток.

И снова молодость вернулась:
Так ярок этот сильный зов...
От сна вдруг долгого проснулась
И вечный мир высок и нов.

Гены предков

Хочу к тебе притронуться порою,
Прикоснуться через вёрсты дней.
Как давно я стала городскою,
Но деревня манит всё сильнее!
Видно, гены предков разбудили
Чувства нежные к родимой стороне
И с годами крепко убедили,
Что живу как парус на волне.
Нет ни в чём душе моей покоя —
Всё зовёт далёкая земля.
Лишь глаза чуть-чуть прикрою,
Снова вижу Родины поля.
Родилась ведь я в деревне,
Корни предков тянут всё сильнеей.
А маяк земли той древней
Ярче светит с тех далёких дней...

г. Муасс

Маргарита Кононенко

Аистник Стефана

Часто всплывают картинки из юности, вот и сейчас, разбирая свои архивы, наткнулась на очерк, который написала очень давно, по своим воспоминаниям из далёкого советского прошлого. 1976 год... XX век.

Может, это будет кому-то неинтересного», — подумала: столько времени ушло безвозвратно, и место, и события никогда уже не повторятся, а значит это уже история. История страны, которой больше нет. Есть уже иная, Содружество Независимых Государств, но тогда мы были вместе. В те далёкие семидесятые, у нас и мысли не было, что всё это будет в первый и в последний раз... В классе девятом, во время летних каникул, подруга предложила устроиться с ней на летний период в цех «Природа и школа». Он находился на окраине посёлка 12 км, люди называли, в шутку, его мордовским посёлком, хотя население было многонациональное: рядом жили русские, татары, таджики и мордва, семей десять мордвы, из пятидесяти домов посёлка.

Люди жили дружно, всегда приходили друг другу на помощь и в горе, и в беде были вместе. Уважали национальные традиции своих соседей и с удовольствием принимали участие в национальных праздниках своего посёлка.

Вот и в этом цехе, бок о бок трудились все: трудолюбивые таджички, русские веселушки-хохотушки, то есть мы. Основная деятельность цеха состояла в том, что необходимо было заготовить коллекции гербариев разных растений и насекомых, обитающих на территории Таджикистана.

Все коллекции начинались с сбора сырья. Работали бригадами по пять-шесть человек, по разным участкам. Цех представлял собой огромную, с железной крышей ферму: закрытую железными стенами, от палящего солнцем конструкцию, хорошо проветриваемую. В нём хранились квадратные, деревянные штабеля контейнеров, готового к отправке сырца

растений. При входе в цех, окутывает запахом сухого разнотравья и бумажных матрацев, которые прогревались от горячего азиатского воздуха, издавая свой специфичный, бумажный запах. Здесь шла сортировка по сортам, названиям, составлялась отчётная документация. В кирпичном здании, находящимся рядом с летним цехом, проводились работы по заготовке насекомых: прусаков (кузнечиков) от первого до четвёртого возраста, гусениц шелкопряда. Последних предварительно очищали от внутренностей, надували, пропекали над спиртовкой, укладывали на ватные матрастики. Весь этот растительный и насекомоядный товар отправлялся в НИИ Москвы.

Сбор сырья проходил на опытных плантациях, близлежащих полей, под палящим азиатским солнцем. Образцы растений должны быть без росы, сухими: собирали кукурузные рыльца, соцветия хлопка, коконы шелкопряда. За некоторыми из растений, например аистником Стефана, приходилось отправляться в экологически чистые, горные районы. Для этой цели организовывались двух-трёхдневные экспедиции. Мне посчастливилось поучаствовать в двух биологических экспедициях.

За аистником Стефана мы отправились в Рамитский заповедник. Наша команда состояла из шести человек, включая водителя грузовика (это была крытая брезентом машина) и его помощника, на экстренный случай. Отъезжали от цеха ранним утром, запасов провизии, воды питьевой (в горах вода солёная) должно хватить было на два дня, добраться до места назначения надо было засветло.

Ночи в Таджикистане тёмные, горные дороги опасные. Нам всё это казалось, невероятно весёлым приключением, ещё бы! Пришлось отпрашиваться у родителей: провести ночь в горах, не всем разрешали, но мы заверили, что будем предельно осторожными в горах и вернёмся целыми, невредимыми. Горы не прощают ошибок, это стало понятно, как только закончилась черта города и наша машина выехала на грунтовую, каменистую, горную дорогу, с односторонним движением. Дорога прилегает прямо к горам, рядом с дорогой горная, с ледниковой водой, бурная река. Риск сорваться с дороги в реку у очевидный, всю поездку переживали.

С диким страхом и восторгом, мы озирались вокруг из кузова машины: красота гор впечатляла своей скалистой громадой, скудной растительностью, за которой архары забирались на такие вершины, что мы боялись за них, что они свалятся прямо к нам, в машину. Больше всего мы боялись встречных машин: разъехаться с нашими габаритами машины было весьма сложно и рискованно. Мы с замиранием сердца, молились, чтобы встречи нам не попадались вовсе, разъехаться можно было, но сильно прижавшись к скалам, кому то приходилось рисковать, проезжая по окраине дороги, свисающей над бурлящим речным потоком.

По пути встречались небольшие полянки, на которых обычно располагались хижины местных жителей, а чем дальше в горы, полянки с артелями пчеловодов-любителей. К такой пасечной артели подъехали и мы, в конце пути. Это было удобно и безопасно, всё-таки, не одни в горах!

Правда, водитель смог остановить машину только под уклоном к реке, места для разворота было маловато, чтобы машина не скатилась в реку, под колёса подложили огромные валуны камней. Дружелюбные пасечники были рады гостям, пригласили нас на обед, мы тоже разделили с ними трапезу, накрыв общий дастархан (скатерть на земле с угощениями) Немного отдохнув с дороги, мы приступили к сбору растения.

Аистник его назвали так, из-за того, что спелые плоды этого цветочка похожи на клюв аиста. Нам нужно было выполнить план по сбору этого растения. Всё наше Советское государство жило по планам! Вскоре, мы разбрелись по поляне, забираясь вверх по отлогим горным вершинам, наблюдая друг за другом, одновременно. Змеи, каракурты, скорпионы водились в горах в большем количестве, чем в долинах, нужно быть внимательными, стараться не наступить, обходить живность. Драпать тоже, не возбранялось, мы же девчонки, сразу писк: «Мамочка!».

Ближе к вечеру, когда сборы сырья закончились, мы спустились в наше стойбище, тут предстояла работа по сортировке, укладыванию аистника Стефана на матрастики бумажные, далее, мы всё это укладывали в контейнеры и чтобы всё это зафиксировать, каждый контейнер замыкали железной цепью, чтобы не рассыпался! Стемнело, нас позвали наши дежурные к пасечникам на ужин: вместе веселее ужинать! В горах, у реки ночами прохладно. Погреться у костра, послушать песни под гитару, байки, анекдоты, одно удовольствие! Усталости не было, свежий горный воздух бодрит, а пчелиный свежий мёд, прямо из сот, добавлял отличного настроения.

Перед ночлегом, нас предупредили, что лагерь будет охраняться вооружёнными охранниками, на случай, если медведи пожалуют, там они тоже водились. Мы с девушками забрались в спальные мешки, решили спать в кузове машины. Разглядывая красивое, звёздное небо, долго прислушивались к гулу. Горы, остывая от дневной жары, оказывается, издают гул,

так нам говорили пасечники. Под шум бурлящего потока реки, уснули. На следующее утро, после завтрака, дождавшись спадения росы с растений, мы продолжили свою работу.

К обеду, мы свой план по заготовке аистника Стефана выполнили. Сборы были радостными, первые впечатления, эйфории от гор, прошли. Остаться здесь, уже не хотелось. Страшновато, всё-таки жить в горах: камнепады, селевые потоки, дикий животный мир, пугали! Чтобы жить тут среди гор, нужно быть поклонником экстрима, наверное, мы же тут, только в командировке. Собрав весь свой командировочный скарб, мы дружно попрощались с гостеприимными, весёлыми пасечниками, которые подарили нам по баночке горного мёда: таков обычай, провожать гостей с подарками. Поблагодарив своих друзей, мы отправились на машине обратно, в свой родной посёлок. По дороге мы узнали от водителя, что испытания горной местностью мы прошли отлично и через неделю пообещал взять нашу бригаду девчат в другую, горную командировку, в Дангару. Мы там должны будем собирать кузнечиков, сачками, здорово! Командировка состоялась, но это уже другая история.

Р. С.: После развала СССР, мы вынуждены были во время гражданской войны в Таджикистане, в начале 1990-х уехать на пмж, в Россию. По средствам массовой информации, Рамитский заповедник, превратился в зону боевых действий. Там шли бои местного значения, с боевиками из Афганистана. Войска таджикской армии отстояли рубежи нашей Родины. Процветания тебе, горный Таджикистан!

Увельский район

Наталья Паршукова

Уголовное дело

Реальные события двухтысячных годов

повесть

Начало

Стук в дверь и крик. Кричит женщина: «Убивают». Вскрываю с постели, натягиваю джинсы. Открываю дверь: «Сына твоего убивают под окнами», — говорит Екатерина. Скидываю рывком ночную сорочку, смотрю в кухонное окно, надевая олимпийку. Сына уже сбивают с ног двое в спортивных костюмах и бейсболках. Народ проходит мимо, детей в садик ведут. Наша машина на месте, бросаю взгляд. Одеваю кроссовки, и смотрю на топор. Мысли всякие тревожат, стук сердца, кровь пульсирует в висках. Слова моего командира Ежова в сознании моем всплывают: «Искалечить и убить всегда быстро и просто, а вот сложнее наказать, и это сделать, вовремя нужно, подать и когда наказание уже никто не ждет, не мстить, а именно наказать». Закрываю дверь, ключ в карман, выбегаю из подъезда, огибаю угол дома и бегу к сыну. Петр уже лежит на земле, падаю на него, закрываю его своим телом. Дышит, лицо в крови и распухло. Приподнимаю осторожно и слышу тихое, тихое «Мам». — «Все хорошо, сынок», — шепчу ему.

Лежим, запах травы измятой, истоптанной, как после сенокоса, птички чирикают, запах цветущих деревьев, шестое июня, солнечно, восемь часов утра. Резкая боль в правой руке, чей то кроссовок стоит на ней, и давит на пальчики. Кричу: «Скорую», полицию». Вскрываю, резко поднимаю сына. Ташу его на себе, хорошо живем на первом этаже. Бледного, с разбитым лицом, скрюченного от боли. Эти двое топтали его ногами. Оставляю одного Петра дома, и бегу к нашей машине. Эти уроды крутятся возле нее, пытаются открыть. Что то кричу, уже начинают кричать соседи и прохожие. Убежали эти двое уродов. Дозвонилась куда не помню, до скорой или полиции. Приехала скорая, опергруппа и полиция. Сына Петра увезла «скорая». Стою возле нашей машины в полной растерянности, слезы ручьем, на душе тревога, пустота в голове, какой то вакуум.

* * *

28 июня через год после всех событий, пришло письмо из следственного отдела по г. Бийску от Абрамовской Амелии Степановны, что дело по избиению, ограблению Пашина Петра Семеновича возобновлено по вновь открывшимся обстоятельствам. 06 июня прошлого года не только избили Петра, но и ограбили, признали потерпевшим. Украдено было: права, ключи от нашего авто, техпаспорт, брелок сигнализации, банковские карточки, клубные скидочные карты, смартфон, стоимостью 28 000 руб. и простенький сотовый, деньги на продукты. только ключи от квартиры остались. Ключи от квартиры — это самое главное. Следователь ПО «Советский» по г. Бийску Никова Т. К. изначально все сделала как-то наи-

знанку, с заявленными свидетелями работу не провела, главные улики не собраны, мед. экспертизу не назначила, и события 01 июня, 06 июня, 09 июня, 24 июня, 28 июня не связала воедино. Все талдычила про полиграф. Полиграф это не есть по закону доказательство, а только указывает на несостоятельность следователя в уголовном деле. Сухой язык законов, кодексов, а наша жизнь людей, которые привыкли работать, своими руками производить ценности, возделывать землю, растить и печь хлеб, сады разводить, строить дома. Шаг какой то не так сделаешь, или случайность, или слово не то, а то и документ не тот и ни туда. И вот жизнь как в уголовном деле начинается, контролировать нужно все самому, а иначе еще и срок заработаешь. Опера, что стали заниматься мероприятиями по уголовному делу, где Пашин П. С. признан потерпевшим, Рештов И. Р., Анатольев Т. В. заявили мне, Пашиной Н. Е., с насмешкой: «Заплатили бы деньги за разбитую машину, и не случилось всего, что случилось. Да и нам: операм и следователю не было бы головной боли и проблем».

Продолжение следует

г. Челябинск

Николай Банных

Сашкино счастье

Глава 3

Долгий путь проделал железнодорожный состав, в котором находился Ловчиков с новобранцами. Вначале никто из них не догадывался, где будет проходить их военная служба. Только постепенно приближаясь к месту назначения, все поняли, что служить им придется в Группе советских войск в Германии. Сашку сразу направили в учебную часть, где он проходил курсы водителя топливозаправщика. Тяжелы эти первые недели службы, тем более чужая страна, чужая природа. Поначалу каждый вечер такие изнурительные многократные команды «отбой», «подъём». Но больше всего его угнетало и мучило его душу, что он в течение двух лет может не увидеть любимую. Когда звучала окончательная команда «отбой», Сашка долго не мог заснуть. Вновь и вновь в его памяти всплывал последний их вечер, и когда в его сознании, словно далёкое эхо, слышался голос Людмилы о признании в любви, его сердце замирало в неописуемом восторге, и лишь после этого он засыпал.

Как только появлялись свободные минуты, Сашка писал письма любимой. Иногда ему казалось, что он нескладно изложил свои мысли, тогда он рвал исписанные листы и начинал писать снова. В первые недели службы он отправлял письма почти каждый день и очень переживал, что Людмила пишет не так часто как бы ему хотелось. После окончания учебы Ловчиков был направлен в автобатальон танковой дивизии, где продолжил службу водителем топливозаправщика на базе автомобиля ЗИЛ-131. Здесь у него появились друзья. Были они одного призыва — это Володька Андреев из Уфы, а также Саня Кочетков и Явдат Гимальдинов из Магнитогорска. Явдата все называли Яшей. Это был балагур и весельчак. Андреев был уже женат и у него был ребенок. Саня Кочетков самый низкорослый из всех, но, однако, он был всеобщим любимцем. Над ним часто подтрунивали, но никогда не обижали. Шли дни, недели, месяцы. После года службы Андрееву предоставили кратковременный отпуск. Вскоре отправился домой и Кочетков. Ловчиков переживал, что ему не удастся посетить родные места и увидеть любимую девушку. Володька Андреев ёрничал над ним: «Надо было жениться перед армией и завести ребенка, тогда бы и отпуск тебе был обеспечен». Яша со свойственной ему улыбкой возражал: «Дольше не увидят, больше любить будут».

Второй год службы показался более скоротечным. Однако последний месяц перед демобилизацией показался Ловчикову мучительно долгим. Но, наконец, наступил и долгожданный «дембель». Володька Андреев уехал одним из первых. Сашка, Кочетков и Гимальдинов демобилизовались в один день. До Челябинска добирались все вместе. В областном центре их дороги расходились. Магнитогорцам надо было ехать автобусом, а Сашке — электричкой. На прощание все обнялись, в глазах у каждого появились слезинки.

Сашка всё время следования в родной Заречный в первую очередь представлял свою встречу с Людмилой, как же все это произойдёт. Как изменилась его любимая за эти два года. То, что эта его встреча будет верхом его счастья, он не сомневался ни на минуту.

В Заречный Ловчиков прибыл в начале декабря. Сельская библиотека была на пути

* Продолжение. Начало: Графоман № 1, 2 — 2018.

к его дому, и, конечно, он не мог пройти мимо. Он почти вбежал в помещение, но его ожидало разочарование. Бычкова находилась на семинаре в Челябинске и должна вернуться лишь на следующий день. Поникший он пошёл домой. Перед калиткой поправил шинель и ремень. Как только он открыл дверь, мать, увидев его, вскрикнула и со слезами бросилась обнимать сына. Он успокаивал её: «Мама, всё хорошо, я отслужил». Ловчиков старший степенно подошёл к нему, обнял и коротко сказал: «Возмужал, солдат». Мать засуетилась: «Батюшки, сыночек, ты, наверно голоден? А тебя и покормить-то нечем!» Отец, молча, подошёл к холодильнику, открыл его, и, улыбаясь, проговорил: «А это что?» К встрече сына они готовились, и холодильник был полон продуктов. Но Сашке есть не хотелось. Все его мысли были о Людмиле. Вскоре в дом пришли друзья, с которыми Сашка работал в совхозе: Сергей Потапов и Виктор Кузнецов. Солдата бросились обнимать. Отец достал из холодильника бутылку водки: «За прибытие демобилизованного грех не выпить», — проговорил он, наливая каждому по стопке. Мать поморщилась, но препятствовать не стала. Пришедшие к Ловчиковым были постарше Сашки. Сергей уже был женат. После распития спиртного языки у них развязались, и они наперебой рассказывали другу о жизни в Заречном. Сашке показалось, что Кузнецов при разговоре как-то с хитринкой в глазах поглядывает на него. Потом вдруг предложил: «Пойдем, солдат, покурим». Сашка ответил, что не курит. «Да выйди за компанию», — настаивал Витька. Молодые люди втроём вышли во двор. Кузнецов, закутив, начал разговор: «Знаешь, Сашёк, я как друг должен тебе сообщить, наверно, неприятную весть». Потапов попытался его остановить: «Витёк, кончай это!» Но Кузнецов, не обращая на него внимания, продолжал: «Помнишь Валерку Гончарова? Он сейчас студент политехнического. Так вот он каждый раз, приезжая в Заречный, приходит в библиотеку и провожает твою Людмилу. Я не мог умолчать об этом факте. Кстати, и сегодня утром я его видел, почему-то студент приехал домой». В продолжение Витькиного монолога лицо Ловчикова постепенно наливалось краснотой, движения стали суетливыми и нервными. Он вдруг резко прервал Виктора, заявив друзьям: «Ребята, давайте по домам, я устал с дороги, хочу отдохнуть. Встретимся позднее».

Когда Сашка зашёл в дом, Надежда Михайловна заметила изменение в настроении сына: «Саша, что случилось? На тебе же лица нет». «Устал я с дороги, мама, хочу отдохнуть», — и, не снимая одежды, упал на диван, отвернувшись к стене. Родители, не желая тревожить его, ушли в другую комнату.

В Сашкиной голове, к тому же затуманенной спиртным, рисовались неприятные для него картины: объятия Гончарова с его Людмилой. Он вспомнил, как ещё в школе, Валерка, который был на год старше его, поглядывал на смазливую Бычкову. И почему-то Людмила реже писала ему в последние месяцы. «Я сегодня же попытаюсь разобраться во всём, тем более, что Гончаров в Заречном», — размышлял он.

Вечером, несмотря на уговоры родителей провести этот вечер с ними, он решительно собрался идти в клуб. По дороге зашёл к Кузнецовым. Виктор с радостью встретил его, попросив родителей накрыть на стол. На столе появились закуски и бутылка водки. Сашка вначале в категоричной форме отказывался от спиртного. Затем, вдруг в каком-то отчаянии, выпил стакан водки. После чего быстро, по-солдатски, встал и обратился к Виктору: «Идём в клуб!»

Около сельского дома культуры курили несколько человек, среди них оказался и Гончаров. Увидев Ловчикова, все подошли к нему, каждый поздравляя его с прибытием, крепко пожимал руку. Валерка тоже протянул руку, проговаривая: «Ну что, солдат, оттянул ляжку! Говорят, в Германии служил?» Сашка, не подавая руки, резко ответил: «Я то служил далеко отсюда, это ты, говорят, студент, ошиваешься в Заречном, по библиотекам ходишь. Не хватает книг в институте?» Гончаров, в ответ тоже сверкнув глазами, прокричал: «Это моё дело, куда ходить, и не какой-то солдатне мне указывать». После этих слов Ловчиков не выдержал и ударил Валерку в плечо. Тот, поскользнувшись, упал, но быстро вскочив, нанёс Сашке удар в лицо. Началась драка. Стоявшие около клуба молодые люди и Кузнецов пытались растащить дерущихся, но тщетно. У Гончарова был разбит нос, потекла кровь. И тут Ловчиков услышал до боли родной голос. Это был отчаянный крик. И, конечно, Сашка узнал бы его среди тысячи. К дому культуры бежала Людмила. Подбежав к парням, она с болью и дрожью в голосе кричала: «Саша, что ты делаешь? Зачем всё это? Ты же покалечишь его!» Сашка, не остывший от драки, и разгоряченный спиртным, в ответ закричал: «Я всё понял, тебе жалко его! Конечно, тебе нужен студент, будущий инженер, а не солдатня, шоферюга. Я так стремился к тебе, одна ты была в моей душе, а ты выбрала другого!» Людмила, заплакав, только повторяла: «Саша, какой ты дурачок, какой ты дурачок!»

«Да, я дурак, — кричал Сашка, — а твой студент — умный. Ну и оставайся с ним». Ловчиков пошагал домой. Кузнецов, догнав его, засеменил рядом. «Сашек, ты зря так-то». Придя домой, Сашка, не разговаривая с родителями, лёг спать.

Продолжение следует.

с. Еткуль

63

Графман № 3(35)-2018

Татьяна Николаева

То, что потеряла и давно забыла

Апрель

Кап! Кап! Кап! Стучит капель
Мне в окно на подоконник.
За окном стоит апрель,
Он давно весны поклонник.

«Посмотри! Я здесь стою!» —
Светит зеркальцем из лужи —
«Все равно тебя люблю,
Хоть болел, слегка простужен».

А весна домой ушла,
Затворила плотно двери.
Лишь во снах, пока цвела,
И в любовь его не верит.

Ах, апрель! Вот ловелас!
Каждый раз одно и то же.
Пропадёт на год сейчас,
Для весны он лишь прохожий.

Искушение

Как много женщин осчастливил
Своей поэзией, наверно.
И мне приятно было очень —
Ведь это так закономерно.

Приятно, что назвал богиней,
Которая сошла с небес.
Позвал в пучину искушений
С сетями, что расставил бес.

Еще немного и сорвусь я,
И брошусь в омут всех страстей.
И я прошу, молясь, у Бога,
Чтоб спас меня он от чертей.

А чёрт сидит и нежно шепчет:
«Отдай мне душу, плоть свою.
А Бога ты совсем не слушай,
Тебя я страстью напою».

И вот стою я у обрыва,

От страха сердце замирает.
Кого же выбрать? Подскажи мне!
Моя душа, увы, не знает!

Она вдруг к солнцу полетит.
На землю, вниз, опять вернётся.
А разум ей тогда твердит:
«Душа о солнце обожжётся!»

И вот тогда, послушав разум,
Душе сказала: «Всё! Довольно!
Концы я обрубаю разом!»
И становлюсь уже невольно
палачом...

Осень

Разметала осень листья по земле,
Серые гирлянды тонкой паутины.
Собрала в лукошко и отдала мне
Красных, спелых ягод с веточек рябины.

А ещё в придачу мне дождей налила,
Забрала у солнца лучик золотой.
Им тревоги в сердце, слёзы осушила,
Наполняя душу сказкой и мечтой.

Ах ты осень, осень! Что ты натворила!?
Разбудила в сердце давние мечты.
То, что потеряла и давно забыла,
В нём опять, как прежде, зацвели цветы.

Соберу букеты и отдам любимым,
Вспоминая лето тех далёких дней.
Поделюсь той сказкой,
что с концом счастливым,
И вернусь из лета к осени своей.

Плач скрипки

Вы слышали, как плачет скрипка?
Уносит в мир волшебных звуков
Так чувственно и нежно, зыбко,
И мы не слышим сердца стуков.

Смычок рисует нам картины
И с каждой нотой душу ранит.
Все образы нежны, невинны,
Их красота к себе нас манит.

Поверь! Я помню взгляд твой милый,
Твой звонкий смех, уста в улыбке.
И я, влюбленный и счастливый,
Бегу к тебе на голос скрипки.

И скрипка вновь из-под сознания
Мне сердце, сжав потоком чувств,
Достала там воспоминанья,
Где мне, казалось, мир был пуст.

О скрипка! Брось! Прошу, не надо!
Хоть слуху милы струн касанья,
Но тяжела любви награда,
Что ты несёшь в воспоминаньях.

Но рисовать всё ж продолжает
Смычок — эх, плут неугомонный!
Всё ярче пламя разжигает,
И Льётся плач души влюблённой.

г. Коркино

Галина Афимова

Велю себе — пиши стихи

Кемеровская беда

Росли цветы — теперь их нет:
Пламя сорвало,
Время украло
В невидимый свет.

Тем, кто остался, дальше жить:
Срезаны крылья!
Солнце даст силы
Любовь хоронить.

Беспечный люд огня не ждет:
Вред от хаоса,
Смерть от казуса
Холодная — жжёт!

* * *

Болезнь даётся испытаньем?
Ликует вирусом простуда:
Цветочки, ёжики в сознание,
Покоя нет в душе, покуда

Ищу я выход для комфорта:
Борюсь, лечусь, терплю — прижата,
Внутри себя не слышу форте,
Ослабла телом рановато.

В помощники приходит ангел
И намекает на молитву:
Я слушаюсь — я ниже рангом,
Крестом веду с болезнью битву.

Дня через три здорова буду,
Они пойдут со смыслом новым,
Я верю духу, даже чуду,
Ценю божественное слово!

* * *

Светятся — лучатся
Разными цветами,
Перья синей птицы
Падают меж нами.

Можно любоваться
Творчеством, по сути,
Можно вдохновляться,
Если жизнь не скрутит.

Сколько слов красивых
Упадёт на сердце,
Прорастут там нивы,
Вспомнятся посмертно!

Благость вся от слова,
От пера той птицы:
Чувства за основу,
Смыслы на страницы.

* * *

Застоялась весна междометьем:
Нет развития в корне,
Неужели снегами до лета?
Не должно быть так в норме.

Вот и травка никак не проклюнет:
Неуютно на холод,
Изменился мир добрый, подлунный:
Замешали злой солод.

Ну, а сердце все радости просит:
подавай впечатлений!
Или снег закружил очень злостный —
Не подняться с коленей.

Обстановка, так скажем, не очень,
Есть серьёзная даже погрешность:
Опоздала весна, между прочим,
Не к лицу ей осенняя внешность!

Проснулась я с хорошим чувством

Светла небесная лазурь,
Природа милостью невинна:
Вчера предвестник страшных бурь,
Сегодня — тихая картина.

Вот так и в чувствах круговерть:
Улыбки, радость, тяжесть горя.
Избавь нечаянную смерть
К нам приходить в лихом терроре!

Гонцом любви — великий свет,
Открыто солнышко сияет.
Сегодня чист его портрет,
Мне луч заманчиво кивает.

Пусть очень добрым будет день,
И я в нём доброю хозяйкой,
Уйдёт из сердца скука, лень,
Душа взлетит свободно чайкой!

* * *

Туманом плавают надежды:
Давно всё лучшее ушло,
И кожа старою одеждой,
Года — под семьдесят число.

Младым кажусь седой старушкой,
Крутой обочиной плетусь,
Реально — ниточкой сквозь ушко
Душою всё куда-то рвусь.

Мой возраст — грешно эпохальный,
А может, я и не права.
Жить тривиально — аномально:
Засели в голову слова.

И вот лечу в мечтах в астралы,
К высотам страшно неземным,
Жалею — дел свершила мало:
Мой мир в объятьях новизны!

Живое одиночество

С кем поделиться одиночеством живым,
А может, правда ты кому-то нужен?
Покажется, что дар такой не выполним,
В других примерах в вечный лёд погружен.

Лишь безответная любовь царит одна,
Но с нею горше, и нет успокоенья,
И нет с ней радости — воздушная стена,
И чувство давит — вечное сомненье.

Грусть не хочу делить — жаль воздуха разлук,
Он только мой — любовь и жизнь творящий,
Велю себе — пиши стихи и всех волнуй,
Лови в них смысл, с душою, — настоящий.

Его дарю родным, знакомым и друзьям,
А может, правда — кто-нибудь услышит?
Дар одиночества быть может и изъян,
Но как понять? А если жизнь в нём дышит?

* * *

Себе я счастье рисовала
Оранжевым цветком,
Светилась счастьем слишком мало:
Тянуло холодком.

Судьба — экзотика сплошная,
Идёт навстречу с ним,
Все краски прошлого стирая
Намереньем благим!

Даёт мне духом возродиться:
Я вспомнила цветок!
Рисую синюю я птицу
И радуги виток!

г. Копейск

Евгений Хамович

Опять стучит тоска в окно

* * *

Опять стучит тоска в окно
Судьбы моей печальной,
Как будто не была давно
И вновь вошла случайно.

Опять зима, опять метель
В душе моей кипучей.
Когда ж придет ко мне апрель,
Разгонит снег скрипучий?

Опять лежит на сердце боль
Несбывшихся мечтаний.
И гложет душу мою моль
Прошедшими годами.

И в небесах, и на земле
Бегут года безмерно.
То сам Господь навстречу мне
Уже спешит, наверно.

Простит ли Он за все грехи,
Допущенные мною?
За непонятные стихи
Для слабых головою?

Демидову Анатолию

Зачем судьба мне принесла
Страданья в душу, в сердце боли?
Зачем из жизни забрала
Дружка родного — друга Толю?

Зачем сводила нам пути
Годами юности и детства.
И развела, как ни крути,
В края, где не было соседства.

Зачем же в зрелости большой
Ты приносила редко встречи?
Зачем и телом и душой
Ты забрала его навечно?

Одним лишь телом, не душой
Его не стало вместе с нами.
А дружбы крепкой и большой
В нас сохраняет вечно память.

Скорбят и помнят о тебе
Родные, дети и супруга.
В не меньшей мере с ними те,
Кто был тебе по жизни другом.

Сделай предложение

Снова школа пред глазами,
Снова я в нее иду.
Знаю, ждет меня экзамен,
На котором пропаду.

Школу я давно закончил,
Мне уже за двадцать пять.
Просто мне с голубкой очень
Хочется поворковать.

Ворковать на чисто русском,
На родимом языке
О приятном, не о грустном
Самом близком далеке.

Жизнь нелегкие вопросы
Предо мной поставила,
В сторону науку бросив,
Вновь учу я правила.

Падежи, приставки, корни,
Суффиксы, наречия.
Для моей голубки Тани
Жизненные, вечные.

Вот встречаю на пороге
Таню с выражением.
На лице одни предлоги,
Нету предложения.

То предлог, что нету время,
То делами занята,
Семинары в отдаленьи,
Ну сплошная маята.

А ведь нужно мне немного
Ласки, уважения.
Напрочь исключив предлоги,
Сделать предложение.

Прогуляться под луною
От заката до зари,
И не с кем-нибудь, со мною,
А потом все хоть сгори.

Таня, милый мой малыш,
В душе моей волнение.
Убери предлоги, слышь,
Ну сделай предложение.

И поймешь при всем при этом
Для меня не грустный
В школе важный из предметов
Твой предмет, наш Русский.

Ёкнуло сердечко

Увидала Коленьку совершенно голеньким
На лугу у речки, ёкнуло сердечко.
Коленькин простыл уж след, а оно все ёкает,
Разрывается в груди, тянет прямо к заводи.
Я у заводи лежу, на тропиночку гляжу:
Не идет ли Коленька, а лежу я голенькой.
Залегла с намёками — может быть и у него
Что-нибудь заёкает?

Пролежала целый день, а ему, похоже, лень
Вновь идти до речки, где ёкает сердечко.
Не дождавшись мужичка, я увидела бычка
На пути просёлочном, а за ним шли тёлочки.
По дорожке топали, видимо, у них сердца
тоже ёкали.
Только тут я поняла, что сердечные дела —
Зло не только для людей, и для птиц,
и для зверей.

Всем, чьё видит око, всем, кто может ёкать.
Сколь ни бегай, ни крутись, всё равно
нам наша жизнь
Правдой иль намёками достаётся ёками.

Сестрице Зине

Пути житейские сложны,
Трудны, ни в чем неповторимы.
И потому-то так важны
Дела, тобою в них творимы.

За этот пролетевший срок,
Что стал сегодня юбилейным,
Любой из нас увидеть смог
И чувств, и дел твоих творенье.

Ты, чтобы счастье отковать,
На все пойти была готова.
И перед тем, как мамой стать,
Ты стала просто Кузнецова.
Как в кузне жизнь твоя течет,
Порой в зубах оскомина.
И снова в юность так влечет,
Где ты была Истомина.

И пусть не суждено судьбе
Года хоть чуть направить вспять,
Те, что прошли, внесли тебе
Святое званье, званье — мать.
Гордись сим званьем и живи
На радость и родным, и близким
В согласьи, дружбе и любви.
Прими от нас поклончик низкий.

И пусть господь благословит
Продлить твой век на сколько хочешь,
А твой всегда веселый вид
Ласкает близких и всех прочих.
К тебе с особым уваженьем
На юбилей, сестрица Зина,
Зашли и мы — твой брат Евгений,
Да и сестреночка Галина

Мы прибыли из Томина
В нас кровь течет Истоминых.

Ты прими меня, родная

Ты прими меня, родная,
Ты прими таким, как есть,
Я пришёл с такого края,
Что ни спать, ли пить, ни есть

Десять лет мне не давали,
И не летом, не зимой,

Вот я снова на Урале,
Пригласи меня домой.

Я ж немывтый три недели,
Весь коростами оброс,
Вши живьем меня заели,
И понос, понос, понос.

В легких скрип, как от телеги,
Пелена глаза закрыла,
Дорогая моя леди,
Ты страшней не знала рыла.

Нет во мне уж прежних граций,
И в костях стоит ломота,
Ну, а мне, как и в шестнадцать,
Все охота и охота.

Позвоночник изогнулся,
Он уже непоправим.
Знаю, что не приглянулся,
Все ж прими меня, прими.

* * *

Был и я молодой
И печали не знал,
И, как конь вороной,
По дороге скакал,

Что по жизни вела
И в беде и в войне,
А теперь вот скала
На пути стала мне.

Как пробить мне её,
Чтоб продолжить свой путь,
Как мне детство своё
Да и юность вернуть?

Года, что съела Колыма
Вприкуску с Качканаром,
Что смыла черная волна
Из жизни по солдатским нарам.

г. Челябинск

Михаил Рудковский

Миниатюры

Сон

Он вдруг с пугающей откровенностью понял, всё то что пряталось в глубоких тайниках его души неожиданно стало расти, рваться наружу, угрожая разрушить всю архитектуру, построенную из разума и логики. Сознание расписалось в бессилии перед энергией чувства, вырвавшегося из оков морали и приличия. Пронзительная ясность ещё вчерашнего хаоса неожиданно так осветила его жизнь, что он едва мог дышать. Мощная сила, словно познавшая его самую главную суть, рванулась ввысь, в космос и понесла в бесконечность, взрывая реальность. Сомнения растаяли, испарились, улетучились. С неотвратимой решительностью пришла ясность, что сердце больше не выдержит, остановится, если не дать выхода той стра-

сти, которая бурлила, бушевала внутри, рвала на части полотно жизни. Уговаривать самого себя уже не было сил. Вся тяжесть скрытого огня в одночасье превратила его в великана. Больше для него не было невозможного. Всё четко, доступно и понятно. Не надо хитрить, ждать, и скрывать. Из пленника он превратился в хозяина.

Мощные волны прибора уже бессмысленно не бились в бетонный парапет, а плавно и мягко набежали на песчаный берег. Он думал и, казалось, чувствовал, что всё так и есть. Но второе Я не дремало. Еле выжив среди чувственного тайфуна, вынырнув из-под обломков рассудка, зацепившись за обрывок какой-то правильной мысли, оно успело шепнуть, напомнить, что он homo sapiens. Для того ему и дан разум, что бы им пользоваться, а не пасовать перед ураганом, с которым собирался улететь в тартарары. Мозг успел уловить и понять смысл сказанного. Мир на мгновение замер. Думать и подчиняться? Опять захлопнуть створки раковины и отдать себя на растерзание сомнений, взойти на дыбу невысказанного. Всё его существо воспротивилось, возмутилось и не согласилось. Познав сладость и восхищение от душевного полёта, он уже не мог безропотно сидеть на привези допустимости?

— Ну, зачем так? Если полетел, так не раздумывай, лети, только надо знать, куда и где твой причал. Иначе сил может не хватить, огонь погаснет.

— Согласен! А если глухая стена и категоричное «нет»?

— Прыгнувший с утёса в воду человек в полёте не думает, какая там глубина.

Мысли внутреннего монолога мелькнув зигзагом молнии лишь на мгновение облегчили душу, оставив вспыхнувшие вопросы без ответа. Затихающий смерч стал вновь набирать обороты и всасывать его в свою воронку неконтролируемых чувств и поступков. Сейчас или никогда! Душа трепетала и требовала решения. Острые шипы и отточенные лезвия риска одаривали почти физически ощутимой болью. Словно мазохист он наслаждался ею, ещё не понимая, что встал на край пропасти, возврата из которой нет. Бездна неудержимо влекла. Он набрал в грудь воздуха, шагнул и ...проснулся. Отбросив мокрую от пота подушку, Ярослав вскочил как ужаленный и через мгновение облегчённо вздохнул.

— Фу, надо же такому присниться. Всё, хватит! Сегодня же сделаю предложение. Будь, что будет!

Гимн профессии

Это необычный зал. Чтобы сюда попасть, нужен допуск, как на режимный объект. С утра перед работой, здесь идеальная чистота кафеля, отшлифованного напряжённо-испуганными взглядами побывавших здесь пациентов. Эти стены многое повидали за свою жизнь. Триумф разума и искусства, страха и отчаяния, победы и поражения. Минимум мебели, вернее всего один предмет — в центре стол, легко превращающийся в ложе распятого на нём пациента в позе Иисуса Христа. Над ним не то рука гигантского монстра — робота, не то тарелка НЛО в виде огромный бестеновой лампы. У стенки наркозный аппарат, мечтающий погрузить очередного страдальца в лечебный наркотический сон, то есть избавить его от мучительной боли. Сюда приходят чародеи в масках, с просветлением в душе, стерильными руками и тревогой в сердце. За порогом остаются друзья, семья — весь суматошный мир с его проблемами и вопросами, который ещё час назад заполнял думы и сознание творца, пришедшего работать. Лёгкая, едва слышимая, музыка, чаще всего классическая. Здесь почти не разговаривают, понимая друг друга с полуслова, по взгляду или движению. Только иногда короткая фраза анестезиолога или шипящий звук ему подвластного аппарата нарушают сосредоточенную рабочую ауру. Уверенность и сомнения, решительность и смелость, тревога и волнение — этот клубок нормальных человеческих чувств, испытывает каждый, сюда входящий профессионал. Но они могут и помешать ему, поэтому должны уйти, спрятаться в самых глубоких уголках души. Он не имеет права думать о семье больного, о его жене, детях. Перед ним уже не человек, а живая анатомия, патология, которую следует удалить. Достичь такого состояния не просто. Помогает самим придуманная молитва, которую молча шепчет хирург, переодеваясь в операционное бельё. Обращение к Всевышнему, чаще всего приносит уверенность в успехе, вводит в кураж, без которого трудно достичь вершины мастерства и смело взять в собственные руки чью-то жизнь. С первыми каплями красной росы, покрывающими края рассечённой плоти, хирург перестаёт быть самим собой. Теперь он творец, с божьего благословения исправляющий несправедливость в распостёртом перед ним теле. Сколько сил и времени было отдано для подготовки подъёма к той вершине, на которую он готов взойти. Не только знания и опыт привели его сюда. Особое состояние души, его Я, вмещающее неукротимое желание помочь, улучшить, спасти, готовность к любым неожиданным и нестандартным решениям.. Всё это создаёт необыкновенное психологическое напряжение, позволяющее мастеру достичь поставленную цель, в сочетании с красотой и

гармонией. В процессе действия наступает кульминация, когда все присутствующие замирают на мгновение, задерживают дыхание, понимая, что наступил момент ответа на вопрос, заданный судьбой пациенту. Жить или не жить? Удалось или нет. Успели или поздно? А руки кудесника продолжают своё святое дело. Нежно. Мягко. Осторожно. Эмоции не для него. Точные выверенные движения рассекают, раздвигают, исправляют, сшивают. Бисерки пота со лба ловким, материнским движением снимает шустрая санитарка. Неизменная помощница — операционная сестра чётко предугадывает каждое желание мастера. Говорить ей ничего не надо. Протяни руку и в ней будет всё, что тебе в данный момент необходимо.

Вот и финал. Косметический шов по возможности скроет путь скальпеля, а коллеги доведут до выздоровления счастливец, опять ставшего человеком.

Перчатки летят в раковину, операционный халат сброшен и только теперь можно расслабиться, вспомнить, что сегодня у сына день рождения, а подарок не приготовлен, и вдруг ощутить липкую усталость вместе с минутной опустошенностью. Не хочется двигаться. Но неудержимое ликование в душе рвётся наружу, и дарит уверенность в отлично проделанной работе. Сегодня вновь победа! Ещё один человек вырван из цепких лап смерти, ещё раз ты выполнил своё предназначение, для которого появился на земле. Ни кто не услышит и не прочтёт этих мыслей. Они прочно спрятаны в душе и не предназначены для лозунга. Но без них невозможно выдержать очередное физическое и психологическое напряжение и даже, может быть, поражение. Каждый хирург на всю жизнь запоминает людей, которым он не сумел, не успел, не смог помочь в смертельной борьбе за жизнь. И эта тяжесть навсегда ложится на его плечи, постепенно подтачивая силы и расшатывая здоровье. Но один раз испытавший счастье спасти жизнь, благодаря своим знаниям и умению, уже никогда не откажется от очередной возможности повторить это. Нет более высокого и светлого наслаждения, чем вернуть человеку целый мир.

Таёжный банан

Он вырос в небольшом сибирском городке. В детстве все каникулы проходили у дед-лесника на далёкой заимке, где ещё прадед срубил из лиственниц крепкий пятистенник. Тайга была для внука открытой книгой, которую можно было читать с не меньшим удовольствием, чем приключенческий роман. Старик научил по следам распознавать лесные истории, а не редко и трагедии, понимать характер и повадки многочисленного зверья, имитирующим свистом подзывать птиц. Пользуясь предоставленной свободой, он многие километры вокруг исходил вдоль и поперёк, превратив их в свою страну, в которой душа отдыхала от городской суеты, рёва машин, людского притворства и зависти. Порой упав в таёжное многотравье, вдыхая его аромат, чувствуя щекотливое касание травинок к лицу, на него нисходило ощущение счастливого бытия, единения с бескрайним зелёным миром. Таинственный шум вершин могучих кедров, шелест травы, жалобный хруст сломанной ветки, призывная песня невидимой пичуги, симфонией жизни вливалась в слух, предупреждая о чём-то грядущем, прекрасном и неизбежном.

Она любила с отцом ездить на охоту, а родитель не хотел оставлять её одну, без охраны и догляда. Мать умерла в родах, и он чувствовал за собой всю ответственность за её судьбу. Дочь вошла в пору пьянящей юности, с её мечтами и фантазиями, желаниями и капризами. Стройная, голубоглазая, в синем походном комбинезоне, подчёркивающим стройность фигуры, с русской волной, падающей на плечи, она невольно притягивала к себе мужские взгляды, в которых с удовольствием купалась.

Когда к леснику нагрянули гости, его не было дома — заготавливал сено для косуль. Жена радостно и привычно встретила приглашённых, расселила их и позвала к столу. Здесь он и увидел её впервые. Молния изредка ударяет в деревья, но иногда попадает и в сердца. Первое мгновение он опешил, неприлично откровенно её рассматривая, потом смутился, что-то буркнув и уткнувшись в тарелку стал чистить банан. Вернулся дед и, быстро взяв инициативу в свои руки, завёл разговор о подготовке к предстоящей охоте.

Она вышла на террасу, не понимая, от чего ей вдруг стало жарко. Он, не зная зачем, шагнул вслед, словно с головой нырнул в омут. Было трудно дышать, ноги стали ватными, мысли путались и неожиданно для самого себя он засвистел призывную песню кедровки. Услышав неумелый, вернее не совсем точный ответ, засмеялся. Словно пеленающая сеть спала с плеч.

— Чуть-чуть неточно, надо вот так, — и он просвистел ответ петушка.

— Откуда знаешь?

— От отца. Я всегда с ним на охоту ездю. Не стреляю, конечно, а так, за компанию.

И вдруг они взахлёб, перебивая друг друга стали рассказывать о себе, о своей жизни до этой встречи. Удивлялись, хохотали. Незаметно спустились короткие таёжные сумерки. Взрослые играли в лото. Пятьдесят юбилейная, семь — громко выкрикивал дед номера очередных «бочонков», а они ничего не слышали. Сцепив ладони, молча любовались звёздной россыпью. Слова стали не нужными. Говорили руки. Необычно яркая луна, зацепившись за вершущу кедра улыбалась.

У причала

Она стояла на берегу, сдерживая слёзы радости и восхищения от очередной встречи. Каждый раз, приходя сюда её охватывал внутренний трепет. Любовь к морю с детства была необыкновенной и глубокой.. Её чуткое сердечко замирало при виде рыбацких шхун, которым совсем недавно посчастливилось рассекать волны в бескрайних морских просторах, любоваться играми дельфинов и пируэтами альбатросов. Небольшие, гордо уставшие судёнышки, опустив натруженные паруса, с удовольствием покачивались у причала, отдыхая от очередного заплыва. Их стройные мачты, беззлобно и скрипуче ворчали на свежий ветерок, призывающий вновь отправиться туда, где горизонт купается в волнах. Они-то хорошо знают характер моря. Именно моря, а не этой спокойной бухточки, которая, словно заботливая мамаша, баюкает шхуны, поглаживая обросшие ракушками днища, сдерживая их порывы причальным канатом. Море без видимых берегов бывает разным : чутким, хитрым, нежным и коварным. Тихим, как озеро и бешеным, как дикий зверь. Иногда, как сегодня, оно укутается в молочную дымку, скрывая свои планы, чтобы потом обрушить на отважное судно тяжёлые валы разгулявшихся волн. Верёвочные лестницы, вбежавшие к вершине мачты, разочарованно и расслабленно поникли, скучая без отважных мореходов.

Она сладко вдыхала морской воздух, пропитанный йодистым запахом водорослей, рыбной чешуёй и тайнами загадочных глубин, с сокровищами затонувших древних судов. Ей казалось, что море живое, оно дышит, играет, что-то шепчет и, самое главное, приветствует её. Они понимали друг друга. Чуткая женская душа чувствовала какое-то родство с ним. Это ощущение радовало и пугало. Море притягивало, звало к себе, туманило сознание и дарило наслаждение жизнью. С раннего детства лучшие часы дня она проводила наедине с ним. В шелесте прибоя ей чудились сказки, рыбацкие шхуны были для неё морскими рыцарями, а найденные на берегу ракушки — волшебными драгоценностями. С возрастом, море стало для неё необходимым собеседником, которому доверялись самые сокровенные тайны и мечты. Сегодня она пришла, чтобы молча рассказать ему о молодом рыбаке, подарившем ей необыкновенную раковину, постоянно поющую песню морского прибоя. Он сегодня уйдёт на промысел, где его жизнь и судьба будут зависеть от благосклонности Владыки таинственных глубин. Поцеловав раковину она закрыла глаза и молча стала молиться своей, только ей известной, молитвой, в которой было всё: скромность, наивность, любовь, моляба и сила проснувшегося чувства. И море ответило ей. Шхуны согласно закивали загнутыми кверху носами, волны игриво плеснули водяной пылью, налетевший ветерок шевельнул волосы. Только тёмные глазницы складских домиков продолжали грустно взирать на её и пустую в эту раннюю пору пристань.

г. Челябинск

Зоя Романова

Пусть живёт моя Россия

Весной сбываются мечты

Весна, весна! — нет краше слова,
Звенит вокруг и сникла грусть,
Природа оживилась снова,
И с нею вместе я смеюсь.
Мне растопило душу солнце,
Его нарисовал апрель,
Гляжу с улыбкою в оконце,
На улице звенит капель.
Весна, ты радость и спасенье,
От тупости и серой мглы,
Ты мне приносишь вдохновенье,
Весной сбываются мечты.

И пусть живёт моя Россия

Нам годы даны, как награда,
И прожиты они не зря,
Не ради блеска и парада,
Жизнь полыхала, как заря.
Нам испытать пришлось немало,
Страданий всех не перечить,
Война нам судьбы поломала,
Народ сберёг страну и честь.
Так пусть живёт моя Россия,
А с нею вместе наш народ,

Не «сдался» он, врага осилив,
Глядит с надеждою вперёд.

Разгулялась непогода

Разгулялась непогода,
То дождик льёт, то снег летит,
От рассвета до захода,
На землю солнце не глядит.
Детвора по лужам бродит
В тёплой шапке набекрень,
А зима всё верховодит,
Сюрприз готовит каждый день.
Она с весной в снежки играет,
То хохочет, то ревёт,
И серьёзно угрожает,
Что до мая доживёт.

Мартовский сюрприз

Утром встала я с постели,
И своим глазам не верю,
— Здравствуй, милая весна,
Наконец-то ты пришла!

Прибежал вприпрыжку март,
А на улице кошмар,
Точно так, как в январе,
Минус двадцать на дворе.

К разрисованным окошкам,
Подставляю я ладошки,
Может сон приснился мне,
Храм хрустальный на окне?

Купола блестят игриво,
До чего же всё красиво!
Согласилась я тот час,
Пусть зима гостит у нас!

Оказалось не каприз,
Это мартовский сюрприз,
Чтоб мороз не забывали,
Март при встрече целовали.

Что случилось, деревня, с тобой

Деревеньку родную свою,
Позабыть я никак не могу,
Не приходит ночами покой,
Повидаться бы надо с тобой.

Мне б в прозрачной умыться реке,
Да к родимой прижаться щеке,
Поклониться б тебе до земли,
Всем родным, что в иной мир ушли.

В деревеньке никто не поёт,
Только ветер тревожно ревёт,
Речка высохла и обмелела,
И деревня давно опустела.

В той деревне всего три двора,
Не резвится давно детвора,
Разлетелись птенцы кто куда,
Покидая родные места.

Бог с тревогою смотрит с небес:
— Натворили, вы люди, «чудес»!
И поля заросли все травой,
Что же будет, деревня, с тобой?

Скоро снова весна

Скоро снова весна,
Всё живое проснётся,
Будет мне не до сна,
Дела много найдётся .

Чуть забрезжит рассвет,
Встану я на пороге,
Крикну солнцу: «Привет!
Я готова в дорогу».

Буду снова в саду,
Пеньем птиц наслаждаться,
Мне бы только весну,
Поскорее дождаться.

Ах, весна, ты моё утешенье!

Замело белым снегом дороги,
Тишина, не шелохнется куст,
А весна обивает пороги,
Прогоняя щемящую грусть.

Ах, весна, ты моё утешенье,
Как придёшь, расцветёт всё вокруг,
И улучшится настроенье,
Ты мой добрый и искренний друг.

И надежда появится снова,
Заискрятся от счастья глаза,
Ты, весна, для здоровья основа,
Загремит, загрохочет гроза.

Герань и Орхидея (басня)

Герань на подоконнике цвела,
Крестьянскою красавицей слыла,
Всем с радостью цветы свои дарила,
«Берите для здоровья!» — говорила.

Но пришла хозяйке вдруг идея,
Появилась в доме Орхидея,
С Геранью по соседству оказалась,
И рядом жить с ней сразу отказалась.

«Фу-фу, как дурно пахнет от тебя,
Жить рядом — значит не любить себя!
Ты знай, что я совсем другого рода,
Не то, что ты простушка из народа».

Услышала хозяйка разговор,
И вынесла Герань свою во двор.

Никак не унималась Орхидея,
Всё с каждым днём худея и бледнея.

«Мне для здоровья нужен нежный грунт,
Иначе я устрою страшный бунт!»,
Подумала хозяйка и сказала:
«Я зря тебя, красотка, покупала».

С поникшей головой во двор пошла,
К Герани с покаяньем подошла,
Вновь Герань на подоконнике живёт,
Красотой своею, радуя народ.

г. Копейск

Анатолий Омельчук

И это страшное кино

Мохнач

(монолог собаки)

*посвящается Л. Рахлису,
руководителю ЛИТО «Экспресс»*

Хозяин, стреляй! Ведь нередко
Ты видишь, как лупит свинец.
Бей насмерть выстрелом метким,
Пусть жизни приходит конец.

Что смотришь, задумался сильно,
Тебе ведь не вновь убивать.
Из раны моей кровь обильно
Будет на землю стекать.

Я зла на тебя не имею,
Но если уж правду сказать:
Как видишь, я тоже старею
И факт этот надо признать.

Вспомни, как нынешним летом
Со мной на охоту ходил.
И уток разил ты дуплетом,
А я тебе дичь приносил.

Со мною любил забавляться,
За ухо слегка потрепать.
Как с братом, ты мог целоваться,
По-детски душевно ласкать.

Мы двое с тобою в сарае
В безмолвии грустном стоим.
Ну, что так печально вздыхаешь
Пред взглядом тоскливым моим.

Я стал тебе тяжкой обузой:
Вот слепну, хожу кое-как.
Лежу на плечах мертвым грузом,
Ведь я ни волшебник, ни маг.

Спасибо, кормил хоть досыта.
А ну-ка, слезу вытирай!

Ведь карта моя давно бита.
Хозяин, не медли, стреляй!

Закат солнца

Мне лучом на прощанье мигнуло
И шепнуло чуть слышно тайком:
«Не грусти, вот вернусь с караула,
День по новой с тобою начнем».

Березка

(шуточное)

Здравствуй, стройная берёзка,
Прими сердечный мой привет!
Ты в моей памяти подростком
Жила спокойно много лет.

Надела крупные серёжки,
Стоишь, красой своей пленя.
Хоть приголубь меня немножко,
Душа сгорает от огня.

Листья березы

Когда в зеленом одеянье
Вновь зашумишь своей листвою,
В знак глубочайшего признанья
Я поцелую листик твой.

Он тонкий, ласковый и нежный,
И не совсем еще окреп.
Хотя, вступивший в мир безбрежный,
Сам беззащитен в нем и слеп.

Готов листочки все объять я,
Теплом отеческим согреть.
Они ведь, как родные братья,
Мне не позволят умереть.

Уже характер проявляют,
Встав перед ветром на дыбы.
Пока еще не понимают
Коварный замысел судьбы.

Узникам гетто

Я на экране увидал,
Как человек вдруг зверем стал.
Светило солнце ярким светом:
В еврейском это было гетто.
Она стояла, не рыдала,
К груди ребенка прижимала.
Он, небесами данный ей,
Дитя, что может быть ценней.
Фашист, державший сверху ствол,
Вдруг мушку на нее навел.
И страх глаза ему не ел:
Как хищник крови захотел.
Раздались выстрелы, и в раз
Мне ужас душу всю потряс.
Она лежит, обняв его —
И ей не надо ничего.
Господь! Скажи, ну как он мог,
Нажать смертельный тот курок
И жизнь с ухмылкой отнять.
А оператор четко снять.
И это страшное кино
Мне сердце горем обожгло.

Монолог пьяницы

Еще младенцем в колыбели,
Ты с молоком в себя впитал
Законы древней Иудеи,
И свой житейский идеал.

Не виноватый, что еврей
И нас немного поумней.

И вырастешь достойным малым,
Все считаешь в нужный срок.
Глупца пронзишь смертельным жалом,
Коль вздумал встать он поперек...

Немного я сегодня пьяный,
Тебе пацан хочу сказать,
Но прозвучит все это странно,
Твой ум готов благословлять.

Он от природы не ленивый,
Хранитель сокровенных дум.
Бывает честным или лживым
Еврейский гениальный ум.

И правду мы сказать должны —
Умом то вы всегда сильны.
Иди, возьми у папки в долг,
Я в русской водке знаю толк.

Пограничник Алешка

Пограничник я, Алешка,
Охраняю огород.
И прекрасная картошка
На земле родной растет.

Вдруг увидел я хавронью.
«Твой пароль», — ей говорю.
Но она мне, как спросонья,
Просигналила «Хрю-хрю».

г. Челябинск

Павел Хрипко

Капитанский сын*

Повесть
(В сокращении)

29. Полковые будни

Крепкий организм поручика Крылова да умелое лечение бабы Христи взяли своё и вскоре только ввалившиеся глаза да выступающие скулы свидетельствовали о перенесённой тяжёлой хвори, но он уже поднялся на ноги и захаживал на службу, к своим драгунам.

А в крепости новость — появился богатый башкирин Юлдыбай со своими работниками. Потомственный лошажник, кумысник и давний знакомец нового командира драгунского полка Михайлова, прослышав о большом выборе киргизских коней на троицком торге, решил пополнить свои табуны. Отобрав на меновом дворе целый косяк молодых кобылиц, бай обратился к полковнику с просьбой дать ему сопровождающего офицера для беспрепятственного проезда, дабы избежать канительных проверок и поборов на дорогах. Начальник штаба, недолго думая порекомендовал командиру полка назначить в сопровождающие поручика Крылова, с тем, чтобы тот мог недели две пожить у Юлдыбая и поправить своё здоровье

Продолжение. Начало: Графоман № 4-2016.

кумысом. Майор Наумов был наслышан, что лучшего средства для оздоровления лёгких не существует, а он помнил, кто спас его от воровской удавки и пытался отплатить добром за добро. Ещё не окрепший от болезни, поручик, простившись с домочадцами, отправился с табуном коней в башкирские пределы.

А пока Андрей находился в длительной командировке, навалилась новая напасть. Из Оренбурга прибыл нарочный с секретным приказом коменданту крепости: «установить негласный надзор за поручиком Крыловым, ввиду поступившего донесения о его неблагонадёжности». И когда опоенный кумысом, окрепший и жизнерадостный, Андрей прибыл из башкирского улуса с гостинцами: мёдом, крутом — сушёным сыром, его сразу же потребовали в штаб.

Не ответив на приветствие и не предложив сесть, начальник штаба Наумов сразу же приступил к разносу:

— Что ж ты, братец, сам подставляешься и меня позоришь!

Крылов враз потемнел лицом, неровно забилося сердце:

— Не могу знать о чём речь, ваше благородие!

— О чём вы шептались на башне с хорунжим Акутиным?

— Господин секунд-майор, мы с Семёном Акутиным дружим с детства и восемь лет не виделись, да мы и не шептались, то, да сё...

— Можешь не напрягаться, — перебил поручика Наумов, — о ваших разговорах уже в Оренбурге известно.

— Это злой навет, ваше благородие, клевета. Ни о чём крамольном мы не говорили, а что яицкие казаки бунтуют, про то все гутарят, вон и башкирцы прознали.

— Мало кто что знает, а ты не встревай! И, — понизил голос майор, — чтоб слово «бунт» я от тебя не слышал. Ты понял, господин поручик?

— Так точно, понял, ваше благородие.

— Да скажи спасибо коменданту, что допреже подвиги твои расписал губернскому начальству, мол, двух утопленников спас, жизнью рисковал, так обошлись только надзором, а то ведь Сибирь большая. А более всего благодари матушку-комендантшу. Уж больно она за тебя радуется, с чего бы это? — хитро прищурился Наумов, и, перейдя на доверительный тон, тихо спросил:

— Догадываешься, кто тебя подставил?

— Ясное дело, Степан Львович.

— То-то. Впредь лишнего не болтай, почаще оглядывайся, да ворон не считай. Догляд за тобой теперь, видимо, учинят.

— А что с хорунжим Акутиным будет, ваше благородие?

— Про то мне неизвестно, но, думаю, что ему тоже непоздоровится.

* * *

А вскоре, уже после разговора с Наумовым, Андрей заметил неоднозначное отношение к себе со стороны господ офицеров. Ранее он не обращал на это внимание и к поручикам и к капитанам относился согласно принятой субординации, хотя у него и были особые дружеские отношения с некоторыми из них.

Особенно дружен был Крылов с братьями Тимашовыми. Старший, Козьма, капитан, был его ротным командиром — младший, Пётр, поручик, всего на год старше, командир взвода. Братья уважали его за непоказушную храбрость, совесть и в трудную минуту всегда были рядом. Но, пожалуй, ближе всех Андрей сошёлся с поручиком Алексеем Юматовым, симбирским мордвином, таким же бессеребренником. Их сближал интерес к историческим событиям, споры о будущем России. Их занимали времена «бабского» правления, как они называли период после царствования Петра Первого, к тому же оба были страстными охотниками и это ещё больше сближало их.

После случая в Берёзовском редуте, Крылова стали считать любимчиком самого Наумова, тогда даже кичливый князь поручик Ефим Ураков, переводчик из свиты коменданта, снисходительно кивал Андрею при встрече. Отмечал его своим вниманием и богатый наследник Василий Демидов, капитан, присланный в крепость за какую-то провинность из мушкетёрского легиона и даже неподражаемый льстец, адъютант коменданта, поручик фон Мененкампф, немец с лошадиным лицом и русским именем Иван, всегда растягивал губы в фальшивой улыбке.

Теперь же они заметно охладели к Крылову и при встречах сухо здоровались, не превышая официальных правил субординации. То, что Андрей ценою своей жизни недавно спас двух посадских ребятишек, в расчёт не брали, сами они никогда бы так не поступили. Крылов знал истинную цену этой холёной братии и никогда им не завидовал. Его всегда тянуло к другим людям.

В гарнизоне была ещё одна, отдельная группа поручиков, особая каста офицеров, к которым Крылов относился с великим уважением и даже трепетом. Картографы, чертёжники, географы, переводчики, наставники инженерной школы — учёные мужи. Их не привлекали ни к караульной, ни к какой иной службе, жили они замкнутой жизнью, держались особняком, в свой круг редко кого допускали и даже от коменданта мало зависели. Андрею приходилось сопровождать их в экспедициях, и он с благоговением относился и к Алексею Языкову, и к Дмитрию Кафтырёву, и к Василию Иглину. Дивился их немислимым для его ума знаниям и Крылова всегда притягивало к ним. Все они были увлечены своим делом: составлением карт, чертежей, планов местности и политика их мало интересовала.

К поручику Крылову они по-прежнему относились с уважением, так как знали его, как надёжного, распорядительного офицера, на которого можно было положиться в рискованных научных поездках по разведке местности, знали они и о его добросердечии и порядочности.

30. Ваня Крылов

У Андрея Прохоровича появилось новое пристрастие — всё свободное от службы время он теперь проводил с сыном Иваном. Ему шёл третий год. Крепкий, довольно упитанный малыш, был крайне любознателен. Ему до всего было дело. Он с интересом наблюдал, как мать месит тесто, готовит еду, как отец приводит в порядок своё оружие, амуницию, пытался даже помогать, подавая нужные детали. Когда бабушка рассказывала уже известную ему сказку и забывала слова, он подсказывал ей, удивляя своей памятью и сообразительностью. Особенное любопытство у него вызывал окованный жестью сундучок под лавкой, где хранились отцовские книги. Изучив все закоулки квартиры, Ваня добирался и до тятиного сокровища, пытался его открыть, кряхтел, бил по крышке кулачком и вопросительно поглядывал на отца.

— Погодь, сынок, — утешал малыша Андрей, — подрастёшь чуток, будем с тобой учиться считать и писать, Эзоповы басни полистаем. Я тебя и читать научу. Вон и мать твоя, была ни бэ, ни мэ, а теперь уже по складам читает.

Мария слыша насмешливые слова мужа, краснела, пыталась оправдываться:

— Кто б меня в посёлке читать учил? Тётка и сама была неграмотная.

— Да ты не обижайся, — успокаивал жену Андрей, — поднатореешь, так и в храме будешь читать заместо дьячка.

Пройдут годы, и эти слова мужа окажутся пророческими.

Каждое воскресенье, если не был занят, после обязательной церковной службы, Андрей брал своего коня и, усадив Ванюшку спереди на луку седла, отправлялся в небольшое путешествие. Сначала путь их пролегал по крепости, мимо Свято-Троицкого собора, мимо казарм, цейхгауза, потом стали выезжать за ворота, в Нижний Форштадт, где селились татарские купцы, шорники, сапожники, портные — всякого рода рукодельники. Подъезжали к месту впадения Увельки в Уй, пожалуй, самое красивое место в приречье, умывались чистой прохладной водичкой, любовались белоснежными чайками и, нарвав букет глазастых ромашек для мамы, возвращались домой.

От конных прогулок Ваня был в восторге и ждал их с большим нетерпением, сидя перед отцом, он перебирал пальчиками лохматую гриву коня или важно придерживал поводья. Умный конь, зная, что везёт малыша, осторожно ступал по мягкой мураве, обходя ямы и рытвины, вышагивал спокойно и размеренно.

В этот раз они отправились в Верхний Форштадт, где у них с Марией было много общих знакомых. Ватага ребятишек, игравшая в городки, завидев поручика с сыном, бросила свои занятия, окружила всадников и радостно загалдела.

— Здравствуйте, дядя Андрей! — подал голос румяный крепыш.

Крылов с недоумением уставился на мальчика, — откуда ты меня знаешь?

— Вы, что не помните, как нас с Минькой со льдины доставали?

— Ну, как же, — помедлив, ответил Андрей, — такое не забудешь, Минька-то здоров?

— Да что ему делается, сейчас придёт. Тятка послал его на речку коней поить.

Заслышав детский галдёж, из добротного крестового дома напротив, вышел казак в окладистой чёрной бороде и низко, до земли поклонился поручику:

— Доброго здоровья, ваше благородие, Андрей Прохорович?

— Василий Антоныч? Здравия желаю. Всё хочу спросить. Это ты меня водкой тогда в предбаннике растирал? Крепкие же у тебя руки.

— Да не жалуюсь пока, а там как Бог даст. По делу какому в наше захоlustье ай прогуливаетесь по хорошей погоде?

— Мальца, вот, к коню приучаю.

— Вижу, вижу, добрый казак растёт. Ну, что мы тут на улице пропадаем. Милости прошу, Андрей Прохорович, к нашему шалашу.

Взяв коня под уздцы, казак завёл его в свой двор, обнесённый тыном из свежего частокола.

— А я гляжу, утром собака перед домом катается, ну, думаю, к гостям. Может баньку накинуть, Андрей Прохорыч, я быстренько, со вчерашнего ишо не остыла.

— Ну что, ты, Антоныч, — заулыбался Крылов, — не басурманин я, чтоб по воскресеньям мыться, а в баньке я тогда хорошо попарился, — хохотнул поручик, — до сих пор икается.

— Да, — помрачнел казак, — окажись тогда на твоём месте кто другой, вряд ли бы я увидел своих ребятишек. Знаю ваших офицеров, они хоть и добрые вояки, а ни один бы из них на такое не решился. И среди казачков наших храбрецы есть — под пули кидаются, а чтоб в ледяную глыбь, ни-ни. По гроб жизни я благодарен тебе, Андрей Прохорыч.

— Ну, что теперь об этом поминать, Василий Антоныч, — посетовал Крылов, стараясь закончить неудобный для него разговор, — спасибо на добром слове. Ты, я вижу, в гору пошёл, пристрой возводишь, загоны для скотины расширяешь.

— Да оно, как говорится, кур пасти — добра не обрести, казак скотинкой жив. Говядинка ноне в цене, да и вашего брата служивого в крепости прибавляется, подряды растут. Оно ведь кто умеет жить, тот не ходит ворожить.

— Так-то оно так, Василий Антоныч, но ведь ты поселенный казак, а как же служба?

— Эх, Прохорыч, служи, хоть сто лет, выслужишь сто реп, да и война кровь любит. Таперчи я не казакую.

— Что ж так? Или проштрафился, господин урядник?

— Э, ваше благородие, теперь у нас другие порядки. После самодура Волкова новый губернатор Путятин Аврам Артемьич, князь, дай ему Бог здоровья, нашему брату казаку послабление сделал, дозволил из казачьего звания в купецкое переходить. Сам-от князь по губернии поездил, пригляделся и обеспокоился, что казанские купцы всюду верх берут, уговариваются меж собой, цену держат. Креститься не желают, нехристи, токо по принуждению, ежели за воровство притянут, ай ещё за какую провинность. Ну и меж собой каля-маля, земли скупают и купчишек наших утесняют. Вот и дозволил князь православному воинству, кто захочет, в торговлю пойти, не возбраняется, как раньше было, во как. Летось и я в Оленбурхе побывал, повызнал. Оно, ить, ежели грамотен да не промах, можно жить и в хоромах. Прикинул — Бог не без милости, казак не без счастья. Да и сыновья подрастают, есть для кого стараться.

— И сколько же их у тебя? — раинтересовался Андрей.

— Трое. Оно, как говорится: первый сын — Богу, второй — царю, а третий себе на пропитание. Ещё дочки две, но, то чужое сокровище. Холи да корми, учи да стереги, а потом в люди отдай.

Всё время пока отец беседовал с Антоновичем, Крылов-младший важно расхаживал вдоль изгороди, отделяющий скотный двор и рассматривал в щели его обитателей. Ваня впервые видел поросят, гусей, кур — эти диковинные создания хрюкали, квохтали, гоготали. Особенно заинтересовал малыша петух. Грудастый, огненно-рыжий, он как главный распорядитель, горделиво расхаживал по двору, расшвыривал крепкими лапами мусор, находит что-то съестное, подзывал кур и отходил в сторону надменный и горделивый. Чтобы упрочить своё превосходство, он вдруг взлетел на забор и издал такое мощное «кукареку», что Ваня вздрогнул, поспешно отошёл к отцу и прижался к его сапогу.

Андрей, заметив беспокойство сына, прервал многоречивого казака и передал ему просьбу полкового квартирмейстера насчёт заготовки сена для гарнизонных коней.

— А почто ж он сам не пришёл, — съехидничал Василий, — обижается, поди, за прошлогодний сенокос. Говорил я ему тогда, чтоб поближе к крепости амёты ставил, не послушал, так дальние стога башкирцы и умыкнули. Моё-то рядом — всё цело и осталось. Я-то не причём, сам виноват. Комендант чуть под суд его не отдал, пришлось выручать. Ну, я помогу и луга подходящие выберу и скажу, когда косить, пусть косцов подбирает, заодно и мне подмогнут. Среди драгун добрые косари есть, я и косами снабжу, договоримся, не впервой. Степное сено, оно, лугового получше, но против дубровного всё же похужей. Да, ты, я вижу засобирался, Андрей Прохорыч, погодь маленько. Моя хозяйка тебя давно заметила да гостинец наготовила, не побрезгуй, прими.

— Да куда ты столько, Василий Антоныч, — возмутился Крылов.

— Ничё, мои ребятишки дороже стоят, — парировал казак, подавая Андрею увесистую корзину и, когда поручик уже сидел на коне, передал ему ещё и тяжеленный куль.

— А это что? — удивился Крылов.

— Не обессудь, Прохорыч, это мой ранний овощ, картоха называется. Нас, дураков, заставляют её садить, а мы брыкаемся, мол, потравить нас хотят. Ведь разъясняют: не еште

балаболки да клубни с зелёной кожурой. Бесплезно, едят и травятся. Да и мелочь вырастает у всех, кто садит, голимый горох, а у меня, глянь, с куриное яйцо. А секрет-то прост, назьму перегнившего не поленюсь, в осень разбросаю, она и растёт недуром. Уж я и скотину кормлю и соседям раздариваю. Не берут, отказываются. Вишь ли, соли надо, а она дорогая. Репу-то без соли едят. Хорошо хоть господин комендант, немец ваш, пристрастился к картохе и для гарнизона у меня её закупает. Я и хозяйство своё на картохе поднял. Худо жить тому, у кого ничего нет в дому. А мы, слава Богу, не бедствуем.

Нагруженный подарками, с уснувшим сыном, Андрей, наконец, добрался к дому, где их ждали встревоженные женщины. Принимая корзину, Мария удивлялась:

— Глико, и масло, и яйца, и птица, и мед в сотах.

— Мёд — это для Ванюшки, чтоб умным рос, а тут ещё картоха в мешке, заработали мы с ним.

— Прибегал два раза твой друг Юматов, новость у него какая-то, верховой из Оренбурга прискакал.

г. Троиц

Галина Савельева

Где жизнь кипит

Защитники Отечества

Новый день
рассвет встречает,
зимней свежестью
звения.
Утренняя зорька
шепчет:
«Я вас приветствую,
друзья!»

Гвардия больших
умельцев —
надёжно меч
в руках держать,
небывалою
сноровкой
врага заставить
трепетать.

Мужественным
и умелым
по плечу
любое дело.
Страждущим
протянут руку —
исчезает
боль и мука.

Всею душою
к ним стремятся
Люди
на планете.
Отдавать тепло
друг другу —
Лучший дар на свете.

Площадка

Окончив вузы,
отложив тетрадки,
успешно шли
по трудовой площадке.
Спешили на работу
утром рано,
где нас встречала
строгая охрана.

Мелькали казематы,
полигоны
и военпредов
яркие погоны.
Все показатели
снимали рьяно
и, в основном,
не с видеоэкрана.

Летели ввысь
крылатые ракеты,
пролив особый свет
на все секреты.
А мы трудились,
чётко понимая,
какая жизнь в России
непростая.

Теперь ушло
в далёкое преданье
умение такого
созиданья.
Но будет долго
помниться площадка,
где жизнь кипит
в работе, без остатка.

Вдохновенье

Синары тихий плеск волны
несёт дыхание весны
и поэтический полёт
туда, куда мечта влечёт.

Стихи, как ветер озорной,
подхватят, унесут с собой.
И возникает жажда жить,
и мир чарующий любить,

на крыльях над землёй парить,
и жизнь за всё благодарить.
Пылает творчества пожар.
Как уникален этот дар!

Людмила Куковенкова

Город тихо смеётся с оглядкой

Российские просторы

Здесь прозрачный воздух звенящий,
Утром ранним с голубизной,
Где спадает туман манящий,
С гор хрустит в тишине мирской.
Здесь такие просторы, где неги,
Манят так, что сердце щемит,
От того, что красивее нету,
И богаче моей земли.
Потому ты, моя Россия,
Всем на зависть да на пригляд,
Открывая глаза, смотришь синью
Свой искранный не пряча взгляд!

Город родной

Величальную песню пою
Я тебе, мой Троицк родной,
Подъезжая к вокзалу, смотрю,
Замирает сердце порой.

От того, что сады вновь цветут,
И сирени запах крутой
Всё родное, любимое тут,
Перекрёстки, дома, травостой.

Улиц змейка, бегущая в спуск,
У берёзы колодец ручной,
И воды удивительный вкус,
Троицк мой, до боли РОДНОЙ!

Поэт

Поэт живёт, мечту храня.
Она — надёжная броня.
Ведёт в кипучий мир людей —
Источник множества идей.

Унынью места нет тогда:
С ним муза всюду на года,
Стихи, как бурная река,
Играет красками строка.

г. Снежинск

Город помнит

Город помнит, как люди жили,
И в далёкие, те времена,
Тоже искренно пели, любили,
Жизнь была и трудна, и хмельна.

Город тихо смеётся с оглядкой,
Смотрит... люди бегут от судьбы,
И ему стало грустно и сладко,
От малиновых ставень избы.

Поменялись масштабы планеты,
Теремов жизнь в столетье ушло,
Город с грустью подумал об этом,
ЛЮДИ... КАК ЖИВУ Я ДАВНО!

Жизнь бурлит

Плачет осень, в слезах утопая
От дождей, от росы и от гроз,
«Бабье лето» прошло, и, слетая,
Листья стелят ковры от берёз.

Вот и зимние ветры подули,
Новый год постучал к нам в окно,
Хорошо — белизною обули
Крыши, пни, город наш заодно.

Жизнь течёт по мотивам природы,
А мы слушаем или ворчим,
Кто-то пишет сонаты и оды
Жизнь бурлит, значит,
коли творим!

Вернись проверенной

Ты, мысль моя случайная,
За занавеской тонкою,
Мелькнула так нечаянно,
Уйдя в просторы звонкие.

Ловлю тебя безудержно,
Боюсь пропасть во времени,
Ты мысль моя, отчаянно
Прошу ...вернись проверенной!

г. Троицк

Светлана Куриченко

Маме

Над всеми разлуками властью,
Данною мне свыше,
Я говорю о счастье,
Которым душа дышит!
Взмахами крыльев взлетаю
Над километрами лет
И, веруя, обретаю
Любви лучезарный свет!
Ой, вы, беды да горести!
Сердце вас отпустило.

И нету счастливей повести,
Если сердце любило.
Радугой в небе встану!
Буду дождями литься,
И любить не устану,
Чтобы озолотиться
Россыпью встреч нужнейших.
Над всеми разлуками властью
Любимой и любящей женщины
Я говорю о счастье!

г. Челябинск

Андрей Смолюк

Мороз — дело относительное

Нет, дорогие читатели, что ни говори, а мы уральцы — народ закалённый. Ну, может быть не так как сибиряки, но, тем не менее, вполне достаточно, чтобы при минус двадцати-двадцати пяти чувствовать себя очень даже вольготно. Кроме того, хоть в Сибири зимы и посуровее, чем у нас, да вот переносятся они там значительно легче, чем на нашем Седом Урале. Влажность у нас здесь высокая, не такая как, скажем, в Новосибирске, а посему минус двадцать чувствуются у нас значительно острее, чем там, в Западной Сибири.

Ну, а уж про Европу или европейскую часть России-матушки я уж тут вообще помалкиваю. Хотя и там тоже зима в районе Москвы иногда свирепствует. Мне вот, например, совершенно понятно, почему немец до Москвы не дошёл, да и Сталинградскую битву проиграл. Я несколько не преуменьшаю стойкость и героизм наших отцов и дедов, но и то, что немчура к нашим морозам непривыкшая, тоже сбрасывать со счетов не надо. Доконал эту немчуру наш «генерал Мороз». Не тот климат в Европе и это надо всегда учитывать.

Я вот всегда считал, что в Скандинавии холодно, мороз там и, вообще, климат близок к нашему уральскому. А вот дудки! Оказалось, что эти шведы в своей Швеции живут в климате, который, может быть, лишь чуть-чуть прохладнее, чем в Венгрии. Оказывается минус десять, и все шведы в своём Стокгольме мрут как мамонты в период обледенения земного шара. Причём не подумайте, что слова мои голословны. Просто есть у меня брат двоюродный, который в славном городе на Неве живёт и который в эту самую Швецию каждое лето на заработки ездит. Брат двоюродный у меня семь пядей во лбу (причём несколько не утрирую), в университете Санкт-Петербурга работает, преподаёт, вот и ездит в Швецию, где тоже в каком-то университете и подрабатывает.

Как-то он рассказывал, что там однажды в сентябре выпал снежок с ветром. Ему, брату моему, хоть бы хны (даже несмотря на то, что в Санкт-Петербурге тоже особых холодов не бывает), а вот все шведские больницы были полны обмороженными да замороженными.

Так что в смысле холодов мы на Урале да в Сибири самые, что ни на есть стойкие.

Сiju я как-то дома в обеденный перерыв. Суп ем, а сам радио включил «Маячок» и новости последние слушаю. Я так всегда делаю, просто больше у меня времени не бывает, чтоб новости спокойно разузнать, так как вечером жена оккупирует телевизор со своими «Прекрасными нянями» и новости мне смотреть не даёт.

Так вот, диктор на «Маяке» все новости мне рассказал, что, где и почему, и, вообще, как там, в «жарком Занзибаре» (а в «жарком Занзибаре» было всё нормально, в тени плюс

тридцать пять, не то, что наши минус двадцать два за окном). А после этого, как всегда, стали передавать прогноз погоды.

— На Москву надвигается мороз, — объявил диктор, — поэтому просьба ко всем москвичам к этим морозам подготовиться, да и, кроме того, занятия в школе с первого по восьмой классы отменяются!

«Ух, ты, — подумал я, — значит в скором времени у нас ещё холодней будет. В школах поди тоже занятия отменяют к радости моего сынишки».

А диктор «Маяка» дальше сообщает:

— Кроме морозов ожидаются сильные снегопады и налипание снега на провода. Ну, а что касается температуры, то ночью в Москве ожидается минус двенадцать, минус четырнадцать градусов, а днём минус восемь-десять!!!

«Вот это да, — мелькнуло у меня в голове. — Так это не Москва, а Занзибар какой-то наш российский. При такой погоде половина нашего городского населения без шапок ходить будет. Женщинам без шапок ходить особо нравится, горячие они у нас, кровь с молоком. Да и мужики тоже, грудь на распашку пойдут. А что касается ребятни, то тут для них огорчение: при такой температуре в школах у нас занятия не отменяют».

Вы ведь, дорогие читатели, сами знаете: какая погода в Москве, значит через два-три-четыре дня и у нас такая будет. Не всегда так правда случается, но в семи случаях из десяти это точно.

Поэтому шёл я на работу после обеденного перерыва и радовался тому, что скоро к нам придёт московский «свирепый» мороз, «значительно похолодает» до минус десяти после минус двадцати, а значит можно на выходные спокойно собираться на рыбалку или на лыжах, что душа, одним словом, пожелает.

Детвору нашу мне вот маленько жалко. Москвичи там, значит, в школу не пойдут, а у нас «фиг вам» со всеми отсюда вытекающими последствиями!!!

Так что вот, дорогие читатели, мороз-то дело оказывается относительное. Я об этом и раньше, конечно, догадывался, особенно когда про Якутию мне радио наше передавало, да вот только теперь после московских «свирепых морозов» это всё дошло до меня (есть у меня такой грех, что доходит до меня иногда, как до жирафа). Но лучше поздно до чего-то дойти, чем никогда.

Так что мы, уральцы, можно сказать, о-го-го! «Ни мороз нам не страшен, ни жара...»

Ну, а что касается немчуры там всякой, так пусть только к нам сунуться попробует, мы их нашими уральским морозом и бомбами всякими в пух и прах разобьём. Не сомневайтесь!!!

г. Снежинск

Из цикла «Удмуртия — земля моих отцов»

В гостях у Бабы-Яги

За далекими синими далями,
Там, где прячется речка Яга,
За мосточком крутым, у прогалины,
Повстречалась мне Баба-Яга.
Не костлявая и не лихостная,
И не злыдня-хромая нога,
А уставшая и бесхитростная,
Очень грустная Баба-Яга.

У болотины, возле уключины,
Где хвощи поднимались стеной,
Худощавая и скрюченная,
Еле шла она тропкой лесной
Очень жалко мне стало, бабушку,
Я поближе к ней подошла
И большую вязанку хвороста
До избушки её донесла.

А дорогой поведала старая
Мне о том, что устала она
Без помощников, без участников, —
В темном лесе совсем одна, —
Где давно затянуло бурьянами
Изумрудную зелень полян,
Где в лишайниках да в корявинах
Чахнет-сохнет большой Яган.

Я сочувствую бедной. Сердешную
Пожалела Бабу-Ягу, —
Говорю: «Да пошли ты всех к лешему.
А она мне в ответ: «Не могу,
Я ж не просто себе одинокая,
Мой помощник совсем обетшал:
То ломоты, то хвори, то колики, —
Знать, совсем Леший старым стал.

Раньше ж как, пойдут бабы по ягоды.
Он к полянкам их сам приведет.

И грибочками, знашь-то, порадует.
И покосы постережет.
Всё тепереча. вишь ли, конбайнами.
Молотилками, слышь-ко, шумлят.
И качалок везде понаставливали.
И оне, как шальные, стучат.

Вот и птиц здесь не слышно пения.
Даже бабочек встретишь не в раз.
Да како уж тут нонча цветение?
Редким стал здесь цветок италмас.
Нет укромого в лесе-то местечка,
Да и чащи нет больше густой.
Где б могло разгуляться сердечушко.
И, где был бы душевный покой».

Мы с ней чай распивали малиновый.
Воду черпали из родника.
Нити сматывали паутинные
И забрасывали за облака. —
И сияли те нити радугой.
Отражала их речка Яга,
Понимаю теперь, как же рада я.
Что мне встретилась Баба-Яга.

Родина

За буранами, за метелями
Затерялось моё село,
Где узорчатыми канителями
Изукрасил мороз стекло;
Никакой вроде бы необычности
В деревянных добротных домах,
Но на окнах резные наличники
В сине-белых резных кружевах.
И, когда в разметеленной памяти
Засыпаю в далёких краях,
Вижу свет в забураненной замяти,
В сене-белых резных кружевах.

Эхо

Сашка четвероклассник. Он учится в самой большой школе города. 1800 учащихся занимаются в три смены: перваши и старшеклассники — с утра, средняя школа — с двух часов, а Сашка учится с 12. Ему, как он сам считает, повезло; всё, что не успел сделать с вечера — доделает с утра, да и выспаться можно, если что. И, главное, никто не мешает: мамка на работе. сестрёнка — в школе.

— Саня, я тебе будильник завела! Слышишь?! В школу не опаздывай! доносится из коридора веселый голос сестры.

Сашка вскакивает с постели и, с лёгкостью ныркнув под кровать, вытягиваем мешок. Школьники, обычно, в таких мешочках, носят сменную обувь, а Саня вчера затаил в нем находочку, и сейчас ему никак не удавалось извлечь её.

— Блин! — пыхтит Сашка, сев на полу поудобнее, зажимает уголок мешка коленками и изо всех пацанячьих сил тянет неподдающуюся штуковину. Он добыл её за городом на пустыре, а точнее, на заброшенном немецком кладбище. Там, и это знают все мальчишки, — целый клондайк всяких штукенций. Петька, к примеру, недавно отрыл складешок — хороший такой, и теперь всем хвастает, а Вовка на прошлой неделе надыбал ложку. Диковинная! Мальчишки, когда рассмотрели на ней крест, даже съёжились от страха.

Эхо войны катилось по огромной стране Советов, одержавшей победу над фашистской Германией. День Великой Победы торжественно еще не отмечался, но «Пионерские Зарницы», «Смотры строя и песни» школьники очень любили.

Сашка же — маленький, до «Зарницы» ещё не дорос, а потому он, как вся городская пацанва застойных семидесятых, играл в войнушку за сараями, на пустырях, вот как вчера.

— Тэ-экс. Подумаешь, ложка, — прилагая все усилия, чтобы вытащить трофей из мешка сердито бормочет Санька. Мало-по-малу штуковина поддается, и вот уже в Сашкиных руках — каска.

У кровати — земля, глина, песок, но Санька не обращает на это внимание.

— Каска! Настоящая солдатская каска! — У пацана перехватывает дух.

— Сейчас тебя отмою, — бормочет он, и бежит в ванную.

От холодной воды ломит пальцы, но Саня берет в руки мочалку и усиленно трёт каску. Ему очень хочется поскорее увидеть, какая она, касочка солдатская.

От грязи дно ванны чернеет.

— Блин, теперь от мамки попадёт.

Сашка принимается чистить ванную. Вода не уходит, он изо всех сил старается пробить ток вантузом.

Звонит будильник, напоминая, что пора в школу. Сашка наспех протирает пол.

— Эх! Вечером дочищу, — досадует он, берёт каску, и... от неожиданности присвистывает:

— Нифига себе! Дырка!

Сашка осторожно просовывает палец в отверстие. И только сейчас замечает на каске крест.

— Фашистская, — обжигает, словно огнём. От страха сердце стучит в висках. Замерзшие ладони становятся мокрыми. В голове шумит. Саня видит фрица, который целился прямо в него. Сашка зажмуривается, закрывает голову руками и прячется за ванну.

Какое-то мгновение он вслушивается в тишину, понимая, что ничего не происходит. Собравшись с духом, он чуть приоткрывает глаза.

Ванная. В ванной он. Рядом никого, тем более фашистов. На полу каска. Сашка переводит дух и быстро запихивает, еще мокрую каску, в мешок.

«Вот все удивятся!» — думает Сашка, прихлёбывая воду из-под крана.

— Пацаны! Ля, чё у меня есть! — выкрикивает Сашка у крыльца школы, но его никто не слышит, — со звоном все бегут по классам.

По расписанию первый урок «Природа». Сашка даже не успевает портфель поставить, как в класс входит Клава, — так между собой все называли учительку. Класс замирает.

— Здравствуйте, ребята. Садитесь.

Начинается урок, но Сашка ничего не слышит. Он всё проверяет содержимое мешка, пытается вытащить трофей, но не решается.

— Как же долго тянется урок.

В своих беспокойных раздумьях Сашка и не замечает, как оказывается под партой, как вытаскивает-таки каску, натягивает на голову и застегивает под подбородком.

— Светка! Светка! — шепчет Сашка, демонстрируя трофей под партой.

— Ух, ты! — Светка от неожиданности вытаращила глаза,

— Где взял? — шепчет еле слышно. Сашка уже готов рассказать про пустырь, про вчерашнюю войнушку, но слышит строгий голос Клавы:

— Иванова, ты что вертишься?

Светка замирает от страха.

— Ильных, что ты там делаешь? Сашка видит, как Клава решительно направляется к последней парте.

— Сейчас же вылезь оттуда! — грозно приказывает учительница и тянет Сашку за плечо. Он машинально пытается стянуть с головы каску, но она, как назло, не снимается. Деваться некуда. Сашка вылезает из-под парты. В классе на мгновение устанавливается полная тишина. Девчонки, ничего не понимая, смотрят то на Сашку, то на каску.

Сашкино лицо, жутко красное, покрывается испариной. В голове его шумит и стучит, глаза ничегошеньки не видят. Он и сам не рад своей затее; и всё пытается расстегнуть

ремешок каски, — пальцы не слушаются. На глаза наворачиваются слёзы, но разреветься прямо в классе, тем более перед девчонками, — это стрёмно. Сашка держится из последних сил.

Пацаны есть пацаны. От шока они отходят первыми.

— Бей фрицев! — зло выкрикивает кто-то.

И тут же раздаётся:

— Пух! Пух! — это, прицеливаясь пальцами, изображают стрельбу те, кто посмелее.

Класс уже гудит.

— Тише все! — нервно кричит Клава. Взгляд её становится грозным. Голос срывается на крик:

— Да как ты смеешь?! Позорить имя пионера?!

— Да ты! Ты! — Клава сразу не может найти слово, — Ты фашист! Таких, как ты, судить надо!

От крика учительницы дети замирают.

Они не понимают до конца, что происходит и что может произойти; их маленькие сердечки напряжённо сжимаются и учащённо бьются от чего-то непредвиденного, страшного.

Вечер прошёл как обычно. Ужинали все вместе. О том, что произошло в школе, Сашка не стал говорить матери. Поздно вечером, когда все готовились спать, раздался звонок. Двери открыла сестрёнка. В дом вошли люди в милицейской форме, их было много. Сашка даже не успел понять, что произошло.

Здоровенные дядьки скрутили матери руки, когда она, ничего не понимая, старалась закрыть собой сына от ударов, и всё кричала:

— Сашенька! Сашенька!

На расширенном заседании педсовета мать всё плакала и никак не могла понять, за что сына надо отчислять из школы. Но все проголосовали единогласно «Исключить».

Позже, суд объявил 10 лет детской колонии по статье «За измену Родине».

Вот эта каска — эхо войны.

Сегодня она — экспонат городского краеведческого музея. Она как эхо далекой войны.

А в моем сердце, эхом отзывается история о Сашке, четверокласснике самой большой школы города, по судьбе которого, словно танком, прокатилась война.

г. Челябинск

Людмила Владимировна

На воздушном шаре с друзьями

Лучше их нарисую

По двору гуляет дедушка Мороз,
Мне румянит щёки и морозит нос.
Солнце опускает с неба яркий луч,
А Мороз смеётся, ждёт снежинок с туч.
И летят резные на мою ладонь.
Люди говорят мне: «Отпусти, не тронь!
От тепла заплачут эти малыши.
Станут просто каплей лучики души».
Красоту снежинок лучше рассмотрю я,
Их потом в альбоме дома нарисую!

Сладкий дом

Ах, какая сахарная вата
Приютилась в небе голубом!
Вдаль плывёт корабликом мохнатым,
Где волшебник строит сладкий дом.

Делает из вкусной ваты стены,
Кроет крышу, лепит дверь, балкон,
Окна леденцами, непременно,
Разными украсит в доме он.

На воздушном шаре я с друзьями
К новоселью дома поднимусь,
Удивлю волшебника стихами
И волшебной ватой угощусь!

Вдвоём легче

Как сводные сестрёнки,
Здесь липа и берёза
Сошлись, от всех в сторонке,
Боясь мирской угрозы.

Ветвистыми руками
Они, обнявшись свято,
Стоят под облаками,
Плывущими куда-то.

На лице бархат тёмный.
Он стройный стан ласкает.
Берёза ж белым, скромным
Нас платьем удивляет.

Не страшно знойным летом
Под ярким им светилом,
И зимних вьюг приветы
Выдерживать под силу.

Друг дружке душу лечат
Уж двадцать лет «сестрёнки».
И людям в жизни легче
Вдвоём идти по «кромке».

Верные друзья

По эпизодам из фильма «Белый плен», США

Я хаски — добрая собака,
И внешним видом я пленяю всех.
Не ведомо мне слово «драка»,
В упряжке быстрой нужен мне успех.

Всегда, с такими же друзьями,
Дорогами Антарктики я мчусь.
И снег искрится под ногами,
И лаем чувства выразить стремлюсь.

Когда на полюсных широтах
Тонул хозяин в ледяной воде
Канат с петлёй мне бросил кто-то,
Я друга спас, ползя на животе.

Нас в экспедиции столь важной
На борт, обратно, вертолёт не взял.
Шесть месяцев семьёй отважной,
С поддержкой стаи, каждый выживал.

Питались мясом мы касатки,
Всем мощным телом вмёрзшей в лёд,
И верили, что будет сладко —
Хозяин скоро нас домой возьмёт.

Там злой тюлень мне ранил ноги,
И Том, вожак, носил еду.
Вдруг вездеход! Но нет тревоги —
То было наше «счастье» на ходу.

Свое спасение встречая,
Бежала стая шумною гурьбой.
В снегу лежал я замерзая,
Разбитый своей жалкою судьбой.

Но Том с собой хозяина привёл.
Всё ж помнил, как я жизнь ему спасал!
Меня он поднял, с шерсти снег обмёл,
А я в лицо его от радости лизал.

г. Снежинск

Зоя Савина

8 лет, учащаяся МОУ «СОШ № 59 им И. Ромазана»

Сказки

Сон козленка

Однажды шел козленок по лугу и увидел, что все животные занимаются своими делами: корова жуёт траву, кукушка кукует, а лягушка квакает. «А какое же у меня главное дело?» — подумал козленок. Но солнышко так пригрело, что козленок уснул. И ему приснилось, что он идет по лугу и видит — что корова кукует, кукушка жуёт траву, а лягушка кукарекает. Испугался козленок и от испуга проснулся. Я увидел, что все хорошо — корова жуёт траву, кукушка кукует, а лягушка квакает. Тогда козленок понял, что если что-то страшное видишь, то это только сон.

Девочка Зима

В давние времена жила на вершине высокой горы девочка по имени Зима. Она была очень красивой и трудолюбивой. Любила шить, петь и танцевать. Вот как то раз к ней в гости пришла ее подруга Фея лесов и рассказала, что там у подножья горы бегут реки, текут ручьи, растут красивые цветы, на деревьях птицы вьют гнезда. У Зимы загорелись глаза от любопытства, ей захотелось посмотреть на все это, но она не решалась, потому, что ни когда в жизни не была в низу. Но вот однажды — утром девочка Зима проснулась и спустилась в низ с горы. Чем ниже она спускалась, тем все сильнее и сильнее замерзали реки и озера, на леса и луга ложился снег. Когда Зима это увидела, она села под дерево и начала плакать. Но вдруг она услышала голоса детей:

— Ура! Зима пришла! Так много снега! Будем кататься на коньках и санках! Как здорово!

Девочка Зима обрадовалась и решила, что будет каждый год спускаться с горы, чтобы веселить и радовать детей.

г. Магнитогорск

Расскажу о жизни себе самому

Синквейны

* * *

* * *

Человек
Жадный неблагодарный
Упрекает держит обрекает
Каждый день сильнее разочарован
Умрет

Болезнь
Полезная радостная
Лечит спит ведет
Хуже уже не станет
Искупление

* * *

Имя
Казенное стройное
Создает показывает лжет
Оттого лишь пустой псевдоним
Клеймо

Хокку

Встретит холодная ночь
Расскажу о жизни себе самому
Возьму с полки маску

Безумец

Заснет когда станут теплее холода
О короне артериального голода забыв
Проснется под журчанье суставных скрипок
Воедино соберется пожирая поток радиации солнца
Тянувший в третьей плоскости вектора бесхребетный король
Сквозь ненависть и злобу ректора улыбчивый пароль
Донося до приبلудного населения
Жуткий смех на частотах тишины
Непробудные сны копируя в мысли
В крышку гроба моля вас забить черно-алого стебля цветы

Человек в пижаме

Иду по небу Нью-Йорка скитаясь
Тесня близ собой сотни высоток
Обойду часть из них стороной
И гляжу сверху вниз

Иду и слышу душераздирающий свист
Вижу в пижаме впереди человек
Стоит улыбаясь сквозь спину свистит
Необычный вид лишь в одном

Через его плечо перекинут пояс
Из омертвевших от времени птиц
Себя давно потеряв летел я уже вниз головой
И только громче становился тот душераздирающий свист

В ту же минуту рухнул в объятья земли
И тут же проснувшись в укромной постели
Смог наконец с облегчением вздохнуть
Но за окном меня ждал знакомый зеркальному кругу свист

Алла Федосеевкова

С комсомольским задором

быль

86

Граффити № 3(35) - 2018

Что такое счастье? — вопрос глобальный и глупый. Потому что ответить на него объективно практически невозможно. И это понятно каждому взрослому человеку со средним уровнем развития интеллекта. Но шестнадцатилетние подростки, самоуверенные и убеждённые в том, что для существования в мире им хватит двух красок, об этом даже не догадывались. Для них и сам вопрос, и ответ на него были одинаково понятными и ясными. Как тот апрельский день, когда Элке, комсоргу девятого «А», взбрело в голову по полной загрузить одноклассников.

Ещё в самом начале сентября школьное бюро единогласно проголосовало за внедрение в комсомольскую жизнь таких активных форм работы, как диспуты. Организовать и провести диспут ответственная Элка планировала ещё месяц назад. Главное, чтобы шуму было поменьше. А ещё хотелось уложиться по времени в сорок пять минут урока. Весной время летит уж очень быстро. День вроде бы удлинился, но всё равно ничего не успеваешь. К концу учебного года приходится разгрести завалы накопленных промахов, пропусков и незавершённостей, готовиться к годовым контрольным и зачётам, писать сочинения, собирать металлолом и макулатуру, генералить класс: отскрести столы и стулья от посланий и криков души особенно не сдержанных в выражении чувств. А ещё — выходить на благоустройство пришкольного участка, выгрести прошлогодние листья, сооружать клумбы, высаживать цветы. Да и личная жизнь требует времени.

Элка долго думала, взвешивала и рассуждала:

— Тему для диспута можно взять любую. Лучше, конечно, актуальную, острую. Например, вялую активность некоторых комсомольцев на прошлом субботнике. Отлынивание «самых умных» одноклассников от участия в таком почётном мероприятии, как субботник, вполне объяснимо. Это же только называется: уборка школьной территории. На самом деле убирать приходится улицы и дворы всего посёлка. Конечно, мало приятного — выгрести зимние залежи хлама под окнами обленившихся жильцов двухэтажек. Да ещё, когда на твою голову прямо из форточки летит мусор или вонючие бумажные свёртыши с неизвестным содержанием.

Где-то глубоко в душе Элка даже оправдывала чистоплюев. Но что прикажете делать, если в этой самой, широкой и вполне миролюбивой Элкиной душе круглые сутки неуклюже ворочается и толкается большая комсомольская ответственность: несговорчивая, упрямая, негибкая. — Надо, значит надо! — Непокосимая ответственность недовольно хмурит брови, важно надувает губы, воодушевлённо машет красными флагами, дудит в пионерские горны, гремит в барабаны и кузнечным прессом давит на сознательность.

— Да кому это надо? — Вопрос — оправдание начавших на субботник Элка относит к риторическим и даже не достаивает ответа. Да и чем она может переубедить этих, «самых умных»? Разве что вялым обсуждением-осуждением на комсомольском собрании или угрозой устного выговора на бюро? А сами «самые умные» и не скрывают, что мало переживают по поводу всеобщего порицания их вызывающего поведения. Плевать они хотели и на устав, и на выговор, и на плохую характеристику.

Элка решила не будить лихо. Вопрос о счастье казался ей беспроигрышным. — Каждый сможет высказаться, не опасаясь последствий. За урок успею выяснить, что оно такое, это счастье, и, если повезёт, утвердить план работы на следующий месяц. Листок с проектом вторую неделю болтается на стенде классного уголка и не родил ещё ни одного вопроса. Значит, всё пройдёт тихо-мирно. Ещё и на тренировку успею.

Элка озабоченно вздохнула, сгребла с парты тетради и учебник химии, запихнула в портфель, уверенно вышла к доске, взяла мел и написала крупными печатными буквами: «ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?»

Звонок прозвенел, а комсомольцы продолжали обсуждать личные проблемы, игнорируя Элкины призывы к тишине и вниманию.

— Слушайте, ну давайте потише! Чем раньше начнём, тем раньше закончим! Кто хочет высказаться?

Комсомольцы попричихали и стали оглядываться, демонстрируя полную непричастность к мероприятию.

— Ну, кто смелый? Вопрос всем понятен? — Элка строго сдвинула выгоревшие брови.

- Да чего тут непонятного? — всезнающий и самоуверенный Котя медленно высвободился из тесных объятий стола и с видом думающего увёл глаза в потолок.
- М-м-м... да. Счастье, оно, конечно, не пельмени, чтобы долго разжёвывать. Но подумать стоит. Думать, вообще, — очень полезное занятие. Начнём с того, что счастье в моём понимании — это сугубо индивидуальная, я бы даже сказал, сугубо интимная вещь.
- Ну, пошла писать губерния! Ты давай конкретно и коротко. Не мути воду. — скомандовала Нинка Коротова. — Это тебе не урок истории.
- А при чём тут урок истории? — Котя удивлённо поднял правую бровь. — Я же не для личной выгоды вызываю огонь на себя. Сами же вечно просите.
- Слушай, кончай выпендриваться! Давай по существу!
- Ну, а я что, не по существу? Счастье, оно же у каждого своё.
- Вот и не увиливай! Расскажи нам конкретно, какое оно у тебя? Твоё личное?
- Моё личное... — Котя замялся и подозрительно ощупал прыщавый, распухший от играющих гормонов, смуглый нос. — Ну, сначала школу надо закончить, в институт поступить... И вообще. Чтобы жизнь устроилась как-то. Чтобы квартира, машина, должность приличная.
- И это твоё счастье? — Нелька разочарованно оттопырила красиво очерченные пухлые губы. — Тоже мне счастье: портфель с галстуком.
- Ну, не дворником же работать после десятилетки?
- Правильно! — Элка попыталась приподнять статус обсуждаемой темы на должную высоту. — Ты же комсомолец! Обязан смотреть шире и выше. Ты с точки зрения человечества раскрой вопрос!
- Эллочка, какое мне дело до всего человечества? Я один раз живу и счастья хочу своего собственного, индивидуального!
- Ну, ты и фрукт! Индивидуалист! А ещё комсомолец! — Нелька демонстративно пересела на соседнюю парту к Вовке Сёмину, самому высокому и молчаливому парню из трёх девятих. Вовка лениво отъехал на стуле к противоположному краю стола и уставился в окно. Ему, похоже, всё было до лампочки: и Нелька, и диспут, и счастье.
- Все заржали, задвигались, затопали. Кто-то даже засвистел.
- Элка испуганно выглянула за дверь и зашипела:
- Вы чего? Тише! Уроки же идут. А ты, Котька, как сознательный член социалистического общества, должен мечтать о счастье всеобщем! Или хотя бы о счастье своей страны.
- А я о чём? Если каждый член общества будет чувствовать себя счастливым, то и общество в целом будет счастливым. Логично? Я в этом абсолютно уверен. А что, тут кто-то со мной не согласен? Это же элементарное «Обществоведение»!
- Я не согласен! — Мишка встал в узком проходе и вызывающе сложил руки на груди. — Вообще не согласен! Это твоё счастье — не счастье вовсе, а зимний сон хомячка. Брюхо набил, за щёки понапихал и полёживай, жди, когда ещё больше счастья привалит. Так что ли?
- Не-е-е... Ты давай, не упрощай! Не надо мне тут узость мышления и контрреволюцию приписывать. Я — как все: за мир во всём мире и всеобщую справедливость. Не упрощай!
- А я и не упрощаю. — Мишка обвёл периметр класса серьёзным взглядом. — Сидите тут, ржёте. А сочинение про Павку Корчагина полкласса написало. А про Маресьева? Про Александра Матросова и героев-краснодонцев? — Примеры для подражания! Хотим быть достойными!
- Ну, ты хватил! Сейчас же не война, чтобы жизнь отдавать и подвиги совершать. Мы же о счастье, а не о жертвах во имя мира во всём мире, — назидательно упрекнула ответчика Нинка.
- Да как вы не понимаете? Никакое счастье и мир во всем мире невозможны, если каждый будет думать только о себе, о личной шкуре, о собственном благополучии!
- Своя рубашка ближе к телу! — коротко сформулировал Федька, лениво поведя накачанными плечами, обтянутыми синей спортивной футболкой.
- Ну и сиди всю жизнь в своей рубашке! — подскочила Наташка Ястребова. — А БАМ кто будет строить? А Коммунизм по-твоему тоже сам по себе во всём мире установится? Другие что ли должны за тебя отдуваться?
- Да не надо за меня отдуваться. Кто тебя просит? Каждый сам отвечает за свою жизнь. Ты тут не пыли, Натуля! И БАМ без твоего участия построится и коммунизм установится! Успокойся! Да мне, если хотите знать, вообще пофиг чужие тараканы в чужой голове. Кто хочет, пусть лезет на амбразуры, пусть подвиги совершает. Да хоть в космос! А я хочу просто жить. Хочу, как минимум, установить новый мировой рекорд, побывать в кругосветке и на Эвересте, позагорать на берегу Тихого океана. Хочу на футбол, в кино, в театры ходить. Я вот Никулина обожаю. Что, цирк тоже не вписывается в общее представление о счастье?
- Причём тут цирк? Ты, Федя, не вали цирк с коммунизмом в одну кучу!

— Цирк — тоже наша жизнь. Люди ходят в цирк, чтобы быть счастливыми и улыбаться.
— Круглосуточно улыбаются только дебилы и спортсмены. Они и счастливы чаще других, — не сдавался Котя.

Федька высоко поднял согнутую в локте атлетически бугристую руку и увесистым кулаком со сбитыми костяшками качнул пару раз из стороны в сторону. Котя сделал вид, что намёка не понял.

— Послушайте, неужели нельзя быть счастливыми просто так, без всяких там подвигов и заморочек по поводу сознательности? Вон, даже Катерина из «Грозы» понимала, как мало надо человеку для счастья. — Наташку, как всегда, повело в сторону лирики.

— Ага! И сиганула с обрыва головой вниз. — Вовка Семин, наконец, подал знаки своего присутствия.

— О! Некоторые, оказывается, классиков иногда почитывают. А на уроках литературы почему-то молчат, как партизаны. Это чтобы не выдать своего высокого интеллекта? — Съехидничала отличница Людка Матвеева.

— Наташка Ястребова гордо вскинула подбородок и насмешливо опახнула одноклассников густым веером загнутых к самым бровям ресниц:

— Вы что все того? Совсем не допускаете, что человек может быть счастлив просто потому, что весна пришла, солнце светит и птицы поют?

— Да знаем мы про твоё счастье! Успокойся. Вон, за дверью тебя дожидается. Опять, наверно с алгебры сбежал. Боится, чтобы не увели. Дон Жуан шанхайский! — Валька с вызовом уставилась на Наташку и, дразнясь, вытянула губы уточкой.

— Да, представь себе, дожидается! А тебе завидно, что не тебя дожидается? — Наташка в ответ показала язык.

— Ой, да нужен он мне, как собаке пятая нога!

— А чего ж ты его записочками забрасываешь? Глазки строишь? Подруга называется.

— Я? Глазки строю? Кому? Не... Вы слышали? Я глазки строю? — крепкая Валька хлопнула широкой ладонью по столу и танком двинула на хрупкую Наташку. Забыв о важности мероприятия, крокодиловой хваткой Валька вцепилась в чёрные локоны подруги.

Девчонки визжали, плевались и шипели. Растащили их через пару минут. Наташка, громко дыша и обмахиваясь дневником, вернулась за парту, достала расчёску с зеркальцем и, как ни в чём не бывало, взялась приводить в порядок кудрявую, вставшую торчком чёлку. Растрёпанная Валька схватила портфель, на ходу двинула Наташку по спине и хлопнула дверью. Дверь вздрогнула так, что сверху посыпалась извёстка. Два больших планшета классного уголка мгновенно оказались на полу. Наташка, не отрывая глаз от зеркальца, дёрнула плечом:

— Дура, несчастная!

— А это называется борьбой за счастье, — пояснил Котя.

— А что? За счастье не надо бороться? — Нелька гневным взглядом холодных серых глаз навывлет прострелила Котин прыщавый лоб.

— Слушайте! Давайте продолжать. — Элка украдкой взглянула на часы. — Кто ещё хочет высказаться?

— Да, чё тут говорить? — Славка показушно зевнул и потянулся. — И так всем всё ясно: счастье у каждого своё и за него надо бороться.

— А тебе-то, Буратино, с кем бороться? За твоим счастьем очереди не наблюдается, — ухмыльнулся Федька.

— А ты моё счастье не тронь! — худенький длинноносый очкарик ящеркой метнулся к обидчику и вопросительным знаком завис над лохматой головой спортсмена. — Чего ты? Больше всех надо? По шее захотел?

— От кого? От тебя что ли? — Федька даже растерялся от наглости близорукого хлюпика. А Славка громко запыхтел и по-девчоночьи бестолково зашлёпал по воздуху растопыренными ладошками. Широоченными лапищами Федька сноровисто обхватил тоненькие Славкины запястья и одним рывком припечатал его рыжеволосую тыковку к своей необъятной грудной клетке.

— Да, успокойся ты, псих! Сядь на место и не нарывайся. Я сегодня добрый. Слабых не трогаю. А счастья у меня своего навалом! Целая волейбольная команда. Если кому надо, могу поделиться.

— Пошляк! — Славка высвободился из Федькиных объятий, презрительно тряхнул головой и уселся на подоконник.

— А можно мне? — Лиза Самбеева, как на уроке, тянула вверх узкую ладошку.

— Давай, выскажись! Ты же у нас сознательная! — разрешил Санька Иванов. — Давай, Лизок! Врежь им!

— Я, конечно, извиняюсь. Я, может, не по теме... Но я считаю, что счастье — это прежде всего ответственность. И за себя, и за свои поступки. И за других, конечно, тоже. Ну, за тех, кто с тобой рядом, кто на тебя надеется и верит тебе.

— Чего? Какая ответственность? Причём здесь ответственность? — удивился Славка.

— А при том! Тут некоторые из себя изображают высоко сознательных и идейно подкованных, а сами четвёртый месяц в библиотеку бессовестно книги не сдают. — Лиза вытащила из своего дневника сложенный вчетверо листок, развернула и стала трясти в воздухе. — Вот у меня тут список. Валентина Ивановна дала. Тут шесть человек из нашего класса. А скоро конец учебного года. Я что, должна за вами всю четверть бегать, напоминать? Делать мне больше нечего?

— Лизок, кончай бухтеть! Причём тут книги? Может, я их по пять раз перечитываю, чтобы глубже вникнуть. — Серёга Страхов попытался перевести в шутку упрёк одноклассницы.

— На воре и шапка горит! — хмыкнул Славка.

— Кто бы говорил? Славик, ты давно не сдавал членские взносы. У меня вот тут все должники записаны. — Лиза достала ещё один листок — компромат, исписанный аккуратными круглыми буквами.

Собрание оживилось.

— Лиза, ты сядь, пожалуйста! Не уводи диспут в сторону. У нас время ограничено. — Элка повторила попытку завернуть поток общественного сознания в нужное русло.

— А у меня не ограничено? Сама же поручила взносы собирать.

— Вот и собирай. Активность тебе зачтётся. Только не надо мне тут срывать мероприятие.

— Да, чё тут рассусоливать? Счастье им подавай. Какое вам ещё счастье? — в диспут вступил Гоша. — Да у всех у вас счастья по горло! Просто не замечаете! А вы хоть знаете, что у Витьки мать третий месяц с кровати не встаёт? А у него ещё брат с сестрёнкой на шее. Он им теперь и отец, и мать. Вы хоть раз интересовались, на что они живут? Только и умеете обсуждать да осуждать. — Почему опоздал? Почему не был?

Некогда ему тут с вами ерунду обсуждать. Ему варить и стирать надо, матери уколы ставить, ребятню в садик каждое утро отводить, а вечером забирать. Да ещё хозяйство и уроки.

Комсомольцы притихли.

— А что же он молчит? Мог бы прийти, поделиться, попросить помощи, — робко предложила Танька.

— А чем вы можете помочь? Говорильней только и умеете заниматься.

— Почему говорильней? Девочки могли бы варить и стирать. Там... полы помыть, посуду... Мальчики тоже что-нибудь помочь могут. — Танька искала поддержки. — Надо сегодня же пойти к нему домой и всё решить. График установить, очередь. Может, денег собрать на продукты?

— Не возьмёт он ваши деньги и в дом никого не пустит.

— Почему не пустить?

— Он гордый! Всё сам решает.

— А как же учёба?

— Спихватились! Он уже неделю как в вечернюю школу перевёлся.

— А ты всё знал и ничего не сказал?

— Толку-то с вами говорить! У вас же счастье. Вам не до Витьки.

— Ну, может, мы и правда недосмотрели, недостаточно внимательно отнеслись к своему товарищу. Но всё же можно исправить. — Элка растерянно развела руками.

— Ага, исправит она. Это жизнь. Каждому своё. Чего тут исправишь? Кому мать больная и концы с концами не свести... А кому «Волга» папина и на Чёрное море каждое лето.

— Это ты на кого намекаешь? — вскочила Любочка Вальчук и надменно сморщила конопатый носик. — Завидуешь?

— Ну вот, и получается, что Котька прав! У каждого своё собственное индивидуальное счастье! И нечего тут! — Федька пренебрежительно махнул рукой. — Сидят, рассуждают... Делать больше нечего, что ли?

Нинка Коротова молча встала и двинула по Федькиному квадратному затылку учебником физики. Федька пружинисто вскочил на стол и отпрыгнул в сторону книжного шкафа, куда устремилась Нинка. Спортсмен немного промахнулся и громко врезался мускулистым плечом в фанерный бок шкафа. Шкаф ничего не подозревал и расслабленно наблюдал за происходящим. Когда Федька с ускорением приложился к его угловатому телу, старый шкаф тихо охнул, задребезжал стеклами, раззявил фанерные дверцы и вывалил содержимое тёмных внутренностей на свет божий.

Девчонки кинулись собирать старые журналы, тетради, свёрнутые в рулоны географические и исторические карты, картонные коробочки, какие-то папки с оборванными шнурками. Потом взялись рассматривать и обсуждать фотографии, которые выскользнули из жёлтого конверта и веером рассыпались по полу. Мальчишки тоже переключили внимание и азартно заспорили о вчерашнем хоккейном матче с участием юного Третьяка. Класс гудел, шевелился и жужжал, как пчёлы на цветущих яблонях в школьном саду.

— Ну, ребята... Вы чего? Вы же срываете политически важное мероприятие. Мне же отчитываться скоро на школьном бюро. А вы... — от переживания Элка пошла красными пятнами, вспотела и еле сдерживала слёзы.

— Да ладно, Элечка! Не плачь. Вечно тебе больше всех надо. — Танька встала рядом и положила руку на Элкино плечо. — Ты давай, это, сама скажи как надо. А мы проголосуем, подпишемся и разойдёмся. Через минуту урок кончится.

Под залиvistый смех школьного звонка комсомольцы дружным стадом ломанулись из класса. Кто-то опрокинул полную мусорку, кто-то двинул ногой по ведру для мытья полов. А кто-то не вписался в намеченную траекторию и сломал стройные ряды столов и стульев. Активисты девятого «А», его политическое ядро, оживлённо переговариваясь, с комсомольским задором затопали по коридору второго этажа, оставляя на свежевывымытом полу широкие, смотрящие вперёд, уверенные следы.

А комсорг, уныло уставясь в пустой проём распахнутых дверей, обиженно хлюпал носом. Забыв про носовой платок, Элка рассеянно подхватила подол чёрного сатинового фартука, смахнула повисшие на подбородке слёзы и громко высморкалась.

— Хорошо хоть, диспут успела провести. И пусть только попробуют сказать, что его не было! Жалко, план не утвердили. — искала она поддержки и сочувствия у Таньки.

Подруга успокоила:

— Да ладно тебе. Сама утвердишь. Им же всем всё равно.

— Точно! И ну их всех! И диспуты эти! — Элка прерывисто вздохнула и заулыбалась. — Таньк, ты представляешь? — Через полторы недели летние каникулы начнутся. Каникулы! Вот это — счастье!

г. Коркино

Наталья Нестерова

Наш классный папа, или Как меня исключали из комсомола

Педагогическое училище. Звонок с урока. Всея группой высыпаем из аудитории в актовй зал. На стене висит новый номер газеты на двух листах ватмана «Народный учитель». Её выпуск возглавляет преподаватель русского языка, а оформляет учитель рисования. Газета красочная, целый раздел посвящён стилям. Нарисованы девицы с «конскими» хвостами, ярко накрашенными губами, в коротких юбках и цветных чулках. 1965 год, уже нет жестокости времени репрессий, но нам внушают, что будущие советские педагоги не могут выглядеть как стилисты, это позорит всех учителей.

— Девчонки, девчонки, смотрите, вот карикатура на нашу Риммку! А ведь вчера приходила газетчица и спрашивала, как Римма ведёт себя. Мы же ей ответили, что она скромная, не красится, хорошо учится.

Группа зашумела, завозмущалась. Стоящая рядом со мной Зоя протянула мне цветной красно-синий карандаш и сказала:

— Вычёркивай Риммкину фамилию, пусть прислушиваются к мнению группы.

Я взяла, и синей стороной карандаша провела по этой фамилии.

Прозвенел звонок на урок. Мы ждём своего «классного папу». У нас у одних классный руководитель — мужчина, учитель русского языка и литературы, Васильев Михаил Степанович, между нами — Мишенька. Всегда собран, подтянут, чисто выбрит, аккуратно одет, со студентами — на «Вы». Почти все относятся к нему с большим уважением, а некоторые наши девочки просто в него влюблены. Он входит в класс спокойным шагом, но почему-то сильно побледневший. А за ним, разъярённой пантерой, вбегает пожилая ярко-рыжая редактор, и, сверкая глазами, начинает кричать:

— Кто посмел докоснуться до стенной газеты? Это политическое преступление, за это надо исключать из комсомола и выгонять из педучилища!

Я никогда не пряталась за чужие спины, была комсомолкой по убеждению, а не «ради чинов и наград», и не чувствовала себя виноватой:

— Я вычёркнула. Пишите правду, тогда никто не будет исправлять написанное.

Поток красноречия метрессы перешёл на более высокий тон и высокие слова. Она договорилась до того, что я и на неё могла бы поднять руку.

— Завтра после уроков — комсомольское собрание по исключению из комсомола, — закончила она металлическим голосом свою речь и, гордо подняв голову, разрезая огромной грудью пространство, пошагала из класса. Такого поворота никто не ожидал. Наш «классный папа» дал нам большое письменное задание, а сам куда-то вышел. Обычно он никогда не покидал аудиторию во время урока.

«Наверное, вызвали к завучу или к директору из-за меня, — подумала я. — Вот уж не ожидала, что принесу ему столько хлопот. Поди, и к парторгу пошёл, тот всегда помогает в сложной ситуации».

Буквы перед глазами расплываются, упражнение я не пишу, а тупо черчу на промокашке углы и овалы и бормочу:

— Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал. Я с детства полюбил овал, за то, что он такой законченный. Я с детства...

Перед концом урока Мишенька подходит ко мне и передаёт просьбу завуча зайти после занятий в её кабинет. На рисовании я размазываю акварель по листу альбома. Учитель удивляется моей мазне, всегда рисовала хорошо, но ничего не говорит. Наконец, стучу в кабинет к завучу. Её мы любим: грубовата, но умна и честна, правду говорит в лицо, ругает — за дело. Меня ругать не стала. Рядом с ней сидит Мишенька. Оба начинают убеждать, чтобы я признала свою ошибку. Соглашаюсь, что действовала неправильно, надо было писать опровержение в газету и поставить подписи всей группы. Тут под огонь попала Риммка: её старшая сестра училась до нас тоже у Михаила Степановича, вела себя вызывающе, много крови ему попортила. Тень негатива невольно пала и на младшую сестру. Я продолжала защищать подругу.

— А где она сегодня? Чтобы завтра обязательно была!, — велела завуч и отпустила меня домой, а Михаилу Степановичу сказала: «Вы тоже идите, не теряйте времени».

Пока я одевалась, видела в окно, как наш классный папа пошёл не в сторону своего дома, а с нашими девочками, по их улице. Он иногда обходил все квартиры и дома, где мы жили, беседовал с родителями или хозяйками. Своего общежития у педучилища не было.

— Неужели будет делать обход сегодня? Такой трудный день, да и поздновато уже.

Бреду. Полная опустошённость. Плакала я редко. И здесь держалась целый день. Но когда по свежему снежку шла домой, меня догнал батя (так мы с братом звали отца). Они с мамой работали в педучилище, но в соседнем здании: мама в библиотеке на втором этаже, а батя — в кабинете труда, на первом. Он взял меня за руку и сказал:

—Ничего, но пасаран! (они не пройдут).

И тут я заревела в голос. Улица была пустая, но мне было всё равно, слышат ли меня. Наружу выплеснулись всё напряжение прошедшего дня. Батя растерялся, чуть ли не бегом поспешил со мной домой, но перед домом я взяла себя в руки: нельзя было пугать ещё и маму. Она позвала нас ужинать и спокойно сказала, что надо пережить ночь, а утро вечера мудренее, и всё закончится хорошо. Откуда она-то узнала? Неужели Мишенька успел рассказать? Мама так убедительно и уверенно говорила, что я успокоилась и стала думать, как и что буду завтра отвечать. Ну, а если выгонят — вернусь к друзьям в школу.

Первый год я по ним очень тосковала. Девочки из группы в училище почти все были из дальних деревень, у многих в школе работало два — три учителя, которые вели все предметы, как могли. Мне было с одноклассниками скучно. Я часто поддразнивала девчонок и за диалектные словечки, и за зубрёжку, и за малый кругозор. И острым словом могла поддеть, и понасмешничать, и обидеть. Кто же за меня скажет доброе слово и поддержит? За эту ночь я многое о себе поняла и дала слово: при любом повороте дела изменить на всю жизнь отношение к людям. Утром шла в училище, собрав мужество, и решила всё выдержать и ни в коем случае не реветь. Перед уроком в классе появилась Римма. Девчонки накинулись на неё, как на главную виновницу, велели сидеть смиренно, молчать и заплести косу (а их уже лет пять, как не носили).

И вот в класс вошли: наш классный папа, парторг училища, куратор студенческого комитета комсомола и редактор стенной газеты «Народный учитель», главный обвинитель по политическому делу. Естественно, первое слово было её. Снова пафосные речи, снова политические обвинения и, конечно, предложение исключить из комсомола и из училища.

— Кто желает выступить по моему предложению?

Встаёт Зоя, которая подала мне карандаш, с которой я сидела за одним столом и всегда делилась и бутербродом и написанными упражнениями, и говорит:

— Я полностью поддерживаю предложение об исключении из комсомола, так как не может быть комсомольцем человек, совершивший такой политический проступок. Ну, а не комсомолец не может быть советским учителем.

Тишина стала такой густой, что я почувствовала её плечами. Ну, уж если Зойка... И вдруг спокойный голос Михаила Степановича:

— Девушки, высказывайте свои мнения, вы все комсомольцы и имеете на это право. Пожалуйста, Шура Орехова.

И словно по заранее написанному сценарию начинают вставать мои деревенские девчонки: Аня, Неля, Валя, Нина и другие, и говорят столько хорошего, что меня берёт оторопь: и староста я ответственная, за группу болею; и подруга надёжная: помогаю двум татарским девочкам освоить русский язык; и все сценарии составляю, все вечера веду; и классную стенгазету выпускаю; и на лыжах тренирую девчонок, чтобы зачет сдали; и ещё столько о себе услышала, что с трудом сдержалась, чтобы не разреветься. И каждую выступающую Михаил Степанович спрашивает:

— Ваши предложения?

— Объявить устный выговор за неправильное опровержение статьи в газете.

Классный папа чуть заметно улыбается, когда я смотрю на него. И тут начинаю понимать, что он весь вечер обходил квартиры, в которых жили наши девочки, убеждая и направляя в нужное русло выступления. Парторг поддерживает предложение группы. Значит, и здесь не обошлось без классного папы. Берёт слово куратор комитета комсомола училища:

— Я тоже поддерживаю предложение группы. И раз уж у вас есть такая активистка, которую вы все уважаете и которой доверяете, я предлагаю от вашей группы избрать её в комитет комсомола училища.

За это предложение проголосовали единогласно при одном воздержавшимся. На заседании комитета комсомола училища на следующей неделе меня избрали секретарём этого комитета и членом райкома комсомола города.

А дама, ответственная за выпуск газеты, как-то присмирела, ушла в тень. В пятидесятые годы она была парторгом училища, имела неограниченную власть, и настояла на исключении из комсомола влюблённой пары просто за то, что та не скрывала своих чувств и ходила, взявшись за руки. Михаил Степанович понимал: инициатор «судебного процесса», бывший парторг, живёт в старом измерении, где ей было всё дозволено, в том числе, и ломать судьбы людей. Он очень умно объединил педагогов, студентов и даже моих родителей, чтобы дать отпор зарвавшемуся в своей непогрешимости человеку. А нам показал: за правое дело надо бороться, только грамотно и объединившись, по-комсомольски.

Всё случившееся на втором курсе было для меня очень тяжёлым, но нужным уроком. Уроком порядочности педагогов, справедливости и доброты одноклассниц, и уроком коренного переосмысления моей жизненной позиции. И его мне преподавал без красивых слов и показных действий наш классный папа. Он учил студентов чувствовать себя взрослыми людьми, но в трудную минуту всегда поддерживал, подставлял надёжное плечо. Учил жизни. Учил в любых ситуациях оставаться честными. Безгранично наше уважение к этому педагогу и восхищение его мужеством, чистотой и человечностью. Книга стихов и рассказов Учителя стала для меня настольной. Всегда помню его, и всегда благодарна моему классному руководителю — Михаилу Степановичу Васильеву, который учил меня и моих одноклассников — комсомольцев не расставаться с комсомолом никогда.

Комсомол — моя судьба

Не верьте, ребята, людям,
Которые вам твердят
О скучных советских буднях:
У них искажённый взгляд.

Он видит лишь чёрное в прошлом,
Но было оно не таким.
Мы помним много хорошего.
Его очернить не дадим!

Носили мы галстуки гордо.
Мечтали вступить в комсомол.
Устав заучили твёрдо.
И день долгожданный пришёл.

Я помню, как сердце стучало,
Когда комсомольский билет

В райкоме своём получала
В неполных четырнадцать лет.

Скорей повзрослеть всем хотелось,
Чтоб нами гордилась страна.
Недаром ведь в песне пелось:
«Любовь, комсомол и весна».

Мы строили домны, плотины,
В суровой тайге — города,
А серых буден рутину
Стремилась прогнать навсегда.

А мне довелось быть вожатой.
Водить пионеров в поход,
Быть старшим другом ребятам,
Учить их движенью вперед.

Речёвки, массовки и сборы.
И песни в ночи у костра,
И диспутов жаркие споры.
И новых Тимуров дела...

Моё комсомольское время —
Горенья и счастья года,
И дух единенья со всеми!
Со мной комсомол навсегда!

Комсомолу сто лет

Сто лет комсомолу. Сто лет?
Какой же он старей, право.
Согбенный скучающий дед? —
Нет! Молод, овеян славой!

В гражданскую он начинал
И мчался как ветер вперёд.
Страну из руин поднимал,
А жизнь ощущал как полёт.

И первым во всём быть хотел:
В учёбе, в работе, в бою.
И множество добрых дел
В историю внёс он свою.

И тот, кто не ради чинов
Себя комсомольцем считает,
Не чувствует бремя годов,
Живёт и творит, и мечтает.

Об авторе

Наталья Васильевна Нестерова (Судницына). Награждена знаком «За активную работу с пионерами» ЦК ВЛКСМ. С 1965—1968 гг. — председатель комитета ВЛКСМ Спасского педагогического училища, член городского комитета ВЛКСМ города Спасска-Рязанского, с 1970 г. — старшая пионерская вожатая Спасской школы № 1. Окончила Спасское педагогическое училище (диплом с отличием), Рязанский педагогический институт. Работала преподавателем русского языка и литературы, 33 года проработала в Челябинском педагогическом колледже № 2. Отличник народного просвещения РСФСР, ветеран труда, инвалид 2-й группы, общий педстаж — 41 год. В настоящее время является членом литературного объединения «Светунец» при Союзе писателей России. Автор очерков, рассказов и стихов, выпустила две книги поэзии и прозы, печатается в литературных журналах «Светунец», «Графоман», «Звёздный голос», «Откровение».

г. Челябинск

Наталья Ушакова

Любовь не умирает

Семья в стране

Закаляли меня, как хотели,
И учили меня, как могли.
Благодарна, меня не жалели.
Благодарна, за то, что секли.
Я в лицо получала удары,
И за душу вы тоже трясли.
Каждый день, вам казалось всё мало,
Обзывали, кричали, кляли.
Я в испуге реву не в понятия,
Ну за что — не возьму никак в толк.
Вы же мать и отец, даже братья.
Был роднее тамбовский мне волк.
Вам скажу за обиды, спасибо,
Скажу бате за то, что пропил,
Ты полжизни моей, той счастливой,
Той красивой, которой не жил
Твой кулак, что в пьяном угаре
Угощал нашу вздорную мать.
Вы, как бесы, по дому скакали,
На скаку, выдавая свой мат.
Не нужна никому я и в школе,
Там и вовсе чужие, враги.
Мой учитель, зовут его Коля,
Не стеснялся, ну как вы могли.
Он же знал, что семья — недоумки
Он же знал, что семья — дураки
Говорил он: «Вас выгнать из школы,
А по мне так вообще из страны».
Вот и выросли мы как уроды,
Посмотрите на нас, вся страна.
Что? Не нравится наша порода,
Нас на свет породил сатана.
Получайте своё без остатка,
Наркоман, проститутка и плут.
Мы хороним детей, без недостатка,
А вот смерть к нам приходит, как друг.
Друг за другом ушли, постепенно,
Брат один и другой и сестра.
Я вам честно скажу, откровенно,
Я ж сама в той семейке жила:
Брат сказал: «Не могу быть хорошим,
Быть плохим не хватает мне сил».
И петлю он на шее, потуже,
Как удила, как конь закусил.
Он же смерти боялся ужасно,
Он сто раз от неё уходил.
И с петлей не играл, знал: опасно,
А потом он её, закусил,
Смерть любила его и ласкала
И не важно, что был он плохим,
И вонзила в него нежно жало,
В этой жизни лишь ею любим.
Все ушли и отец, и мамаша

И остались вот я сестра.
Для сестры я, конечно, Наташа.
Для тебя мы остались, страна.
Вот растим мы детей от всех старших,
Мы не бьём, ни орём в срамоте.
Нет, не надо нам больше здесь фальши
И в любви пусть растут, в доброте.
Да неправда, что я как стальная,
Я простила давно уже всех.
Пусть играют детишки в том доме,
Разливался б по комнатам смех.

Водица

Сегодня стирала
Я мылом ковер,
Водой полоскала —
Явился узор.
Ох и затоптан
Ногами он был.
Сколько же грязи
В себе накопил!

Я мылила мылом,
Струей полила
И все мне отмыла
Трудяга вода.
Я почесть с поклоном
Воде отдаю.
Какая чистюля,
Её я люблю.

Вот пить захотела
И снова вода.
Я пью её, вкусно,
Она мне нужна.
Отмыла полы,
Варила обед
И в баню сходила
Ещё напослед.

Лежу на постели,
Всё чисто кругом.
И мысль в голове
У меня об одном:
Водичка, вода,
Ты жизни исток
Нам без тебя —
Печальный итог.

И стыдно, однако
Мне перед водой:
Беру её чистой,
Сливаю какой?

Всю грязь отовсюду
Уносит она.
От нас она терпит,
Увы, ни добра.

Я выйду на улицу,
Взгляну на луну —
Вода мне затронула
В сердце струну.
Луна, от меня
Спасибо скажи
Ты милой воде
Откровенно, без лжи.

В память о моей сестре

Разорвись ты, сердце, в тот же миг
И, душа моя, сожмись в комок
Ведь сегодня умерла сестра моя
С именем возвышенным Любовь.

Смерть внезапная случилась с ней,
Её сердце перестало жить
И глаза открытыми остались,
Мне пришлось, рыдая, их закрыть.

С тобою с детства мы в семье родной,
Ведь ты же нянчила меня.
Как страшно расставаться, Боже мой,
Не покидай меня, моя сестра.

Я по утрам боюсь глаза открыть,
Ведь пробуждаться страшно мне,
От горя сердце жмёт в груди
И даже я кричу во сне.

Ну как же Бог не пожалел детей,
Остались дочки у тебя.
Да не увидят больше мать,
И катится сиротская слеза.

Не в силах я тебе помочь
И лишь душа ревет навзрыд.
Не покидай, не покидай, Любовь,
Не покидай, не может быть...

Забрал тебя Бог навсегда
И не вернёшься ты назад,
Но как смириться с этой болью,
Как тяжело тебя терять.

Не лечит время никого из нас,
Печаль в душе живёт.
Живая рана у меня
Тоскливой болью сердце рвёт.

Я в небеса смотрю в ночи,
Пытаюсь что то увидеть.
И у меня в глазах глаза твои —
Я буду долго так стоять.

Для нас ты, Люба, не умрёшь,
Ты смотришь с неба, как звезда.
Бог мог забрать тебя к себе,
Но память нашу никогда.

Встреча с подругами

Вот хамло с перекошенным ртом,
Слюна с ядом марает лицо...
Ты ещё не вошла в дом —
Под ногами всего лишь крыльцо.

Чу! Сглотнула слюну в себя,
У неё натура горит,
Обжигает гадюку яд,
Овладев собой говорит:

Добрый вечер, ну как дела?
Маску надела, — её понесло...
Нас подруга вместе свела.
В старой лодке одно весло...

Пусть гребёт по себе, помолчу
Она старше, ей слово дано.
Но достанет — я закричу,
По соседству терплю давно.

В пик веселья — целуем друг друга в уста,
Наши души любовью полны.
Без подруг наша жизнь пуста,
Вы спросите у жёлтой луны.

Жлобы

Что ж жизнь стрелою пролетела
И я устал...
Я созидал, вокруг кипело —
Я дни листал...

Сейчас затих — не вижу смысла
В полёте дней...
Мне перед носом жлобы закрыли
Входную дверь...

Всё чем я жил и что любил,
Сказали: «Блажь!»...
Всё исказили, всё переврали.
В глазах мираж...

А в новой жизни мне подарили
Кусочек льда...
Он не растает, мне обещали,
Никогда...

Я приоткрыл входную дверь,
К ним заглянул...
Они жируют, я во лжи их
Утонул...

Ведь не бояться жлобы ни Бога,
Ни суда...
Я присмотрелся — совсем не люди —
Растут рога.

Возьму я крест, возьму кадило,
Сломаю дверь...
Что б у жлобов всё засмердило,
Затрясся зверь.

То, чем я жил и что любил,
Хочу вернуть...
О чём жлоб врал, что исказил —
Всё зачеркнуть...

Знаменьё

Пасха на небе взошла,
Я перекрестилась —
В деревню к маме подалась,
Вот, что там случилось.
В пятницу — виденье...
Мать мне рассказала,
Мне б искать спасенье...
Но начну сначала.

«Сумерки — в сарай иду,
Дать коровке сена —
Вилы в стог, а он стоит,
Я окаменела...»
«Кто стоит? Я не пойму —
Да скажи же толком». —
«Сатана, пришёл ко мне
И смотрел он волком».

Чур тебя, ну что за бред,
Верю и не верю —
Он предвестник страшных бед,
В дом несёт потерю...
Это позже, а пока,
Пасха, разговелись...
Вышла мама на крыльцо,
Вороны уселись...

Очернили весь забор,
Взгляд на мать уставлен.
«Кыш! — кричит, — поди-ка, вор...»
А один с глазами...
Да, горят они, огнём,
Ток... в глаза пускает...»
«Как узнала ты, что ток?...»
«Сама не понимаю».

Что за чушь, какой-то бред,
Плюнула три раза...
В гости к нам пришёл сосед,
Стопку без отказа,
Замахнул, яйцом заел, жить
Всем в здравии велел.
По соседям не трепались,
Страсти, кажется, унялись.

Только день ещё в разгаре,
Болтовня, как на базаре,
Вот к обеду к нам идёт,
Соседка Нина, к себе зовет.
Мы-то думали, что в гости
Промывать чужие кости.
Жду я мать, когда придёт,
А она ползком ползёт...

Крики, вопли, телефон...
Ей звонили, слышу стон...
Мне всё сразу стало ясно,
Что кричит мать не напрасно.
В ней лица почти не стало...
Коля... Коленька... — орала.
Коленька погиб от тока ...
Не сойти б с ума от шока.

Старший брат, а ей сынок,
Сатана... стерёг — стожок...
Коле было тридцать три —
Да вдень Пасхи... Посмотри!
Вот за кем ты приходил!
Маме душу бередил...
Мама плакала у гроба:
«Сатанинская утроба...»

Он погиб как раз к обеду,
Мы вели потом беседу.
Видно ждали небеса!
На земле мать (чудеса...)
С пятницы вовсю видала,
Да вот в церковь не бежала —
Свечу за здравие поставить...
Риски душам поубавить...

На работе он погиб,
Напарник вроде видел...
Только правду ль говорит?
Да беду предвидел?
Кто то выбросил плакат:
«Работают люди!!!»
Вверх рубильник, три тысячи вольт!
И душеньку на блюде...

Всё, что я вам рассказала,
Может, сердце зажимало —
Правда каждое здесь, слово.
Для Вселенной зло, не ново...
На Урале Коля спит,
Тополь рядышком стоит.
Ветер дует на могиле...
Изменить, никто, не в силе.

Любовь не умирает

Бальзаковский возраст,
Дети, работа —
В быту утонула.
Любовная нота...

Быльём поросла,
Но в душе затаилась...
Страдала, болела —
Шло время, лечило...

Но кто-то придумал
Школьные встречи,
Любовь — не подруга,
С ней в ссоре навечно.
Улыбки, бокалы,
Радостный смех —
Но только любовь,
Потеряла успех.

Я с ней по душам,
Уже говорила:
«Табу! Не встревай,
Искать... Запретила!»
«Молчи, отвяжись,
Сиди в уголке...
Тянешь как камень,
Хочу — налегке...»

Я встреч не желала,
Сам разыскал.
Любовь запылала...
Вселилась в бокал,
В глазах улыбнулась,
Сияет, искрит...
Мне сердце не колет,
Огнём всё горит.

Бойтся любовь, что...
Придётся болеть,
Бойтся не вспыхнуть,
Ночами стареть...
Как успокоить?
Сбежать от неё? от него...
Ну если догонят —
Так быть! Суждено!

Соловушка

Соловей на ветке трели распевал,
Сад весенний пыльным чудом, расцвел...
Раскидали аромат черёмуха, сирень...
Соловей игрист, песнь поёт: динь-день
Вот присвистнет он да прищёлкнет,
То затахнет вновь, чуть примолкнет —
Трель выводит как! Ах артист...
Чуть пониже взял, вышел в свист...
Соловей-соловушка где ты зимовал?
Прошлою весной, ты не так спевал,
Нотки вытянул, но язык другой.
Зимовал ты где? Под какой луной?
Может, в Африке грелся ты?
По Австралии летал, созерцал цветы.
Чужеземную жизнь в красках расписал...
О России им что ты рассказал?

В память о Леночке

Мраморная плита:
Лик Леночки в красе,
Надпись на века,
Веночек в уголке.

Дочкин волос в косе
Высечен в мрамор.
Цветочки в росе,
В слезах стоит мама.

Отец плачет: «Прости,
Я гордыней был болен.
Мамой быть запретил —
Ропот дочки не волен».

Всю в слезах увозил,
Тебе турок не нужен!
Что же я натворил,
Осознал, это ужас!

Детский смех в небеса
Отправлен тобою.
Погубил я двоих,
Расплатился слезою.

Замолить страшный грех
Вовек не сумею.
Сам женат по любви,
А любовью твою

Растоптал, задавил,
Стал злодеем для дочки.
За гордыню мне кара,
Бессонные ночи.

Смотрит Лена в глаза.
Тишина на могиле.
На цветке стрекоза
Изменить всё не в силе.

Неродившийся внук
Покоится с мамой.
Я истрёпан от мук
Разыгравшейся драмой.

Твой любимый пришёл,
Гроб осыпал цветами
И на мой строгий тон
Он ответил слезами.

Нож скользил по любви,
Руки пачкая кровью.
Я палач для двоих.
Как я мог так с любовью?

г. Магнитогорск

Анатолий Чигинцев

С минутой молчания

Воинам-афганцам
к 29-й годовщине вывода
советских войск
15.02.1989—15.02.2018

Время выбрало вас,
Вы прошли через это.
Выполняли приказ
от Кремлёвского света.

Через тот перевал
Попадали в засады.
И огонь, как кинжал,
Портил робе фасады.

Дан приказ! Так держать!
Чтобы шли караваны, —
Из-за камня стрелять
Вам по тем, кто не с вами.

Тот афганский синдром
Режет душу поныне.
С батальоном, с полком
Вы прошли как по mine.

Время выбрало Вас,
Вы стоите седые
В этот памятный час,
Но душой молодые...

Выпускникам 2008 г.

Вы сегодня повзрослели
Ровно все на десять лет.
В чём-то, может, преуспели
На столе большой букет.

Вы с любовью поднесёте
Классному учителю.
Хором школьный гимн споёте,
Посвящённый зрителю.

Вдруг, тоска слезой нахлынет —
Узкая тропиночка.
В венах кровь, чуть-чуть застынет —
Лёгкая пушиночка.

По тропинке с рюкзачками
В школу вы ходили.
Часто дрались с пацанами
Маленькими были.

А в десятом классе сразу
Первый раз влюблялись.
Мамы вслед кричат: «Заразы!»
Ночью целовались!

Вы сегодня здесь собрались,
Вспомнили былое
Быстро десять лет промчались.
Солнце золотое.

Пусть при жизни согревает
И ведёт к победам.
Ваша школа вам желает
Счастья с мирным небом.

22 июня — День памяти и скорби

День памяти и скорби
Прожить нам суждено.
Мы о погибших помним
При жизни, не в кино.

Качается шаланда
На голубой волне.
Предсказывала Ванга
Об этом страшном дне.

Прольётся кровь рекою,
Днём скорби нарекут.
Всё было не со мною.
Часы куранты бьют.

С минутой молчания
Застыла вся страна.
Невидимую далью
Натянута струна.

Оркестр в ритме вальса
На танец позовёт.
Хоть майся, хоть не майся —
Сто граммов не берёт.

Ты в сапогах, в пилотке
По кругу проведёшь.
Оставишь дома шмотки,
Всё, зная наперёд.

За всех живой останься,
Расскажешь про войну.
В бою под польским Гданьском
Заслуженно звезду

В Кремле Калинин вручит
Славянке, марш-бросок.
Нет ничего покруче...
Апрельский муражок.

Младым обнимет телом
Всё зная наперёд
В боях была ты смелой,
Рисуя звездочёт.

Теперь, под мирным небом
Тревога на душе,
Ты с чёрствой коркой хлеба
Рукой прижмёшь к себе.

И этот страшный голод
Останется навек.
Большой, дымящий город
Прольёт душевный свет.

День Памяти и скорби
Ты встретишь сединой
О Всех погибших вспомнишь
С молитвою святой.

К 100-летию комсомола

Я с комсомолом был в одной упряжке.
Махал лопатой, ломом и киркой.
Мы пили из одной походной фляжки
И были неразлучною судьбой.

Любили и мартены возводили,
Сражались за Великую страну.
Везде, где трудно, комсомольцы были,
Стояли с коммунистами в ряду.

Я верю — не жалеете о прошлом.
Я верю возродится комсомол.
Уйдет с пути нахлынувшая пошлость,
Исчезнет неподступный произвол.

Подснежники

Расцветет подснежник,
Солнце ярко светит.
Вячеслав Малежик
Нам сыграет песню.

Запоет Катюша
В ярком одеянье,
А за нею Ксюша
Выйдет на свиданье.

О любви та песня
Душу разрывает.
Плохо станет — если
Мама покачает.

Если любишь крепко,
Не сучи руками.
Не сломать бы ветку
Темными ночами.

с. Чесма

Наталья Дубровина

О добром деле, слове и семье

эссе

Бывает достаточно одного доброго слова, чтобы почувствовать себя окрыленным. И очень важно, чтобы это слово было сказано при жизни человека.

Е. Леонов

Совершенно согласна с этим. Ласковое слово — оно и мышке приятно, не говоря уж о кошке. Особенно в семейной жизни, да еще в возрасте «кому за»... Столько лет вместе... Все комплименты сказаны и серенады спеты.

А главное — твоя вторая половинка сам всегда находится в стадии повышенного ожидания заботы, нежности, внимания и благодарности к его персоне. Сходи, подай, принеси, выслушай, пожалей... Его проблемы всегда глобальнее и насущнее...

Ну, а что я? Смогу! И ничего, что нога отстегивается и голова трещит...

Главное, словарный запас не растерять, адресованный единственному и неповторимому.

И совсем необязательно объяснять, что когда-то... я вышла замуж, а не усыновила его, и что женщина любит ушами.

Арабская мудрость гласит: «Женщина добавляет сахара во все, что говорит мужчине, и убирает соль из всего, что мужчина говорит ей». Нельзя не согласиться с этим! Но как бывает мучительно трудно «не сыпать соль на рану» за не сбывшуюся «сказку» и за периодическую, пятибалльную встряску... тоже.

Ну, чем я хуже восточной женщины? Я тоже умею быть благодарной! За его лучшую черту характера — мириться первым! Это не унижение, а большое мужское достоинство.

Как можно не ценить его за то, что в своем бумажнике он носит мою фотографию? Там могли быть и деньги, потраченные на наряды и безделушки.

Он мой лучший повелитель в мире, потому что умеет повелевать собой и прощать мои маленькие слабости.

Для создания семьи достаточно полюбить. А для сохранения ее — нужно научиться терпеть, прощать и говорить... Говорить по душам... Словами, взглядами, объятьями.

Поторопитесь, люди! Нам отпущено не так уж много времени!

Без слов

Опять завел меня с полоборота.
— Ругаться с вами, сударь, неохота.
Но и мириться гордость не позволит,
А вас никто насильно не неволит!

Ну, подойдите ближе, подойдите.
Молчите «громче», крепче обнимите,
Уткнитесь носом виновато в мои плечи...
Ну вот и мир спасен и этот славный вечер!
п. Увельский

Александр Фунштейн

Ненормальная зима (сонет)

Что за зима? — Ни снега, ни мороза.
Сойти с ума, одни сплошные слёзы.
Ну, что за лес ни одного сугроба?
Лишь ветер свищет с непонятной злобой.

Где облака? Ведь были же когда-то,
Без лыж скачуют лыжники ребята.

Скорей бы налетела заверюха,
Ведь без неё на сердце как-то глухо.

Не испугать нас вьюжной кутерьмой,
Не страшен холод нам, мой друг, с тобою,
Земле ведь зябко, где ты, снегопад?

Пусть налетают снежные метели
И расстилают белые постели,
И запыленный город будет рад.

г. Челябинск

Ческидова Т. В. Старенький футляр : стихотворения.

Челябинск : Цицero, 2018. 120 с.

Поэт из Троицка Татьяна Ческидова не нуждается в особом представлении — её имя и так хорошо известно в литературных кругах Южного Урала. Третья книга поэтессы, как сказано в аннотации, открывает читателю взгляд автора на разные стороны нашей жизни.

И взгляд этот — взгляд настоящего художника. Татьяна Ческидова, может быть, как никто другой, сторонится штампов и общих мест. Её голос узнаваем и любим. Она ищет и находит что-то невероятное в совершенно обыденном. Крылатые сквозняки, дышащие крыши, гуляющее босиком по марту солнце, рать пернатых облаков, кортежи деревьев, пьющая тишину луна — эти образы и метафоры я выписал только из нескольких первых стихотворений. Впечатляет, не правда ли?

О чём же стихи Татьяны Ческидовой? Страницы книги «заселены» домами, окнами, шторами, часами, луной, солнцем, птицами, деревьями. Эти стихи — безлюдны. Читатель остаётся один на один с поэтическим «антуражем». Он (читатель) как бы заколдован от чужого вмешательства и полностью погружён в ткань стихотворения. Зачастую это искусно сшитая лирика. Но не только. За спиной героини всегда чувствуется беспокойное дыхание города, а между строк можно увидеть то безудержное веселье, то философский прищур, то печаль, иногда граничащую с отчаянием. Это не всё. В стихах звучат и социальные мотивы: «Клёны» (кто-то бездумно срубил деревья вдоль дороги), «Их душ кривые зеркала...» (мода на православие среди воров и бандитов), «Закрой мой взор холодной рукой...» (проблема смога и вообще экологии в Челябинске).

Есть, конечно, и посвящения — Белле Ахмадулиной, Олегу Павлову, Лидии Хрипко, Тулегену Наурзбаеву. Это лишний раз подтверждает, что поэты из Троицка не живут в безвоздушном пространстве, а активно участвуют в литературном процессе.

Строчка из стихотворения «Троицку» дала название всему сборнику: «Мой город — старенький футляр / С потёртыми боками». Понятно, что у каждого автора найдётся такое вот стихотворение, прославляющее родной край. Как правило, ничего хорошего из подобных затей не получается. Список приблизительно один и тот же: ах, какие здесь дома! Ах, какие здесь люди! Ах, какая природа! И никогда и никому мой город не сдавался и впредь не сдастся! Что и говорить, Татьяне Ческидовой не в полной мере удалось преодолеть это клише. К тому же образ города-футляра кажется мне сомнительным. Если ты так представляешь город, то должен рассказать и о его «начинке». Не просто о задумчивых лицах и прямых улочках, а как бы разъясняя, откуда взялось это странное сравнение города и футляра. Но и это стихотворение поэтессы спасает концовкой: «Люби, люби его, как я — / Дочернею любовью». Такое признание никак не назовёшь формальным.

«Вдумчивое прочтение нового сборника «Старенький футляр» Татьяны Ческидовой, — пишет в предисловии к книге руководитель литературного объединения «Степь», поэт и прозаик Павел Хрипко, — невольно вызывает отзывчивый резонанс добрых душевных струн ценителей изящной словесности. Владение большим диапазоном изобразительных средств, своеобразная метафоричность, богатый словарный запас, чуткое понимание нюансов родного языка, искреннее сострадание к бедам людей, природы, окружающего мира заметно выделяют её творчество».

Лошади пасутся на закате, / Щиплют вечер тёплыми губами. / И небес оранжевое платье / Втягивают жадными ноздрями. // Чувствуя вибрации степные, / Вздрагивает терпкая прохлада. / Серые, буланы, гнедые... — / Взгляду незатёртому отрада. // Лунная, шафрановой прорехой, / Музыка уносится в ночное, / Тренькая кузнечиковым эхом / У копыт, что кованы судьбою.

Ружин В. М. Минькины уроки : рассказы.**Челябинск: Цицero, 2017. — 72 с. : ил.**

Виктор Ружин — писатель, широко известный на Южном Урале. В его биографии есть интересный факт: первая книга рассказов увидела свет, когда автору уже исполнилось больше шестидесяти лет. О чём это говорит? О том, что Виктор Ружин не спешил знакомить публику с «сырым материалом». Неудовлетворённость своими литературными результатами, желание «прыгнуть выше головы», стремление достичь совершенства — как правило, признак таланта. Книга «Минькины рассказы» подтверждает эти выводы.

В сборнике пятнадцать рассказов. Все они разные, но в то же время легко догадаться, что эти произведения принадлежат перу одного автора. Что их объединяет? В центре каждого повествования — ребёнок. Обычно это мальчик 11—15 лет. Автор практически не даёт никаких внешних характеристик своему герою: мы не знаем, толстый он или тонкий, конопатый или белобрысый и т. д. Да и внутренний мир мальчишек — загадка. Вероятно, это связано с тем, что в таком возрасте характер человека ещё только формируется, и трудно выделить какие-то доминирующие черты. Ещё одна особенность — отсутствие события. Нет, конечно, что-то там с героем происходит, но это не те события, которые повлияют на всю его последующую жизнь, то есть — не судьбоносные.

Вот мальчики решили зарезать гуся, чтобы стать такими же сильными и важными, как он («Гусь»). Вот юный герой каждый день поднимается на заброшенную железную вышку и смотрит, как шахтёры идут на работу или с неё («Вышка»). Вот мальчик не любит посещать детский сад («Завтра воскресенье»). А вот другой маленький герой смотрит, как горит аптека и даже участвует в расхищении её богатств, пока они не превратились в угли («Луна-месяц»).

То, что Виктор Ружин практически не описывает своих героев, не даёт их портреты, черты их характеров, то, что в повествованиях нет каких-то судьбоносных поступков — очень современно. Рассказ XXI века, как правило, предлагает читателю стать соавтором произведения и самому представить героя, нарисовать его в своём воображении. Что же до судьбоносных событий, то и здесь есть особенность: прочитав рассказ, в котором как бы ничего и не происходит, читатель вдруг осознаёт, что что-то важное — произошло, что герой повзрослел и никогда уже не будет прежним. И вот это ощущение, что на твоих глазах происходит *история человека*, не отпускает читателей рассказов Виктора Ружина. Такой подход тоже свойственен прозе нового века. Очень радостно замечать, что автор «Минькиных уроков» уловил эту тенденцию.

Хочется отметить, что быт, природа, взаимоотношения людей в книге описаны скудным языком и скухими средствами. Это вовсе не упрёк, а констатация: автор будто бы боится многословия, поэтому ограничивает себя во всём и везде. Вероятно, таковы особенности писательского стиля Виктора Ружина. Лучшими, на мой взгляд, являются строчки, имитирующие народную речь. Тогда вольно или невольно вспоминаешь Андрея Платонова, который раздвигал и сталкивал слова каким-то необычайным образом, являя читателю и красоту, и парадоксальность, и бездонную силу русского языка. К сожалению, таких мест в книге Виктора Ружина не так уж и много. Как только автор пытается нарушить привычный порядок слов, добавить тексту образности, метафоричности — он будто бы не верит в свои писательские возможности и опять «скатывается» на привычное течение речи.

Книга проиллюстрирована рисунками Александра Разбойникова. Добавляют ли иллюстрации что-то к тексту, расширяют ли (а может — опровергают?) наше представление о происходящем? Не знаю. В первом же рассказе («Артёмкина радость») героя-мальчика как бы берут в свою компанию пьяные и развесёлые матросы, которые после службы хотят устроиться на шахту. Никакой удали, безоглядной молодости, никакого пьяного куража на рисунке не увидишь. Матросы похожи на нянечек из детсада. Не думаю, что это удачный союз автора и художника.

— *Сворочайся на брюхо, старый хрыч, хватит громом разражаться. А то мальцов спужашь раторией-то своей, родимчик их забьёт.*

Ну а утром дед с прищуром и вприкуску пошёл допытку пацанов.

— *Ну, бедуны, чё натворили-то, сбежали, никак, по глазам вижу. Признайтесь лучше, — затряс он седой клочковатой бородой.*

Селиванов В. В. Эхо минувшего. Челябинск, 2018. — 158 с.

Виктор Селиванов — человек нерядовой судьбы. В его послужном «географическом» списке и Владивосток, и Уссурийская тайга, и Ростов-на-Дону, и, конечно, Урал. Он освоил множество рабочих профессий: механизатор, кузнец, сварщик, токарь, плотник, столяр, кинемеханик, электромонтёр по монтажу и обслуживанию электроустановок. Можно сказать, что профессию писателя он тоже вполне освоил, ведь книга «Эхо минувшего» стала третьей в судьбе «обрусевшего цыгана Виктора Селиванова».

Книга начинается с автобиографии писателя (подзаголовок: «с уклоном на размышление»). И это очень правильное решение, поскольку автобиография даёт понятие о масштабе личности автора сборника. А масштаб этот может вызывать только уважение и даже некоторый трепет у читателя.

Книга состоит из четырёх частей. Первая из них — «Побывальщины». Это байки, зарисовки, юморески из жизни автора и его лучшего друга Ильбатыра. Краткость и некоторая притчевость (такого слова нет, но я его употребляю) — несомненное достоинство этих житейских историй.

Вторая часть книги «Глаголы старых тетрадей» — реальная переписка конца 1969 года между парнем и девушкой, которые случайно познакомились на перроне и продолжили общение в электричке. И пусть он пишет от лица своего друга и, скорее всего, просто мается от безделья, развлекаясь таким вот «эпистолярным» способом, но она-то — влюбилась. И ведь виделись один раз в жизни, а тут такое нахлынуло! Любовь по переписке? Да, время сейчас другое, и письма идут не неделю, а долю секунды, но человек остаётся самим собой. Словом, история повторяется на новых виражах: только в прошлом году я «потерял» двух своих товарищей, которые нашли себе невест в социальных сетях. Один уехал в Иркутск, другой — в Киров. Стоит ли добавлять, что своих возлюбленных до отъезда они ни разу не видели и что их ждёт в далёких краях — не знали.

Третья часть книги называется «Посёлок Шолоховский. 1968—1969 гг.». Это дневниковые записи того периода. Наверное, дневники автора, описывающие события других лет, не сохранились или он вёл их от случая к случаю. А жаль. Этот мемуарный раздел сборника чрезвычайно интересен, поскольку без прикрас и литературных красот ведаёт читателю о быте и нравах далёких шестидесятых.

И наконец четвёртая часть книги «Эхо минувшего» посвящена стихам. Это, как правило, короткие тексты, стремящиеся к простоте и глубине афоризма. Автор умело (даже хочется сказать: виртуозно) рифмуется слова и складывает их в строчки. Иногда улыбка как бы сходит с его лица, и тогда появляются полные горечи строчки о судьбе, любви и России.

И пусть в этих стихах не рождаются какие-то новые смыслы, пусть эти стихи консервативны своими темами и приёмами, всё же нельзя не заметить: творчество принесло Виктору Селиванову много счастливых минут и часов, может быть, даже спасло от каких-то гнетущих событий в жизни, помогло в трудные дни. Именно этим — врачеванием души — и ценна поэзия.

Салют вам, друзья! / Салют, подружайки! / Давайте сойдёмся / На нашей лужайке. / Но я не возьму / Ни гармонь, ни гитару. / Судьба без костра / Подсыпает мне жару. / Простите, друзья, / Неудачу мою. / Играйте и пойте. / Я вам подпою.

Мякушко В. В. Где твоё начало : повесть. Предвестие 90-х : социологическое исследование. Челябинск : Цицеро, 2018. — 225 с.

Новая книга члена Союза писателей России Валерия Мякушко посвящена 100-летию ВЛКСМ. Это не вызывает удивления, поскольку автор — комсомольский активист 1960-х годов, до сих пор убеждённый, что прошлое нашей страны, его комсомольские подвиги и будни достойны самого тёплого воспоминания.

Действие повести «Где твоё начало» (заметьте, название даётся без вопросительного знака, стало быть, ответ лежит на поверхности: вот оно, твоё начало, в комсомольской среде) разворачивается неторопливо и линейно. Вот в штат НИИ поступает выпускник института Владимир Симчин, приехавший издалека. Он специально просил комиссию по распределению, чтобы его отправили подальше от малой родины, ведь так он сможет уйти из-под влияния родителей, да и «пороху нюхнёт» по полной программе.

Повесть будет интересна читателям с самыми разнообразными пристрастиями. Тем, кто постарше, предстоит вновь окунуться в реалии былых дней. А те, кто помоложе, узнают значение слов «вытрезвитель» или «комитет комсомола». Советская действительность окружит читателя со всех сторон. Здесь и выезд на картошку в колхоз, и уборка территории

мётлами и граблями. (При этом нельзя забывать, что речь идёт об инженерах и конструкторах, которые должны заниматься, кажется, совсем другими делами.) Здесь и скучный футбол по телевизору, и разговоры о противостоянии с Западом, и «Москвич-412», выигранный в лотерею. Здесь и воровство продуктов из институтской столовой.

Чем заняты в этом НИИ? Разрабатывают электронную часть систем регулирования. Вот это да! Сразу видно, что автор не понаслышке знаком с работой таких коллективов. А когда институт подключается к Тайсинскому проекту, то задачей конструкторов и инженеров становится «обеспечение автоматическими измерительными средствами систем контроля и управления технологическими процессами». Такие слова я читаю как поэму! Все эти осциллографы, контакты, авторегулирования, диоды, схемы и микропроцессоры убеждают читателя в компетентности автора. В компетентности не только технической, но и житейской.

Итак, наш молодой специалист Владимир встречает девушку Нину. Как выясняется позже, Нина формально замужем за одним неприятным типом, но это не мешает вспыхнувшим чувствам, которые быстро перерастают в бурный роман. Герой даже переезжает к Нине и строит с ней совместные планы на будущее. Владимир — целеустремлённый инженер (потом он станет освобождённым секретарём комитета комсомола института), желающий детально разбираться в тонкостях своего ремесла, спортсмен, активист, рассудительный и неравнодушный гражданин своей социалистической родины. Ещё он задумывается о защите диссертации и потихоньку сдаёт кандидатский минимум. Изъянов в этом человеке нет и быть не может.

Нина — поверхностная и скучная натура. Родилась в неблагополучной семье, после окончания средней школы и не думает о повышении своего образования. К политике, спорту, культуре — равнодушна. Типичная, словом, мешанка.

Да, это вполне приемлемые типы советской эпохи. Но ведь на дворе 2018 год. Герои, состоящие из одних достоинств (или недостатков), давно перестали волновать умы людей. (Я же в шутку подумал, что Нину надо превратить в вампира, который выходит на охоту по ночам. А из Владимира тоже сделать ночного охотника, но только со знаком «плюс»: пусть бы спасал припозднившихся девушек от всякого рода насильников из подворотен. Тогда коммерческий успех повести был бы обеспечен. Впрочем, это было бы совсем другое произведение.)

Социологическое исследование «Предвестие 90-х» написано аж в 1967 (!) году. Можно назвать эту статью «криком почти отчаявшегося». Валерий Мякушко тогда был искренне озабочен судьбой комсомола, для него организация — не пустой звук, а родная территория. Автор особенно тонко рассуждает о массовости ВЛКСМ: уж не в ней ли, не в массовости, таится проблема? Ведь в погоне за численностью организации принесены в жертву качественные характеристики тех, кто в эту организацию входит.

История комсомола — героическая вне сомнений. Тысячи тысяч молодых людей во имя будущего вкладывали свой труд на великих стройках, осваивали новые земли, отдавали свои жизни в борьбе с врагами. Как же случилось, что такое массовое социальное движение как комсомол, в которое было вложено столько сил активистов и средств, накануне 90-х одним из первых развалилось при распаде СССР?

г. Челябинск

Видовые тактометрические периоды четырехдольника определяются положением анакрузы и эпикрузы. Четырехдольник первого вида — закрытого контура, в нем нет анакрузы (нулевая анакруза), остальные три имеют открытые контуры и в каждом из видов свои анакрузы и эпикрузы. Обычно норма фразостроения в частушке совпадает с тактометрическим периодом. Как бы ни менялись количество и характер слогов частушки (долгие, краткие и кратчайшие), какой бы структуры ни были паузные модификации, долевым объемом любой частушки остается неизменным: 16 долей в периоде, а вся частушка — 32 доли. Частушку следует читать четким метрическим речитативом. Многие частушки паузного строя представляют собой образцы народного тактовика.

ЧЕТВЕРОСТИШИЕ — самая популярная в поэзии всех народов форма строфы с рифмами по типу aabb, abab, abba и (в поэзии восточных народов) aaba. Примеры русских четверостиший в той же последовательности рифмовки (независимо от стихотворных размеров):

Там генцианы синие в лугах,
Поток румяный в снежных берегах.
Там в неповторной прелести долин
Встал ледяной иль черный исполин.
(Н. Тихонов)

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за пол-тумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю».
(С. Есенин)

Поэт заслуженно любим и знаменит,
И стих его в сердца сограждан проникает,
Когда народным счастьем он сверкает
И радостью народной звенит.
(Д. Бедный)

Народовластие — это дело правое

Значение социальных объектов*

В последних трех своих книгах, я всё размещаю статью: «Развитие человеческой мысли». 8 стр. Это есть философские проблемы и философские знания об обществе. Это очень важно.

Где далее все отмечаю: как устроен космос, так и должно быть устроено общество. Но монархи на это не обращают внимания.

В космосе есть бесконечное количество космических объектов. В обществе должно быть бесконечное количество Социальных объектов, которые должны опоясать весь земной шар. Но Социальные объекты должны быть не произвольными, а образовываться согласно требований философского материализма и согласно общих философских знаний.

В Социальных объектах складывается сложная структура и очень сложные производственные отношения. Это есть первичные централизованные органы общества.

В данной книге я размещаю статьи: «Истина для правильной жизни». 6 стр. И «Наука выживаемости и созидания». 4 стр. Так в этих статьях я довольно многое раскрываю о существенном содержании и производственных отношениях их. Это желательно читать и изучать.

В моих книгах все еще более подробно раскрывается. Всё полезное.

Общество живет еще в неприглядных условиях где правят монархи и сохраняется божество. Это еще есть детство человечества.

Это есть первая эпоха развития человечества.

Но в будущем, когда возникнут многочисленные, полноценные Социальные объекты, то тогда уже будет Вторая эпоха развития человечества. Вот каково их первое великое значение.

В статье «Вопросы первой и Второй эпох» 2 стр. Эти вопросы более подробно раскрываются.

Так вот Социальные объекты — это не просто желание их признать. Они представляют объективное явление. Социальные объекты с Коллективными поместьями, с лесом, с Коллективной собственностью и с дворцами-термосами представляют материализацию всех задач и всех проблем в истории развития человечества.

Их существенное содержание показывает: куда ведут Социальные объекты.

Они объединяют три производства в одно целое: собственное производство на Коллективном поместье на себя, специализацию и кооперацию с соседями и базовое производство. Объединяют два вида собственности: Коллективную и общественную, плюс множество услуг. И все в одно цело. В первичном централизованном органе.

Некоторые вопросы перечисляем;

От масштабного индивидуализма к полному масштабному Коллективизму.

От Государственной формы правления к полному Народовластию.

От заблуждений к полному пониманию Науки созидать.

От незнания Философского материализма к пониманию необходимости распространения его на область общественных отношений.

От эмпирического планирования к Научному планированию.

От утопической производительности к разумной производительности общественного труда.

От безысходности к Высшим качествам жизни одинаково для всех.

От частной собственности к Коллективной собственности.

От необщественной к Общественной собственности.

От безысходности народа к полной социальной справедливости.

От специализации труда к Научной организации труда.

От эксплуатации человека человеком к доброжелательности и дружбе.

От разъединения к объединению земледелия с промышленностью и быта людей с производством.

От разъединения к объединению физического и умственного труда в лице одной личности.

От разъединения обучения детей к объединению с материальным производством.

* Публикуется в авторской редакции.

От денежного обращения к сознательной, добровольной социально-экономической самой высокой организованности всего человечества.

От домов и квартир к Коллективным дворцам-термосам.

От дач, садов и ранчо к Коллективным поместьям.

От субъективного мышления в философии к полезному Объективному мышлению.

От безобразного отношения к бережному сохранению биосферы и ноосферы.

От дымных городов со смогом к Сорамерным, полноценным, самостоятельным поселениям народов.

От недоверия к взаимопониманию, доброжелательности и дружбе.

От обеспечения рублем личности к обеспечению личности через урожай Коллективного поместья, комбинат питания и дворец-термос.

От моногамного брака к парному браку. В свободное от производства времени и при полном материальном обеспечении все честные индивидуалисты. Все занимаются само собой.

От раскола государств к пирамиде Мировой общине.

От бесконечных вооружений к полному разоружению.

От заблуждений в первой эпохе к Второй сознательной эпохе.

От немирного времени к Мирному времени, к Новому миру.

Ох, сколько еще требуется положений, чтобы общество пришло к пониманию необходимости: Объективного материализма, философского материализма и Науки созидать.

Это все есть некоторое существенное содержание Социальных объектов. Они еще представляют Народовластие и первую ступень формирования централизованных органов общества.

Народовластие возникает в условиях Социальных объектов. Представляет новые бес государственные и бес денежные структуры общества. Составляет справедливое, демократическое, безопасное и правовое Совершенное общество.

Народовластие представляет высшую ступень умственного развития личности и высшую ступень образованности человека.

По этим производственным отношениям, будет позитивно складываться вся будущая жизнь людей, которая обеспечит им порядок в обществе и на Земле, зажиточность, социальную справедливость, привлекательные идеи, удобства жизни и безопасность одинаково для всех.

Все вместе эти знания, как и другие, представляют Науку созидать.

Необходимо отметить очень важные вопросы.

Обеспечивают отмирание первой эпохи и возрождение Второй эпохи. Самой нужной, ПРОГРЕССИВНОЙ и полезной, где и будет жить человечество.

Обеспечивает отмирание божества. Эта забота законов Кармы.

Объединяет три вида производства, два вида собственности и массу услуг в одно целое.

Представляет на деле философские знания в обществе.

Претворяет в жизнь Высшие условия жизни людей.

Коллективные поместья сохраняют все условия биосферы и ноосферы.

Социальные объекты обеспечивают правильное использование земли.

Социальные объекты обеспечивают точную сортировку отходов производства и быта и использованию их по назначению. Отходов куч мусора не будет.

Социальные объекты обеспечивают отмирание денежного обращения в обществе, отмирание чиновников и монархов в обществе.

Социальные объекты представляют первичные централизованные органы в качестве Народовластия. Им принадлежит юридическое право по формированию вышестоящих централизованных органов, вплоть по формированию централизованных органов пирамиды Мировой общины.

В истории Социальные объекты назывались по-разному.

Ф. Энгельс предложил «Роды». Это были древние социальные объекты.

Н. Чернышевский предложил «Общины» Это тоже Социальные объекты. Это слово правильное и социальное. Но нам надо называть как-то еще и их обитателей. Здесь не получается.

Я много пишу и доказываю, что Социальные объекты желательно называть «Универсальными предприятиями». Почему? Так как здесь есть три вида производственной деятельности и два вида собственности. Согласно экономики это есть Универсальные предприятия. Так предлагаю и так дальше буду предлагать.

Английские социалисты-революционеры Социальные объекты предложили называть: «Низовой производственно-хозяйственной единицей общества» Это очень правильное название и справедливое. Это название большого хозяйства общества. Где-то так и приходится называть. Но здесь обитателей вообще не видно.

Фурье Шарль всех больше описывал преимущества Социальных объектов, о необходимости объединить все услуги в одно целое. Данные ячейки в обществе он называл «Фалангами», которые выше составляют различные производственные серии. Все описывал правильно. Но теория слишком велика, он не дошел до конца.

Кружок «Петрашевцев» в России широко пропагандировал идеи Фурье. Но власти в России при Николае I увидели в нем ущерб чиновникам и монархам. Обвинили их в «Заговоре идей». Несправедливо и жестоко расправились с ними.

Вот где наглядно видно, что нет Народовластия. Вот где сыр-бор. Чиновники боятся заниматься физическим трудом. И всех представителей Социальных объектов убирают кругом. Но Социальные объекты имеют самые большие преимущества одинаково для всех. Но теоретики объясняют, что к личностям нет претензий, Все личности в Социальных объектах могут принимать участие и жить очень хорошо.

Во Франции ремесленник по фамилии Коммуна предложил жить «Малыми городами». Их стали называть Коммунами. Все правильно.

Так история выдвинула слово «Коммуна». Это слово широко известно. Кругом были не сотни, а тысячи коммун. Но все не совершенны. Но обитателей их называли «Коммунарами». Это слово красивое и социальное.

Так я предлагал и предлагаю Социальные объекты называть «Коммунами», а обитателей их Коммунарами.

Самая высокая оценка давалась и будет даваться Социальным объектам. Здесь полностью претворяются в жизнь все философские знания. Жизнь коллективная с Коллективной собственностью обеспечивает самую высокую заботу человека о человеке и самое большое уважение. В связи с этим, возникает взаимопонимание, доброжелательность и согласие.

Я так же отмечаю, что всё это должны признать монархи, а им должны помочь признать всё это ответственные и сознательные люди.

Люди должны взрослеть и быть умными. Надо изучать Науку созидать.

Где не будет безысходности людей, постепенно отомрут все божества.

Вторая эпоха будет обходиться без всяких религиозных ритуалов. В свое время были таковы требования законов Кармы.

Так Социальные объекты выполняют все условия философских знаний. Коммунары становятся не просто грамотными людьми, а высоко образованными людьми. Они выполняют все условия Социальных объектов.

Так возникают правильные, низовые централизованные органы Народовластия.

Теперь у них возникает юридическое право по формированию вышестоящих централизованных органов, вплоть до пирамиды Мировой общины.

А централизованные органы Мировой общины устраняют колпак ядерной войны.

Так человечество будет спасено.

Возникает мирное время. Новый мир.

Предисловие к книге: «Истина для правильной жизни»

В этой книге я разместил предисловие, что писал к книге: «Свобода слова!» 206 стр. Я считал, что мое писание о необходимости для общества теории «Наука созидать» закончилась. Над которой я работал 75 лет.

Но вдруг возникло новое предложение. Я написал еще ряд статей, которых в ранее книгах нет. Я считаю, что эти статьи очень нужные и ответственные. Некоторые: категории, понятия и термины всё надо уточнять и более подробно описывать. Главное, я в них делаю важные логические ударения, которые я еще не делал. Но эти важные логические ударения, представляют новые знания о обществе и они будут нужны и о них должно знать всё человечество. Это отражает оценку и состояние общества на 2018 год. Это объективное явление и оно отражается на всех.

Например, в журнале «Графоман», 1/2017, 18 стр., я прочитал стихи молодой женщины, поэтессы Татьяны Ческидовой:

«У Земли-дирижабля переключило лопасть, И сочувствуют звезды сквозь ночи решето. Подсадными шутами мир корёжится в пропасть Всё за нас решено».

Как она в стихах отразила точно состояние общества на 2018 год.

Она отмечает: «Подсадными шутами мир корёжится в пропасть». Кто эти «Подсадные шуты». Для меня это есть монархи мира.

В маленькой книге я отмечаю конкретно, что они не владеют нужными философскими знаниями. Они их не изучают и не желают изучать. В книгах всё описано. Все решения

принимаются в единственном числе. В связи с этим нет у них нужных централизованных органов в масштабе человечества и их важных и нужных мероприятий. У них нет никакой ответственности за свои негодные решения.

В связи с этим, монархам мира не подлежит юридическое право по спасению человечества от колпака ядерной войны.

Они должны принимать решения, а у них нет юридического права. Поэтому они всё больше занимаются вооружением и довольны. А это всё не то, что надо для решения важных вопросов. Вот мое первое логическое ударение.

Далее я отмечаю, что Социальные объекты формируются согласно философских знаний. Социальные объекты нужны и они правильные. Коммунары уже ответственны за свой коллектив и безопасность мира. Для чего они уже беспокоятся за пирамиду мира. В связи с этим, им принадлежит юридическое право по формированию последующих централизованных органов, вышестоящих централизованных органов, в плоть до создания пирамиды Мировой общины. И им принадлежит юридическое право по спасению человечества от колпака ядерной войны.

Это мое второе логическое ударение.

Но и Социальные объекты кто-то должен создать?

Это необходимо в обществе создать Законодательную власть большинства народа. Она будет владеть всеми законами и всеми философскими знаниями. Участники будут пользоваться предложениями Центра учёных. Здесь принимаются решения огромным, масштабным коллективом, а не одиночками. В связи с этим они чувствуют свою ответственность за судьбу всего человечества. Они понимают, для чего надо владеть истиной правильной жизни и претворять её в жизнь. А истина это Социальные объекты. Здесь всё есть и наука и производство материальных благ. Вот Законодательной власти большинства народа и принадлежит юридическое право по формированию Социальных объектов.

Это мое третье логическое ударение.

Централизованные органы Законодательной власти большинства народа, создать их, должны разрешить монархи, а они не знают об этом. Монархам должны помочь разобраться все ответственные личности и руководители учреждений. Каждый сознательный и ответственный человек, кто болеет, за спасение семьи, страны, и мира должен думать правильно, согласно Науки созидать, и принимать соответствующие решения. А иначе нельзя. Без решения, выше стоящих вопросов, человечество живет без гарантии спасения и обеспечения мира на Земле. Это все должны знать.

Ситуацию общества на 2018 год должны знать все, а для этого её желательно опубликовать. Конечно, в моих книгах все подробно сказано, но монархи их не знают и не читают. Они ошибаются. Они думают, что одного вооружения хватит. Нет. Человечество спасет не вооружение, а Наука созидать.

Это мое четвертое логическое ударение.

Поэтому, все новые статьи и некоторые статьи, которые еще не были размещены в книгах, всё необходимо разместить в новой маленькой книге: «Истина для правильной жизни». Что я и делаю. С этой книгой Наука созидать полностью дополняется.

В книгу я включил ряд документов своей переписки с Высшими учреждениями страны. Где видно, что Науку созидать они признать не могут. Они её никогда не изучали и не знают. Это право принадлежит только Центру учёных. Что надо еще создавать. Поэтому, крайне необходима Законодательная власть большинства народа. Что я много объясняю и настаиваю.

В книге я помещаю полный список своих произведений, что писал ранее и что оформил красиво через типографию. Эти книги находятся в высших учреждениях Москвы, в Госархиве г. Челябинска и в некоторых библиотеках.

Этих книг вполне достаточно, чтобы определить Науку созидать. Её желательно опубликовать. Но пока вопрос не решен.

В некоторых книгах я предлагаю и настаиваю образовать Центр учёных. По научному и конкретному определению всех «слов» о обществе. А их у нас более 1000. И ничто из них официально конкретно не определено. Всё толкуют и толкают по своему личному мнению только монархи. А народ не знает ничего, всё спорят, иногда дело доходит до убийств. Идут иногда гражданские войны. Так нельзя жить. Все мы люди. Вот что отмечает поэтесса Светлана Богомолова: «Ни во что мы уже не верим, Только алчность в ноше заплечной. Измениться надо бы людям! — Что мы люди иначе забудем». «Графоман», 2/2017, 120 стр.

Для чего и обязательно нужен Центр учёных. Он не может пользоваться неугодными «словами». Он может пользоваться только утверждёнными научными словами.

Автор предлагает:

Всем, всем отказаться от частной и государственной собственности, масштабного индивидуализма и эмпиризма. Здесь нет никаких знаний об обществе. Только есть знания бюджета и денежного обращения и все.

Предлагаю: признать Коллективную собственность, что размещается на Коллективном поместье со дворцом, с лесом и с малыми средствами производства труда. Признать полную Коллективную жизнь людей. Признать знания полной обществоведческой науки. Науки созидать.

Здесь раскрываются полные, научные производственные отношения общества. Что и необходимо для стабилизации и спасения человечества. Необходим лозунг времени. Народовластие — это дело правое. Заблуждения будут раскрыты, Истина будет за Наукой созидать.

Значение науки созидать

Наука созидать, в первую очередь, объясняет философские знания. Это Объективный материализм, философский материализм. Помогает признать: диалектику природы, формальную логику. Широко раскрывает: законы социологии и Всеобщий социологический закон развития человечества. Вот что надо в первую очередь знать.

Все эти философские знания и первых исследователей их, я кратко объясняю в статье: «Развитие человеческой мысли». 8 стр. Это очень важно. Размещаю ее в некоторых книгах и в книге: «Свобода слова!» 206 стр.

Законы социологии подробно раскрываю в книге: «Истина образованного общества». 563 стр.

Работу Законодательной власти большинства народа объясняю в книге: «Ложное общественное мнение — опасно». 110 стр.

Вот эти философские знания доказывают для общества необходимость Народовластия. При развитии общества их будет три стадии.

Здесь в первой стадии Народовластия, это Законодательной власти большинства народа, с учетом Коллективов неодинаковых достоинств, участвует большинство народа. Это крупномасштабные централизованные органы страны.

Законодательная власть большинства народа целиком и полностью опирается на философские знания. Поэтому ей принадлежит юридическое право на принятие решений по обществу.

Законодательной власти большинства народа принадлежит юридическое право, под любым названием, на создание Социальных объектов, которые должны опоясать весь Земной шар.

Тут возникают вторичные условия централизованных органов Народовластия. Они раскрывают сумму существенного содержания в себе и правильные производственные нужные отношения.

Теперь вторичным централизованным органам Народовластия принадлежит юридическое право по образованию вышестоящих централизованных органов. Это третье условие Народовластия. Которое по масштабности все группируются всё в крупные централизованные органы и по принципу гармонии снизу-вверх до образования пирамиды Мировой общины, которая уже охватывает весь Земной шар.

Теперь централизованным органам Мировой общины немедленно необходимо начать формировать Всемирное Демократическое Правительство. По следующим условиям:

1. Когда в централизованные органы Мировой общины будет входить более 51 % населения Земли.

2. Когда в Мировой общине будет уже участвовать более 51 % монархов всех государств и объединений.

3. Когда Мировая община уже будет контролировать более 51 % территории Земли. При выполнении хоть одного пункта у централизованных органов Мировой общины возникает юридическое право по формированию Всемирного Демократического Правительства.

Согласно законам формальной логики Всемирное Демократическое Правительство начинает делить население Земли пополам: На Союз миролюбивых государств и государства, которые подлежат воспитанию. Вот Всемирному Демократическому Правительству, уже через Союз миролюбивых стран, принадлежит юридическое право и обязанность по спасению человечества от инфекционных заболеваний, природных стихий и спасения человечества от колпака ядерной войны.

Союз миролюбивых государств приступает к немедленному разоружению и в первую очередь атомного оружия. Обязывает это делать государства, которые подлежат воспитанию.

Так весь Земной шар окажется без вооружения. Что и необходимо для мирной и безопасной жизни народов.

Так Наука созидать обеспечивает мирное время и сохранение человечества.

Вместе с этим, Наука созидать, объясняет роль в обществе чиновников и монархов.

В обществе обязательно должны быть централизованные органы, которые исполняют роль руководства в обществе.

В обществе случилось так, что первоначально возникло не Народовластие, а первоначально возникли монархи. Это первые князья, короли, затем султаны, цари и еще генеральные секретари и президенты. Они исполняли неудачно и исполняют неудачно роль централизованных органов.

Они всегда по решениям находятся в единственном числе. И им не дано природой признать философские знания. Они никогда и ничто, кроме себя, не признавали и не признают до сих пор. У них нет программы по стабилизации и спасению человечества. Вот что опасно всем.

Но они признают свои личные: программы, доктрины, послания, вооружения, конституции, которые никогда не отвечали и не отвечают философским знаниям.

В связи с этим, раз они не признают философские знания, то им и не дано юридическое право принимать решения по обществу.

Чиновники и монархи всего мира до сих пор не знают своего истинного назначения. Вместо того, чтобы признать и наладить работу Народовластия, занимаются злоупотреблениями. Незаконно, по мнению Народовластия, занимаются хранением своей страны и своей территории. Что имеет место до сих пор. Им, без Науки созидать, это не видно.

Но им всегда что-то надо, тогда они без юридического права применяют силу. Вот причина войн.

Но все-таки философские знания заботятся о людях и монархах. Монархам принадлежит одно решение, которое не выполнено до сих пор. Это признать Народовластие в качестве Законодательной власти большинства народа, а они это пока не признают. Но всем обществом этот вопрос положено доказать. И это всеобщим ходом истории будет сделано.

Всеобщее прогрессивное развитие человечества обеспечат всем высшие качества жизни и высокую образованность людям. Так возникает взаимопонимание, доброжелательность и социальная справедливость. Опыт, разум и наука обеспечат защиту жизни одинаково всем.

Монархи обязательно обратят внимание на это явление.

Монархам может придти в голову озарение, что они обществу-народу больше не нужны. И они добровольно признают Народовластие, а Народовластие должно помочь им.

Вот такая и только одна роль принадлежит монархам.

И они не только должны признать Законодательную власть большинства народа, но и наладить её работу.

Это есть вторая и необходимая работа государства. Эта работа огромная, объемная и в масштабе всего общества и человечества.

Вот такая огромная и длительная схема существует по стабилизации и организации по спасению человечества от всех невзгод и спасения от колпака ядерной войны.

Только теперь знания Науки созидать выходят на истину. Наука созидать объясняет:

1. Наличие философских знаний в обществе и их значение.

2. Выводят общество из заблуждений и придают новое мировоззрение.

3. Необходимость Законодательной власти большинства народа. Это первичные централизованные органы общества, которым принадлежит юридическое право по созданию Социальных объектов.

4. Под любым названием необходимо создавать Социальные объекты. Только здесь выполняются все задачи людей в жизнь. Здесь возникают вторичные централизованные органы общества, которым принадлежит юридическое право по созданию вышестоящих централизованных органов.

5. Роль и значение централизованных органов общества: местных, вышестоящих и пирамиды Мировой общины.

6. Наука созидать объясняет роль чиновников и монархов в обществе.

7. Необходимость и признание монархами Народовластия.

8. Необходимость и значение второй работы государства.

9. Наука созидать объясняет, что каждая страна, в том числе и Россия, не является отдельным самостоятельным организмом на Земле. Все-лишь звенья в длительной цепи пирамиды Мировой общины. Вот такая схема спасения человечества. Она огромная, объемная и длительная,

Прошло 2000 лет, а у монархов, кроме вооружения, никакого сдвига нет. Когда все можно сделать за 5—7 лет.

10. Наука созидать изучает вопросы: Либо — Либо. Либо заблуждения — Либо Наука созидать.

Либо масштабный индивидуализм — Либо масштабный Коллективизм. Согласно законам формальной логики они вместе существовать не могут. При заблуждениях, кроме эмпиризма, никакой науки вообще нет. При Коллективизме существует полная и объемная Наука созидать. Всё это объясняют философские знания о обществе. Они раскрывают заблуждения и создают новое, прогрессивное научное мировоззрение.

Всё учение марксизма-ленинизма, всё доктрины и послания монархов, все конституции, войны, различные выборы чиновников и монархов, излишки различных партий и божеество — все входит в систему заблуждений общества.

Так тут всё и будет отмечаться.

Наука созидать — это новое, прогрессивное научное мировоззрение. Это новая система о обществе. Так тут всё и будет изучаться.

Это есть всё Мировые, единой, великой, правильной обществоведческой науки. Науки созидать.

Как математика среди человечества одна. Другой нет.

Так и Наука созидать среди человечества одна. Другой нет.

Как математика воспитывает всех в одно целое.

Так и Наука созидать воспитывает всех, в том числе чиновников и монархов, в одно целое. Всех в пирамиду Мировой общины.

Так возникает стабильное социально-экономическое и умственное развитие человечества в мировом масштабе.

Так Наука созидать обеспечивает постепенное отмирание колпака атомной войны и существование человечества на вечные времена.

Не вооружение, а Наука созидать спасет человечество от колпака атомной войны. Но Науку созидать надо изучать.

Когда она будет признана, только тогда человечество будет спокойно спать. Либо всё вооружение будет ликвидировано.

Порядок на Земле и в обществе будет наведён.

Все это Наука созидать.

Вот какое великое и всемирное значение Науки созидать.

ДОЛГ МИРОВОЙ ОБЩИНЫ

Народовластие — это дело правое.

Заблуждения будут раскрыты.

Истина станет за Наукой созидать.

Науку созидать признают все

И дело миром кончится.

Вот что отмечает поэт Александр Нелюбин:

Нам за руки взяться всем надо,
Всем миром обнять шар земной,
Тогда мать Земля будет рада,
Всем станет она дом родной.
Планета в веках процветала .
Усилия всех стран так важны,
Чтоб жизнь на Земле краше стала,
Добро, здравый ум здесь нужны.

Еще, например, поэтесса Татьяна Ческидова отмечает так:

У Земли — дирижабля переклинило лопасть,
И сочувствуют звезды сквозь ночи решето.
Подсадными шутами мир корёжится в пропасть.
Всё за нас решено.

Нет. Юридически им вопросы не принадлежат. Это заблуждения. Юридически, согласно Науки созидать, все вопросы по обществу принадлежат Народовластию.

Электронная версия альманаха размещена по адресам:
www.zenon74.ru/projects; www.mv74.ru

Графоман № 3(35)/2018

Литературный альманах

Редактор *Н. И. Година*

Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 16.08.2018 г. Гарнитура «Constantia».
Бумага «Гознак». Печать офсетная.
Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 9,43.

Заказ № 267.

Тираж 85 экз.

Цена договорная.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Фотохудожник»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1.